

Все мы

ИЩЕМ, АЖИЧ

КОЛЛЕКЦИОН

АНОМАЛНИ

СЭДИ ТЁРНЕР
КОЛЛЕТ ФРИДМАН

В будущем нет болезней, нет войн и беспорядков. Все граждане являются довольными членами Глобального Управления. Но одним летом все должно измениться.

Киве Ти недавно исполнилось пятнадцать. Все ее мечты вот-вот сбудутся. Она должна отправиться в Лагерь Монарха, где будет запечатлена с предписанным партнером. Однажды у них будут идеальные дети и идеальная жизнь. Но в ее счастливой, беззаботной жизни в Океанской Общине что-то сильно тяготит Киве. Ходят слухи об «аномалиях» — гражданах, которые не могут быть запечатлены с партнером по разным причинам. Никто не знает, что с ними происходит, но они никогда не возвращаются.

Когда Кива приезжает в Лагерь Монарха, ее худший кошмар сбывается — она аномалия. После процедуры запечатления, люди, которых она любила, резко меняются, и она начинает сомневаться во всем, что знала. Что, если свободой и индивидуальностью пожертвовали ради безопасности? Что, если человек, который может решить все проблемы, является тем, кто их создал? И что, если он вовсе и не человек?

Когда Кива находит выщарапанное предупреждение под своей двухъярусной кроватью, она понимает, что неподчинение будет наказываться, инакомыслию не место в этом мире, а повстанцы будут уничтожены.

Переводчик: Ирина Б.

Редакторы: Владушка, Рита Я.

Вычитка и оформление: Виктория К.

Обложка: Виктория К.

ПРОЛОГ

Крики пронзают утренний океанский воздух. Я не знаю, кричит это ребенок или моя мать, но я точно уверена, что должна добраться до дома. Немедленно. С самого утра было предчувствие, что что-то пойдёт не так. Я вздрагиваю, вытирая соленую воду с глаз. Мама должна родить сестру только через несколько часов. Я думала, что успею поплавать утром.

Но ошиблась.

Стоны оглушают, пока я выбираюсь из воды и мчусь вверх по берегу. Как только я отворяю деревянную дверь нашего дома, сразу вижу маму. Она лежит на кровати в луже крови. Незнакомец, одетый в белые одежды и большой тюрбан, закрывает ей глаза. Что происходит?

— Мама! — кричу я, и мой голос, голос шестилетней девочки, дрожит от страха.

Незнакомец пытается схватить меня, но я вырываюсь. Моя мама мертва. Её светлые кудри спутаны, придавая ей волнующий ангельский вид. Маленький ребенок лежит молча рядом с ней. Мой отец, моя непробиваемая скала, плачет на полу, убитый горем.

— Мама. — Мой голос надламывается. Моя жизнь кончена.

— Ты должна слушать свое сердце, Кива, — предупреждает тихим с акцентом голосом незнакомец в тюрбане, притягивая меня ближе к себе.

— Откуда вы знаете мое имя? — Он не отвечает мне. Вместо этого берет новорожденную и уходит в заднюю комнату.

Пару минут спустя раздается стук в полуоткрытую дверь, и входят двое мужчин, одетые

в черное. Эта форма Глобального Управления. Заступники. Люди Собака Васела.

— Родился гражданин, — говорит мужчина ниже ростом.

— Она мертва, — немедленно отвечаю я, не совсем понимая, почему лгу. Я знаю, что моими обязанностями как гражданина является подтвердить рождение ребенка перед представителями власти, чтобы они внесли ее в учет численности. Официальные представители всегда присутствуют при рождении ребенка. Это закон. Их задача — установить между бровями ребенка маленькую кристаллическую точку под названием Третий, в которой содержится информация для зашифрованного кода Глобального Управления.

Сильное предчувствие заставляет меня оправдаться.

— Пожалуйста, позвольте нам оплакать их, — умоляю я, указывая на моего причитающего отца.

Мужчины уважительно кланяются и уходят, занеся в свои планшеты информацию о том, что произошло. У них нет оснований подозревать меня во лжи. Граждане Глобального Управления никогда не лгут. Это не в нашем характере. У меня нет причин лгать.

Мужчина в тюрбане выходит из задней комнаты. Он передает мне мою маленькую сестру. Ее пальчики такие крохотные. Такие нежные. Ее глаза такие яркие. Она очень похожа на мою маму. Несколько месяцев мы с мамой обсуждали имя для малышки. Теперь моя мама мертва. Я осознаю отвратительную реальность и начинаю плакать. Незнакомец нежно забирает у меня ребенка.

— У тебя грустные глаза, Кива. Грустные глаза, которые помогут тебе изучать внешний мир и истины внутри тебя. — Я в шоке и не могу понять его слов. Я хочу быть с мамой. Хочу быть с сестрой. Хочу, чтобы все было хорошо, а этого больше не будет.

— Все будет хорошо, — с нежностью говорит незнакомец, как будто умеет читать мысли. — Меня зовут Харидживан. Я обещаю защищать ее до тех пор, пока ты не будешь готова. Будь сильной, Кива. — Он пеленает малышку в белые одежды, будто она часть его костюма, и направляется к двери.

— Ее зовут Сан, — говорю я ему вслед и иду утешать моего безумевшего от горя отца.

ГЛАВА 1

Я верчусь

Круг за кругом, подвешенная к сводчатому потолку вниз головой, наблюдаю, как мир крутится вокруг меня. Я закрываю глаза, потому что сильно кружится голова и зову на помощь, но никто меня не слышит. Неподалеку стоят мужчины, в идеально выглаженной черной форме, но они смеются и не обращают внимания на мой плач. Они двигаются плавно, будто скользят по воздуху. Я пытаюсь пошевелить руками, чтобы остановиться, но они прижаты к телу и обмотаны шелковыми нитями, как будто я в коконе. В ужасе открываю глаза, и мой взгляд останавливается на нем, я вижу свое отражение в его ясных голубых глазах. Лишь один его вид заставляет меня взять себя в руки. Он будет рядом со мной и защитит меня.

Этот кошмар преследует меня всю жизнь. В пятнадцать лет у меня, конечно, есть обычные кошмары, вроде тех, где я падаю или где у меня выпадают все зубы, но этот повторяется чаще всего. Он похож на воспоминание, но я не припомню, чтобы что-то подобное происходило в моей жизни. В некотором роде, этот сон более правдоподобнее, чем воспоминания о моей младшей сестре и мужчине в тюрбане, который забрал ее.

Я знаю, что Сан жива. Где-то она ждет меня. Иногда я спрашиваю о ней у папы, но он

говорит, что она никогда не существовала. Но я точно знаю, что у меня есть сестра. Все свои воспоминания о ней я запрятала вглубь своего подсознания, поэтому мои сны связаны с моим подвешением и голубоглазым мальчиком, имя которого я не знаю, но который дал мне почувствовать себя в безопасности.

Сейчас же я чувствую себя в безопасности только в воде. Когда я плаваю — я свободна. Мои мысли ясны и кошмары кажутся чем-то нереальным. Я плаваю каждое утро перед завтраком, что стало уже установленным порядком.

Нырять в волнах, я придерживаюсь быстрого темпа, наслаждаюсь прохладной соленой водой, и утреннее солнце опалает мою спину, пока я плыву параллельно неровному каменистому берегу. В это время я здесь одна, но скоро океан будет переполнен берущими пробы рабочими, детьми и рыбаками. Сейчас же океан — это мой личный бассейн, и я не собираюсь вылезать из него.

Через несколько часов я уеду в лагерь и ближайший месяц проведу без океана и утренних заплывов. Поэтому ныряю в последний раз, чтобы проститься со знакомыми морскими растениями, яркими коралловыми рифами и косяками разноцветных рыб. Я поворачиваю к берегу и плыву под водой, пока не добираюсь до берега. Затем быстро выбираюсь из воды и со всех ног бегу домой, позволяя воздуху обсушить мое тело и волосы. Перепрыгивая через три ступеньки нашего маленького прибрежного домика, где мы с отцом живем, уже чувствую запах яиц и тостов, разносящийся в воздухе.

— Поторопись, Кива. Скоро начало, — предупреждает отец.

Снимаю толстое полотенце с крючка около двери и заворачиваюсь в тяжелый материал, а папа подает завтрак и наливает кофе. Я нечаянно почесываю мизинцем по Третьему, непрозрачному кристаллическому алмазу, закрепленному на лбу между бровями. Он появился у меня, когда я еще была ребенком. У каждого гражданина есть такой же, через его сложную спутниковую систему мы узнаем важные новости и находимся под наблюдением для нашей безопасности. Когда новостной доклад начинается, я пересаживаюсь на один из двух высоких металлических стульев у кухонной стойки. Это наш утренний ритуал: мы едим молча, пока диктор озвучивает голограмму, расположенную на другом конце комнаты.

— Сегодня начинается новая смена в Лагере Монарха, и мне выпала честь представить главу Глобального Управления, который лично вас поприветствует. Собек Васел.

Голограмма переключается с диктора на мирового лидера. Собек Васел сидит в кресле с высокой спинкой и смотрит точно в камеру.

— Приветствую, граждане. — Его баритон сразу привлекает внимание, как будто гипнотизирует. Говоря с резким акцентом, он объявляет на весь мир об открытии Смены Летнего Солнцестояния в Лагере Монарха, которую мы посетим с друзьями.

Кожа моего отца Йохана была загорелой от ежедневной работы на солнце, а Собек Васел был настолько белым, что, кажется, он просвечивает. Его короткостриженные каштановые волосы подчеркивают волевые скулы, а темные глаза пронзают насквозь. Он привлекателен в каком-то странном смысле. Убедительный. И необычайно высокий. Даже сидя, он едва помещается на голограмме.

Собек Васел ответственный за восстановление нашего мира, который был на грани вымирания. Он — наш лидер, и я восхищаюсь им и очень уважаю. В отличие от поколения моих дедушки и бабушки, которые находились в постоянном страхе войны, болезней, перенаселения и мирового потепления, я живу в мире без войн. В идеальном мире, где все граждане живут в безопасности и довольстве. Миром правит единое управление, так как нет

регионального деления и границ.

— И я с нетерпением жду возможности поприветствовать каждого из новых граждан, когда через три недели вы попрощаетесь с детством и вступите в новый мир уже полностью осознанными гражданами. — Наш мировой лидер заканчивает свою короткую приветственную речь, и трансляция переключается на прогноз погоды. Солнечно и тепло. В Океанской общине всегда солнечно и тепло.

Позавтракав, я спускаюсь со стула и практически падаю на отца. Я люблю своего папу, но не понимаю его. Доктор Йохан Ти является морским биологом и практически все время погружен в свои научные исследования, связанные с тем, чтобы сохранить чистоту океанских вод. Мне кажется, что он не очень счастлив. Он хотел стать хирургом, но вместо этого стал ученым. После Великой Технологической Войны женился на моей маме и переехал к океану. Кажется, он о многом сожалеет в своей жизни, ведь он чаще говорит о медицине, а не о работе на Опреснительном Заводе. Ему сложно проявлять эмоции, и, когда дело доходит до прощаний, он обнимает меня настолько быстро, насколько это только возможно сделать. Не хочется оставлять его одного, ведь мы единственные близкие люди друг у друга. Я пытаюсь сдерживать слезы и говорить непринужденно, успокаивая, что вернусь через несколько недель.

Поднимаюсь в свою маленькую комнату на чердаке и переодеваюсь в футболку и шорты. Затем сажусь за стол и любуюсь фотографией мамы на планшете, сделанной незадолго до ее смерти. Она была уже на девятом месяце, и я обнимаю ее за живот. С огромным трудом сдерживаю слезы, сожалея, что не смогла с ней попрощаться. Выключаю планшет и убираю его и идентификационные часы в стол. Третий нужен для слежки и защиты, а часами мы пользуемся в целях общения между собой. В нем содержатся голограммы и воспоминания. Они являются нашей Дорогой Жизни к родственникам и друзьям, когда мы не рядом. Но сейчас я не могу взять их с собой.

Электроника не разрешена в лагере.

Не проходит и дня, чтобы я не скучала по маме. Я надеюсь, что сейчас она с родителями папы. Они умерли после войны, только не от потопа, а от болезней, которые он вызвал. И не они одни. Практически каждый, кто был старше двадцати и не защищен чипом погиб. Это был Собек Васел, тогда еще молодой технологический гений, работавший на одну из крупнейших корпораций, чья компания производила и распространяла Третий до войны. Однако по строгим правилам прежнего правительства чипы производились только для состоящих в браке людей младше двадцати лет. После войны именно Третий защищал от болезней. Мои родители тогда только встречались и не были женаты, поэтому получили чип. Они были среди счастливчиков.

Из-за такого колоссального успеха Третьего Собек Васел мгновенно стал звездой. Его технология имела решающее значение для выживания и роста оставшегося населения. И в то время, когда прежнее правительство распадалось, его звезда стремительно восходила. Он стал необходим. Каждый выживший нуждался в его помощи. И он помог, используя свою жизненно важную технологию для того, чтобы объединить мир под руководством одного лидера. Под его руководством. Он согласился полностью интегрировать технологию при условии, что он станет мировым лидером. Люди готовы были следовать за ним, и Собек Васел стал правителем. Выжившие были в отчаянии, а он был их лучом надежды. Собек Васел был популярным и многообещающим молодым человеком с превосходными идеями и четким видением будущего. А из-за того, что люди умирали десятками тысяч человек,

времени на выборы не было, и он был назначен мировым лидером, создавшим единое Глобальное Управление.

Мои дедушка и бабушка не выжили так же, как и мои тети и дяди. Но все, у кого был ребенок, уцелели благодаря Собеку Васелу. Он вывел наш мир из страданий в совершенно новую эру, где живем я и мои друзья, и мы никогда не узнаем, что такое бедность, голод или несчастье.

Нам невероятно повезло.

Я встаю и осматриваю комнату. Я готовилась к этому лету всю свою жизнь, но не уверена, что сложила все вещи. Предпочитаю быть готовой ко всему. Мой вещмешок лежит на кровати. Анника и Рейн придут с минуты на минуту. Следующие три с половиной недели мы втроем проведем в Лагере Монарха — правительственном лагере для всех 15-летних граждан.

С тех пор как было организовано Глобальное Управление пятьдесят лет назад, все дети обязаны посетить лагерь в пятилетнем возрасте и вернуться снова десять лет спустя, чтобы воссоединиться с предписанным партнером и быть приписанным к его общине. Это самый важный момент в моей жизни, но, просматривая список вещей, я понимаю, что не хочу думать о будущем, только о настоящем. Меня волнует, достаточно ли вещей я беру с собой. В крайнем случае, я могу что-то взять у Анники или Рейн, хотя я выше их и скорее всего ничего не подберу. Я уже сложила все в синий вещмешок, а бандану, которую мне дал папа, повязала вокруг запястья, как браслет.

Всего организовано шесть рабочих общин: Трудовая, Сельскохозяйственная, Океанская, Учебная, община Экосистемы и Возобновляемой Энергии. Как и всех членов Океанской общины, меня можно узнать по определенному цвету, приписанному моей общине. Сам Собек Васел обосновывает назначение каждой общине дресс-кода тем, что это позволяет нам понять, что сообщество больше, чем отдельный человек, и мы все едины перед достижением общей цели. Поэтому вся моя одежда синяя. Я не тщеславная, но с рыжими волосами и голубыми глазами мне действительно подфартило, и я выгляжу отлично в синем одежде. Иногда я размышляю, какова была бы моя жизнь, если бы мне пришлось расти в Сельскохозяйственной Общине, где все носят коричневый или Трудовой с их фиолетовым цветом. Надеюсь, я никогда и не узнаю.

Как только меня припишут к моей будущей профессиональной общине, на моем левом плече появится татуировка в виде бабочки. У старшей сестры моей лучшей подруги Анники бабочка раскрашена в сине-голубой цвет, а у мамы Рейн вытатуирована бирюзовая бабочка. Большинство людей, выросших в Океанской общине, перераспределены сюда же, поэтому я спланировала цвет своей будущей татуировки уже давно. Анника и Рейн выбрали лазурный цвет, а я хочу аквамариновый — цвет воды в океане, так как там я всегда счастлива и чувствую себя в безопасности.

До Великой Технологической Войны океанская вода была загрязнена, и в ней нельзя было плавать и ловить рыбу. Но с тех пор, как Собек Васел и его Глобальное Управление перестроили наше общество, вода стала красивого синего цвета и полностью чистой. Океан является нашим единственным источником воды. На Опреснительном заводе, где работает мой отец, воду фильтруют.

Я слышу шаги на лестнице и голос моей лучшей подруги, которая зовет меня:

— Кива, давай быстрее.

Аника врывается в мою комнату. Ее рост 5'3 дюйма (прим. ред.: примерно 1,6 м), что

почти на 6 дюймов (прим. ред.: примерно 0,15 м) меньше, чем у меня. И хотя она самый неуклюжий человек в мире, я ей завидую, потому что при росте 5'9 дюймов (прим. ред.: примерно 1,75 м) я слишком высокая и чересчур худая, и мои волосы цвета заката солнца. А я не тот человек, кому нравится выделяться в толпе, поэтому большую часть жизни я стараюсь с ней слиться. Так намного легче.

— Где Рейн? — Я застегиваю свой вещмешок, набив его еще большим количеством вещей. Синих.

— Внизу. Ты волнуешься? — Анника смотрит на меня своими ярко-кариими глазами. Она всегда замечает, когда я лгу.

— Немного. Но все же уже предопределено. Поэтому нет смысла нервничать. — Даже сейчас, когда я говорю это, что-то есть в глубине моего сознания... идея, которую я не могу понять, но которая мучает меня. — В любом случае мы будем запечатлены со второй половиной и приписаны к общине. Мы же все будем Океанцами, да?

Аника кивает, ее высокий хвост болтается вперед-назад, пока она уверенно качает головой вверх вниз. Она, Рейн и я заключили договор на прошлой неделе, когда Рейн исполнилось пятнадцать. Так как мы втроем родились в июне, мы вместе попали в Смену Летнего Солнцестояния в Лагере Монарха. В лагере всего четыре смены, и мы действительно рады, что поедем туда, когда на улице уже тепло. Лагерь находится в Средней Америке, и я слышала, что во время смен Осеннего Равноденствия и Зимнего Солнцестояния там бывает ужасно холодно. По нашему договору мы втроем собирались вернуться в Океанскую Общину, что не должно быть проблемой, так как Глобальное Управление или ГУ поощряет, когда пары выбирают общину женщины в качестве места жительства.

— Несмотря ни на что, я собираюсь остаться в Океанской Общине. Представь себя в Общине Возобновляемой Энергии. Скучота! — Анника ходит по комнате туда-сюда. Ей с трудом удастся сохранять спокойствие.

— А мне кажется, это круто. Получать энергию из природных ресурсов.

— А Экосистема, фу, — Анника трещит без умолку. Она всегда так делает, когда хочет доказать свою правоту. Ничто не отвлекает ее внимание. — Единственный плюс Общины Экосистемы, что они носят зеленый, а он тебе пойдет, Кива. Рыжие волосы, миллион веснушек.

— Миллиард веснушек, — перебиваю я.

— Вот именно! Ты будешь выглядеть потрясающее. Особенно если сделаешь ярко-зеленую татуировку.

— Почему мы это обсуждаем? — ворчу я. — Мы вдвоем останемся в Океанской Общине.

— Конечно. Если мы только не Аномалии.

Мы замолкаем. Среди нас ходят страшные истории про Аномалии: люди, которые отправились в лагерь, но не смогли воссоединиться с предписанными партнерами по непредвиденной ситуации. Они либо не возвращаются из лагеря, либо отправляются в другую общину.

— Не будь такой серьезной, — смеется Анника. — Все будет в порядке. Хотя я почти не помню своего партнера. Дуг или Дэнни, или Дэниэл, или Дейв? Точно на Д. — Анника пожимает плечами. — Странно, что мы должны быть запечатлены в столь раннем возрасте. Как думаешь, ГУ заставит нас гулять вместе или что-то вроде того, чтобы проверить нашу совместимость?

— Все совместимы, — отвечаю я. — Из-за этого я не переживаю, потому что ГУ проверило все за нас. Наши гены подходят их генам. У нас будут идеальные дети и отличные жизни. Хотя все, что я помню о своем партнере, — это его голубые глаза цвета океана.

— У нас обоих плохая память! — рассмеялась Анника.

— И не говори. Я плохо помню свое детство, не говоря уже о моем предписанном партнере. Мы познакомились в Лагере Монарха, когда нам было пять лет, провели три недели за совместными играми, пока нас тестировали на совместимость, но эти воспоминания почти стерлись из памяти. Я даже не помню его имени, лишь синеву его глаз. Верчение, верчение... Воспоминания оживают, но я прячу их глубоко в своем сознании. Надеюсь, что он симпатичный.

— Это точно! — хихикает Анника. — Я лишь помню, что у Дуга-Дэнни была огромная голова.

— Ему было пять. Он уже должен быть дорос до нее.

— Аника! Кива! — раздался голос Рейн с первого этажа. — Поторопитесь!

— Вот и первый день моей новой жизни. — Я беру свой вещмешок с кровати и надеваю на плечи. Анника идет за мной вниз по ступеням навстречу нашему интересному будущему.

***

Сразу же, как закончилась трансляция, Собек встал из кресла. Он ненавидел, когда люди из студии приходили во Дворец. Он презирал фальшивые улыбки и грим, который наносили, чтобы сделать его кожу более пигментной. А больше всего его раздражали такие медиа-сообщения, но они были необходимы. Его граждане ждали пропаганды, и ему не было в этом равных.

— Где мой сын? — рявкнул он неприметной женщине из Учебной Общины, которую наняли для организации трансляции.

— Виртуальная игровая комната в Южном Крыле, — ответила она и исчезла за углом.

Собек ухмыльнулся. Никто не мог находиться с ним рядом долго. Люди очень чувствительные создания и плохо переносят критику и резкие высказывания. Собек взял себе за правило критиковать своих сотрудников и говорить с ними свысока. Он питался их страхом.

Это делало его сильнее.

Он предпочитал этот дворец в Саббатикал-Сити другим комплексам в Азии и Австралии. Было в нем что-то такое изящное и роскошное, что напоминало ему об его собственной планете в далеком прошлом. Остальные штаб-квартиры находились на других концах света: Пирамид-Сити располагалась в пирамиде Гизы в бывшем Египте и Аргайл-Сити была в старом алмазном руднике Аргайла, где рабочие кристаллизовали алмазы, соединяя с его секретным компонентом, превращая их в Третий.

Собек осмотрел свой роскошный дворец в самом центре Саббатикал-Сити. Он был заполнен статуями богов, которым эти людишки поклонялись несколько веков назад. До того, как он захватил весь мир, это место называлось Сизарс-пэлас и находилось в дурацком месте под названием Лас-Вегас.

Казалось, что стены расступались, пока Собек мчался по зданию в поисках своего наследника. Каликс вырос вместе с другими детьми. Он учился и играл с ними — это было важно для его социализации. Нельзя управлять тем, чего ты не знаешь. Но время игр подошло к концу, и Собек собирался готовить преемника унаследовать его королевство.

Но сначала его сын должен получить должное образование.

ГЛАВА 2

Я лечу

Анника, Рейн и я сели в вертолет, стоящий рядом с нашей средней школой. Большая черная машина быстро взлетела, оставляя мою любимую общину позади. Я наблюдала, как из вида пропадал океан, пока мы летели на восток. Я живу на побережье западной Америки, в месте, которое когда-то называлось Северной Каролиной. Прижимаюсь лбом к окну и смотрю, как ландшафт меняет свой цвет с зеленого на коричневый. Когда-то давно такая поездка занимала гораздо больше времени, но это было до войны, когда мир выглядел по-другому.

После войны полярные льды на Северном полюсе растаяли. Южную Америку, Антарктиду и Европу сразу же затопил океан, погубивший всех жителей этих материков. Соединенным Штатам едва удалось выжить, сохранив лишь одиннадцать из пятидесяти прежних штатов. Сохранились только наше западное побережье и немного центральной части материка, а так же восточная и центральная части Африки. Канада и Мексика были уничтожены. Лишь Азия и Австралия остались полностью нетронутыми при странном повороте судьбы, при котором даже горные страны ушли под воду. Все зависело лишь от географического расположения.

Мир был быстро перестроен.

Бывшие Соединенные Штаты и Канада, точнее лишь обертка их былой мощи, были разбиты на три части: Западная, Центральная и Восточная Америка. Западная и Восточная Америка ограничиваются океанами. Центральная Америка находится между ними. Америка занимает около трети территории до войны, потому что вся часть от прежнего восточного побережья до Техаса на Юге и Северной Дакоты ушли под воду.

Лагерь Монарха находится точно в середине центральной Америки, на бывшей границе между штатами Юта и Невада. Пока мы парим в воздухе, я вижу бесконечные коричневые сухие земли под нами. Дальше к центру встречается лишь несколько водоемов. Одно озеро тут, одно там, но ничего значительного. Я сжимаю подлокотник и смотрю, как белеют костяшки моих пальцев, пока пытаюсь контролировать нарастающую панику. Я не понимаю, почему у меня стойкое чувство ужаса от осознания того, что я буду окружена лишь сушей в течение следующих нескольких недель.

Рейн, Анника и я сидим в первом из четырех рядов вертолета. Позади нас три ряда по три места в каждом. На вертолете летят двенадцать пятнадцатилетних членов нашей общины и пилот. Мы не разговариваем во время полета, потому что слишком нервничаем из-за того, что ждет нас в лагере. Рейн чувствует мою тревогу и сжимает мою руку. Ее прикосновение успокаивает. Ярко-синий цвет ее лака для ногтей сильно контрастирует с фарфоровым цветом ее кожи. Всю мою жизнь Рейн была рядом и поддерживала меня. Так же как и Анника. Так почему я переживаю? Многие ребята приезжают в Лагерь Монарха в одиночестве. Я же буду там не просто с одной, а с двумя своими лучшими подругами.

Закрываю глаза и стараюсь расслабиться. В каждую общину отправлено по десять вертолетов, и каждый перевозит по дюжине подростков. Математика никогда не была моей сильной стороной, но Рейн, которая знает обо всем, сказала, что в лагере будет примерно восемьсот сорок человек в этой смене. До Великой Технологической Войны население планеты вышло из-под контроля, и пятнадцатилетних тинейджеров было более пяти миллионов, что означает, что Смену Летнего Солнцестояния посетило бы около пары сотен тысяч человек. Сейчас же осталась лишь небольшая часть той молодежи.

Именно поэтому Собек Васел и его Глобальное Управление так усердно работают, защищая нас от прошлого, чтобы сохранить будущее.

И я точно знаю, каким будет мое будущее. Анника, Рейн и я вернемся в Океанскую Общину. Это все, что я знаю, и все, что я хочу знать. Три наши семьи жили в этой общине еще с войны, и я не хочу жить где-то в другом месте. Амессы и Кроули всегда были для меня как семья. Мы втроем росли как сестры, постоянно оставаясь с ночевками друг у друга, плавая вместе в океане и обсуждая наше совместное будущее. После того, как умерла моя мама, я проводила в доме Анники столько же времени, сколько в своем собственном, а ее старшая сестра Квилл и ее партнер Джед были для меня как старшие брат и сестра. Я не настолько близка с семьей Кроули, родителями Рейн, но была влюблена в ее старшего брата Кеннона. Он был в Лагере Монарха три года назад и теперь живет в Восточной Америке в Учебной Общине со своей партнершей Джо. Хотя он приезжает на две предписанные недели каждый год, все же уже кажется другим: чужеземцем.

Итак, моим планом является провести три веселые недели, воссоединиться с моим партнером и вернуться в Океанскую Общину, чтобы выполнить мое предназначение.

— Хватит мечтать. — Толкает меня локтем Рейн. — Мы приехали.

Я смотрю в окно. Мы парим в воздухе, и слева и справа находятся другие вертолеты. Внизу они приземляются в установленном порядке на обозначенный вертодром, расположенный в центре горного массива.

Приземлившись, мы тащим наши вещмешки по большому туннелю, вырубленному в горе. Мы идем цепочкой. Анника впереди меня, Рейн позади. Здесь тусклое освещение, и мы плохо видим, поэтому должны идти маленькими шагами, чтобы не споткнуться, что делает Анника — аж три раза. Так мы идем почти милю (прим. ред.: 1 миля равна 1609,34 м). Сразу за выходом из туннеля начинается лагерь. Я моргаю несколько раз, пока мои глаза не привыкают к солнечному свету. Насколько я могу видеть — здесь равнина. Это место раньше называлось соляными пустынями Бонневилля — твердое высохшее соляное озеро, которое занимало тридцать тысяч акров. Это место не имело никакого значения до того, как тут появился Американский Лагерь Монарха.

До того как Глобальное Управление построило лагерь на соляном озере, здесь была просто куча соли, несколько заброшенных правительственных зданий и старые аэродромы. Сейчас нет необходимости в правительственных зданиях. Старое национальное правительство располагалось в месте под названием Вашингтон, которое ушло под воду во время таяния ледников.

Собек забраковал все старые правительственные здания, потому что ему были не нужны правительственные объекты, включая эти бывшие государственные постройки. Он также забраковал аэродром на соляной равнине, где прежнее правительство проводило военные эксперименты. Собек не верил в мировую войну, поэтому, как только пришел к власти, уничтожил все боеприпасы и бомбы.

— Единственное оружие, которое нам нужно, это наш разум, — гласит один из девизов Собека.

Этот девиз выгравирован на наших платежных чипах, как постоянное напоминание о важности мира. В своем дворце в Саббатикал-Сити Собек разрабатывает способы поддержания мира на планете. Я улыбаюсь при мысли, что мне ужасно повезло жить в такое время, когда в мире нет насилия, и преобладает спокойствие.

— Добро пожаловать в Лагерь Монарха, — читает Анника надпись на огромной

вывеске, расположенной прямо над входом в лагерь. Она сделана из листового металла, и к нижней части прикреплены семь разноцветных бабочек, вращающихся на ветру. Бабочки отражают цвета каждой общины: фиолетовый, коричневый, зеленый, красный, синий, желтый и черный.

Проходя под вывеской, каждый из нас стучит по соответствующей бабочке. Анника, Рейн и я дотягиваемся и ударяем по синей бабочке, расположенной между красной бабочкой Общины Возобновляемой Энергии и зеленой бабочкой Общины Экосистемы. У меня кружится голова, так как я разделяю эмоции всех детей, которые входят в лагерь. Пока я совершаю свой официальный вход в лагерь, мальчик врзается в меня, ударяя по своей красной бабочке. Он даже не извинился.

— Эм, извини. — Похлопываю его по плечу.

— Что? — Он поворачивается и улыбается.

— Ты только что врзался в меня.

— Прошу прощения, Жердь, но откуда ты знаешь, что это не ты врзалась в меня? — У него пухлые губы, и он улыбается во все тридцать два зуба. Он намного симпатичнее мальчиков в моей общине, но я игнорирую эту мысль.

— Жердь? — Он не ниже меня, и я пристально смотрю в его насмешливые глаза. — Это ты толкнул меня в плечо.

— Я тебе говорю, может это ты толкнула меня в плечо.

— Ты ведешь себя глупо. — У меня не так много опыта общения с мальчиками из других общин. Мне интересно, все ли они такие же противные.

— Может и толкнул, а может и нет, но я точно знаю, что это не я задерживаю очередь, — он снова ухмыляется. Действительно, за мной много океанцев, ждущих своей очереди пройти под вывеской, и я задерживаю их.

— Ладно. — Я ударяю по своей бабочке и вхожу в лагерь. Хочется наорать на него, но он уже далеко впереди, окруженный своей красной компанией. Не хочу, чтобы мой первый день был испорчен. Моя жизнь вот-вот официально начнется, и я этому безумно рада. Странно, что я практически не помню это место. Странно также то, что я, будучи пятилетней девочкой, шла мимо под землей и не испугалась. И летела на вертолете без страха.

Так удивительно, что я что-то помню, а что-то нет.

Мужчины и женщины в черных выглаженных костюмах сгоняют нас к флагштоку, где мы будем распределены по нашим хижинам. Пока мы направляемся к центру лагеря, я замечаю две дюжины взрослых, одетых в цвета семи общин. Слышу, как один из людей в черном говорит кому-то из подростков, что они будут нашими водителями в течение следующих трех недель.

— Как думаешь, когда мы сможем поплавать? — спрашивает Рейн.

— А?

— Смотри, там озеро! — Поворачивает меня Рейн, и я сразу улыбаюсь. Слева от нас большое искусственное озеро с несколькими деревянными хижинами вокруг. Я смогу плавать! Конечно, это не мой любимый океан, но я хоть немного почувствую себя как дома. Улыбаясь, осматриваю остальную территорию. Справа, у подножия горы, я вижу еще хижины. Игровые поля находятся позади нас, а впереди стоит флагшток с семиполосным флагом Глобального Управления. Снова смотрю на озеро. Прямо за ним стоит внушительное каменное здание, которое, судя по урокам истории, построено в стиле Викторианской эпохи.

Я никогда не видела ничего подобного. Оно здесь абсолютно неуместно, но вид прекрасного каменного сооружения с башенками захватывает.

— Что в этом здании? — спрашивает Рейн у проходящего мимо водителя. Я довольно застенчива с незнакомцами, но у Рейн нет такой проблемы, особенно когда она в чем-то заинтересована, а Рейн всегда любопытна. Она одна из самых умных людей, которых я когда-либо встречала.

— Это часть ЛМ-5, — отвечает человек в черном.

— Что это? — не унимается Рейн.

— Лагерь Монарха для пятилеток. Они приезжают на последнюю неделю месяца, как только вы уезжаете домой. — Он уходит прочь, направляя мальчиков из Общины Экосистемы, которые отбились от группы.

— Мы должны там все проверить, — шаловливо шепчет Рейн.

— Ни за что, — отвечаю я.

— За что, — выпаливает она. — Да ладно, Кива, разве тебе неинтересно? Мы можем узнать, из-за чего вся эта суета. Исследовать место, в котором мы встретили нашего предписанного партнера десять лет назад.

— Я не хочу здесь проблем. — Это не значит, что мне неинтересно, но я хочу придерживаться плана.

— Как хочешь. Но когда у меня будет свободное время, я точно туда пойду, — говорит Рейн.

— Пошли занимать хорошие места. — Тяну её к флагштоку, где все собираются. Анника, Рейн и я садимся подальше, слева в полукруге, где открывается отличный вид на всю процессию.

Суровая на вид женщина в черном костюме подходит к флагштоку, и я знаю, что моя смена сейчас начнется.

— Приветствуем вас, граждане.

Все быстро успокаиваются и находят места на земле, чтобы сесть, пока женщина с седыми короткостриженными волосами и высокими скулами стучит кольцами на руке по флагштоку, создавая неожиданно громкий звук. Мы с девочками держимся за руки и нетерпеливо ожидаем решения наших судеб. Сестра Анники, Квилл, рассказала нам обо всем, что должно произойти, поэтому мы уже готовы к тому, что будет дальше. Квилл предупредила, что нам следует запоминать все с той самой секунды, как только начнет говорить директор лагеря. Воссоединение с предписанным партнером настолько умопомрачительный опыт, что поддаться эмоциям очень легко. Квилл до сих пор может описать первое воссоединение с Джедом. Каждую минуту. Каждое ощущение. Я слышала эту историю слишком много раз, и теперь готова к своей собственной.

— Приветствуем вас, граждане, — повторяет симпатичная женщина, пока затихают последние звуки. — Меня зовут Клаудия Дюрант, и я директор лагеря. Добро пожаловать. Следующий час я буду объявлять каждую группу предписанных партнеров. Как вы уже знаете из уроков социологии, данные союзы были тщательно отобраны в целях вашей долгой и счастливой жизни. — Она натренировано улыбается и обращается к своему цифровому планшету. — Я буду называть вас в соответствии с распределением девочек по хижинам. Лагерь девочек находится около озера, а лагерь мальчиков — у основания горы. Когда услышите свое имя, пожалуйста, выходите вперед. У вас будет два часа на воссоединение с партнером и изучение лагерной территории, после чего вы отправитесь по своим кроватям.

Вы можете ходить везде, кроме административного здания. — Она указывает на то викторианское здание, про которое говорила Рейн. Она сжимает мою руку, но я игнорирую ее, стараясь сконцентрироваться на директоре лагеря.

— Когда названо ваше имя, — говорит Клаудия Дюрант и делает паузу, чтобы осмотреть весь лагерь, затем продолжает: — Вы почувствуете то, что никогда не чувствовали. Это нормально. Это часть процесса запечатления.

Анника, Рейн и я нервничаем, сидя в окружение детей из Океанской Общины. Все члены общин группируются вместе. Получается неровная радуга из синих, коричневых, фиолетовых, зеленых, желтых и красных пятен. Только Заступники — дети в черных костюмах, — которые выглядят значительно старше нас, собираются в небольшие группы, рассыпанные по более крупным группировкам.

— Хижина один, девочки! Анника Амесс, твой предписанный партнер... Данте Суарес с хижины один, мальчики.

Анника вскакивает, и мы все осматривает толпу. С края красной группы встает мальчик с карамельным оттенком кожи. У него черные густые волосы и широкая улыбка. Когда они встречаются взглядом, замечаю нечто весьма привлекательное. Третий Анники начинает жужжать. Я слышу мягкое гудение электроники, и вижу, как подруга закрывает глаза. Анника потрясена на мгновение, а потом снова открывает глаза. Она трясет головой, пытаясь осознать новый толчок энергии.

— Что происходит? — спрашиваю я шепотом.

— Это... это невероятно, — лишь отвечает она. Ее глаза стекленеют, а зрачки расширяются. Моя обычно неуклюжая подруга ни разу не спотыкается, пока идет к флагштоку. Все время она не сводит глаз с ее предписанного партнера, который улыбается ей, скользя сквозь толпу. Голова Данте Суареса стала соразмерной телу, и теперь он симпатичный. Очень симпатичный. Анника широко улыбается, я и вижу, как она берет его за руку и тянет за собой к озеру.

Клаудия Дюрант продолжает говорить имена. Сначала имя девочки, затем имя ее предписанного партнера. Это очень увлекательный процесс, так как никто не знает своего предписанного партнера. Как только произносится имя девочки, все перешептываются и смотрят по сторонам, прежде чем названо имя ее партнера. Я чувствую себя привилегированной, имея честь наблюдать такое важное событие. Единственный человек, который выглядит невозмутимым, это директор лагеря. Она занимает свой пост уже давно, поэтому выглядит скучающей.

Клаудия Дюрант заканчивает перечислять партнеров, размещенных в хижине один, и переходит к хижине два. Анника — единственный человек из Океанской Общины, прикрепленный к хижине один. В основном туда прикреплены девочки из Общины Экосистемы и Трудовой. Я все еще вижу ее вдалеке у озера и пытаюсь подавить свою зависть. Она была приписана к тому, кто ей действительно понравился. К тому, с кем она полностью совместима. Я надеюсь, что мне так же повезет.

Когда называются хижины, я вижу вспышки страха, неуверенности и возбуждения на лицах предписанных партнеров, так как их выбрали вместе. Затем слышу жужжание Третьего, и их окутывает спокойствие. Я не могу дождаться, чтобы спокойствие окутало меня. Чем больше имен называет Клаудия, тем большую тревогу я ощущаю. Она заканчивает с хижинами два и три, переходя к четвертой.

Несмотря на то, что партнеры почти всегда из разных общин, они, как правило,

подходят друг другу. Долговязая девушка из Трудовой Общины визжит от восторга, потому что ее партнером становится высокий спортивный парень из Сельскохозяйственной Общины. Близняшки Лодердейл, которые учатся со мной в одном классе в Океанской Общине, становятся партнерами идентичных близнецов из Общины Экосистемы. Клаудия Дюрант называет хижину от пяти до пятнадцати. Еще больше вскриков волнения, еще больше закрепленных будущих пар. Глобальное Управление убрало все неизвестные переменные из семейных отношений, и результатом стал стопроцентный успех супружеских пар. Во времена моей бабушки больше половины семей разводились. Сейчас такое не происходит, потому что семьи образуются по внутренним, а не по внешним составляющим. Наша ДНК диктует совместимость. Больше не нужны догадки. Я настолько зачарована процессом, что не замечаю, что ни я, ни Рейн еще не были вызваны.

— Сколько всего хижин? — спрашивает Рейн, накручивая свои светлые, почти белые волосы на палец. Она всегда так делает, когда нервничает. Рейн практически одного роста со мной и носит очки в черной оправе, которые делают ее глаза огромными.

— Понятие не имею... шестнадцать, семнадцать? — Я быстро считаю количество хижин около озера. Всего двадцать. Я оглядываю оставшихся подростков. Больше нет четких цветных групп, а только небольшое количество взволнованных лиц, сканирующих толпу в поисках предписанного партнера.

— Все будет хорошо. — Я крепко сжимаю ладошку Рейн, чтобы успокоить ее, и прежде чем она успевает сделать также, называют ее имя.

— Хижина девятнадцать, девочки — Рейн Кроули. Твой предписанный партнер Эдвард Стоппард — хижина девятнадцать, мальчики.

Я едва подавляю смех. Эдди — член Океанской Общины и живет в полумиле от меня. Наши отцы работают вместе. Партнером Рейн стал Эдди, ботаник Эдди. Я все еще сильно сжимаю руку Рейн, пока идет процесс запечатлевания. Внезапно я ощущаю вспышку энергии между пальцами. Она идет от ее Третьего, и я чувствую, как энергия распространяется от места между ее глаз к остальным частям нервной системы, сотрясая наши руки. Я смотрю в ее глаза, увеличенные очками. Ее карие зрачки становятся больше и больше. Волна спокойствия обволакивает ее тело, и она встает.

Невозмутимая. Безмятежная.

Я вижу, как они застенчиво здороваются, как старые друзья, которых внезапно попросили полностью поменять их взаимоотношения.

Выбор их пары понятен.

Оба намного умнее, чем остальные члены Океанской Общины, где ценится физическая сила, а не сообразительность. Они будут счастливы. У них будут прекрасные белобрысы малыши, и я думаю, они оба будут морскими биологами. И снова меня накрывает завистью. Переходный период будет намного легче для Рейн не только из-за того, что им не придется ждать еще три года, чтобы быть вместе, но и потому, что они уже знают друг друга. С ней могло быть все намного хуже. Хотя Эдди и немного ботаник, но он хороший парень, так как популярен, умен и очень добр. Я наблюдаю, как они уходят к подножию горы. Эдди нежно берет ее за руку, по одному пальчику, пока их руки не сцепляются полностью. Синева их одежды сочетается — и они выглядят как единое целое, уходя все дальше и дальше, пока не исчезают из вида.

— Хижина двадцать, девочки — Кива Ти.

Моя задумчивость исчезает, как только я слышу свое имя. Вскоре мой Третий загудит, и

я обрести счастье в своем предписанном партнере. Я встаю с нетерпением, в ожидание слов Директора Лагеря Дюрант. — Твой предписанный партнер... — Но она их не произносит. Вместо этого читает еще два девичьих имени из хижины двадцать и четыре имени из мужской хижины двадцать: — Микаэла Флеминг. Блу Паттерсон. Кай Лорен. Бёртон Скора. Дженезис Крафт. Радар Мортон.

Должно быть это ошибка. Grimаса шока накрывает мое лицо, пока я разглядываю оставшихся подростков. Два в зеленом, один в красном, в фиолетовом, в желтом, коричневом, и я.

Аномалии.

***

— Почему я здесь? — он спросил.

Каликс раздражен. Он неохотно покинул игровую комнату, в которой играл в голографический лазер со своими друзьями. Его команда выигрывала на два очка, и ему не хотелось бросать их на произвол судьбы. Но когда Собек позвал его, Каликс не мог не подчиниться. Он проследовал за отцом с первого этажа на сотый в пентхаус. Из офиса Собека открывался вид на весь город, но Каликс не был впечатлен. Он осмотрел город внизу, заполненный людьми. Он бы хотел быть одним из них, а не сыном и единственным наследником мирового лидера. Каликс плюхнулся в кожаное кресло, думая о том, выигрывает ли еще его команда. Он бы предпочел провести время с друзьями, а не с отцом.

— Ты должен постричь волосы, — прорычал Собек.

— Мне ничего не нужно делать. — Каликс распустил свой хвост, встряхнув длинными черными волосами, обрамляющими его волевым подбородок. Он вызывающе улыбнулся отцу.

— Это твой выбор... но это пока. Но у всех Заступников короткие волосы, а тебе скоро восемнадцать, — вздохнул Собек. Он привык к непокорности сына и в прошлом он не порицал это. У лидера должен быть непоколебимый дух, и последние семнадцать лет он растил настолько сильного наследника, насколько мог. Скоро его сыну предстоит испытание, и если он выживет, то его возможности станут безграничными.

Собек махнул рукой, и на окнах трехсот шестидесяти градусного обзора появились тысячи голограмм. Они показывали разные общины, разные города и разные территории.

— Как ты так сделал? — Каликс был ошеломлен. Он не знал, что у его отца столько доступа.

— Сюда проецируется информация со спутников, — ответил Собек.

— Это твой офис?

— Мой офис везде, сын. В наш новый, технологически продвинутый век, я могу сделать командный центр везде, где я нахожусь. — Собек взялся за запястье, на котором носит гладкие идентификационные часы. — Спутники собирают информацию со всех Третьих граждан. Информация пересылается на мои идентификационные часы, и я могу увидеть любого, кого захочу и когда захочу.

— Так ты шпионишь за всеми? — Каликс встал и медленно побрел по комнате, разглядывая тысячи меняющихся голограмм.

— Шпионить — очень негативное слово, — сказал Собек.

— А как бы ты назвал это?

— Наблюдение. Сбор. Защита. — Собек взглянул на сына. — А как ты думал, мы можем всех обезопасить?

— Я не знаю.

— Начни думать, сын. Существует сложная система, и поэтому нужен смысленный ум, чтобы управлять ею.

— Как я и сказал, ты шпионишь за всеми.

— У меня нет столько времени. Есть подчиненные, которые делают это за меня. Они находятся с восемьдесят восьмого по девяностый этаж. Они собирают информацию и важнейшие данные, а потом отсылают прямо ко мне. — Собек наблюдал за изумленным сыном. — Я собираюсь передать это тебе.

Каликс стоит у одной из голограмм. Его темно-зеленые глаза остановились на группе тинейджеров, сгруппировавшихся в месте, похожем на лагерь.

— Что именно ты мне отдаешь? — наконец спросил Каликс, замороженный высокой рыжей девушкой с веснушками и грустными глазами, которая стояла в центре круга.

— Целый мир, сын мой, — усмехнулся Собек. — Целый мир.

ГЛАВА 3

Я ошарашена

Мы все ошарашены. Наш безмолвный шок прерывает лишь миниатюрная девушка в зеленом комбинезоне, которая никак не может перестать плакать. Никто не подходит к ней и не утешает. Кажется, мы обречены на этот новый неожиданный ярлык.

— Как я могу быть Аномалией? Я очень популярна, — выдает она между всхлипами, не понимая, что говорит ерунду. Она сворачивается клубочком на земле и кричит так сильно, что кажется, ее вот-вот вырвет.

— Это не зависит от популярности, Микаэла. Разве ты не знаешь свою историю? — бормочет парень в тусклой оливково-зеленой спецовке, он бережно обнимает девушку, окружая ее своим большим телом. Я восхищаюсь, как он мгновенно утешает ее, будто спасает раненую птичку. Это парень с квадратной челюстью тоже Аномалия, но он, прежде всего, беспокоится не о себе, а о ней. Самоотверженный поступок. Они оба из Общины Экосистемы и практически сливаются с окружающей средой. Две маленькие темные фигуры замаскированы зеленой одеждой под высокую траву.

— Человек, с которым ты должна была быть запечатлена, скорее всего мертв. Поэтому ты здесь. Поэтому мы все здесь. У нас нет партнера. Мы одиночки. Мы ни с кем не связаны, — говорит он, указывая на остальную часть нашей разношерстной группы.

— Но так нечестно, Дженезис!

— Жизнь несправедлива, — сразу же отвечает Дженезис тихим голосом, поэтому нам приходится напрячься, чтобы услышать его. У него широкие плечи и тело, как у человека, который провел свои юношеские годы, работая в поле. Я смотрю, как Дженезис пинает носом ботинка траву, пока земля не переверачивается, оголяя темную грязь, и замечаю почти неприметное подергивание в уголке его миндалевидного глаза. Он выглядит так, будто вот-вот заплачет, но со всех сил пытается оставаться сильным. Экосистема — самая эмоциональная община; и Микаэла, и Дженезис сразу дают волю эмоциям, пока все остальные еще не осознают, что произошло. Я им завидую. Хочу злиться, кричать и плакать. Но вместо этого я стою молча и смотрю себе под ноги.

Я не хочу знать этих людей. Они Аномалии.

— Это не то, что должно было произойти, — продолжает Микаэла. — Что скажут мои родители?

Я думаю о своем отце. Что я скажу ему? И будет ли у меня возможность поговорить с ним в принципе? Я больше не уверена в своем будущем. Глубоко вдыхаю, пытаюсь

контролировать свой страх. Закрываю глаза и представляю, что я плыву. Ритмично гребу руками. Задерживаю дыхание на десять, двадцать, тридцать секунд. Представляю, что я под водой гонюсь за косяком синеполосых окуней. Окружена желтыми и голубыми рыбами, заплывая и выплывая из ярких кораллов. Я... я... я открываю глаза. Я сижу неизвестно где, переосмысливая свою жизнь.

Я — Аномалия. Неожиданно выдыхаю и начинаю все осознавать.

— Вам не о чем беспокоиться, — говорит Клаудия Дюрант. Она не поднимает глаз от своего планшета и выжимает из себя улыбку, не переставая печатать. — девяносто процентов Аномалий быстро запечатляются и возвращают в общество.

Прежде, чем мы успеваем задать вопрос о том, что происходит с остальными десятью процентами, Клаудия Дюрант, наконец, смотрит на нас, как будто мы запоздалая мысль этого дня.

— Как я уже сказала, все будет хорошо. — Похлопывает она Дженезиса по плечу, что выглядит непривычным для нее. Она выдавливает сострадание, которого у нее нет. — Я сейчас вернусь. Пожалуйста, никуда не уходите. Мне нужно закончить административные дела, а затем я провожу вас к хижинам. У нас достаточно времени.

Она указывает на остальных подростков, которые разбрелись по парам:

— Все знакомятся. Вы можете сделать то же самое.

Дюрант поворачивается, и я смотрю, как ее светлые волосы покачиваются, пока она не исчезает из виду. Семь неудачников. Всем остальным нашли пару, и теперь они гуляют по лагерю со своими запечатленными партнерами, чувствуя себя замечательно. Рейн и Эдди, скорее всего, уже целуются у подножия горы, а Анника и Данте знакомятся, застенчиво расспрашивая друг друга обо всем. Вокруг снуют пары, отправляющиеся в светлое будущее. Радость ощутима: ты практически чувствуешь ее в воздухе. Практически. Но ее нет в нашей жалкой семерке — мы сидим со своими вещмешками в центре поля.

Должно быть это ошибка.

Не считая всхлипываний Микаэлы, довольно тихо, слышно как лагерный флаг развевается на ветру: на белоснежном фоне семь разноцветных бабочек образуют круг, с очень заметной аббревиатурой ГУ в центре. Когда час назад я впервые вошла в лагерь и увидела этот флаг, то была уверена, что моя судьба решена: я буду запечатлена со своим голубоглазым партнером, вернусь в Океанскую Общину, выйду замуж в восемнадцать и стану полезной обществу. Вот что должно было бы произойти. Я готовилась к этому с пяти лет. Это должен был быть лучший момент в моей жизни, но стал худшим.

Я не одинока. Остальные Аномалии либо вглядываются вдаль, либо подозрительно оценивают друг друга, пытаюсь понять, что делать дальше. Как справиться с непонятной ситуацией. Поднимается высокий парень с гудящим баритоном и в ярко-красных высоких кедах.

— Что ж, мы тоже должны познакомиться, — говорит он. — Я — Кай.

Быстро понимаю, что это тот противный парень, который врезался в меня. Он подмигивает мне, помня о нашем столкновении. Я отвожу взгляд. Мой день стал еще хуже.

Кай одет в красный спортивный костюм и красные кеды с белыми шнурками — небольшой жест бунтарства, так как мы должны носить только цвет нашей общины.

— Я имею в виду, мы все всё равно умрем, — говорит он, передразнивая резкий акцент Клаудии Дюрант. — Все вокруг знакомятся. Мы могли бы тоже познакомиться.

— Я не хочу с тобой знакомиться, — отвечаю я.

— Ты ранила мои чувства. — Кай имитирует, как будто закалывает себя мечом и говорит драматично: — Да, она не так глубока, как колодезь, и не так широка, как церковные ворота. Но и этого хватит: она своё дело сделает. Приходи завтра, и ты найдешь меня спокойным человеком.

— Хватит! — я неожиданно для себя кричу. — Не видишь, она испугана. Справедливости ради, у Микаэлы начался полноценный приступ паники, и ей стало тяжело дышать.

— Нам всем страшно, Жердь. Я думал, что немного черного юмора разрядит обстановку.

Я зло смотрю на него.

— Что? Тебе не понравился мой перформанс? Я играл Меркуцио в школьной постановке в прошлом году, и мне сказали, что я отличный актер.

— Моя оценка — два больших пальца вниз. — Я хочу, чтобы он замолчал.

Но он только начал. Он наклоняется к Микаэле.

— Единственное, чего нам следует бояться — это самого страха. — Кай поднимает на меня взгляд и снова подмигивает, убирая длинный кучерявый локон каштановых волос со своих карих глаз. Он усмехается, и я вижу его идеально белые зубы и ямочки на щеках.

— Ты цитируешь древнюю историю, — огрызаюсь я. Он ужасно высокомерный.

— История имеет опасную тенденцию повторяться, Жердь.

Он встает рядом со мной. Слишком близко. Мне не комфортно, когда люди вторгаются в мое личное пространство.

— Жердь. Ты действительно так считаешь? Мы с тобой одного роста.

— Да, но ты же девочка. Не знал, что они вырастают такими огромными в Океанской Общине.

— Не знала, что они вырастают такими противными в Общине Возобновляемой Энергии, — говорю я. Парень в ярости, и уже второй раз за день я стою лицом к лицу с ним. Кончики наших носов практически касаются: его — длинный и острый, а мой — короткий и узкий. Я чувствую тепло его дыхания и хочу его ударить. Сейчас я не собираюсь драться, но, если он меня выведет, я знаю, что справлюсь с ним. Я спортивная, а он просто высокий. Высокий и худой. Высокий, худой и крайне раздражительный.

— Остынь, Жердь. Я лишь пытаюсь разговорить всех. Сидеть молча вряд ли поможет нам. Грех молчать, когда твой долг протестовать.

— Протестовать? — говорю я тихо и оглядываюсь вокруг, чтобы убедиться, что поблизости нет Заступников. — Будь осторожен. Говоришь, как будто...

— Будто что? Меня убьют? Похоже, я и так двигаюсь в этом направлении, — ухмыляется Кай. — Успокойся, я лишь пытаюсь начать разговор.

— Но ты говоришь не своими словами, — огрызаюсь я в ответ. — Вот сейчас ты цитируешь Авраама Линкольна. Разве это не старая школа?

— Я всегда был старой школы. Нет ничего лучше, чем учиться у прошлого, чтобы лучше понимать будущее. Хотя могу сказать, что впечатлен, думал, что океанцы только мускулисты, без мозгов. Неплохо, Жердь.

— Хватит меня так называть. Я Кива.

— Наконец-то представилась! Рад с тобой познакомится, Кива. Я Кай. Кай Лорен. Живу в часе езды отсюда, в Центральной Америке. А что скажут остальные?

Девушка в фиолетовом вытягивает ноги. Она сногшибательна. Такая хорошенькая, что

практически затмевает Аннику. Практически. Когда-то в прошлом ее предки выходили из Азии. У нее длинные черные волосы, густая челка, и ее изумрудные глаза дополняют велюровое мини-платье... достаточно неподходящий наряд для лагеря.

— Я Блу Паттерсон. — Она кивает Каю. — Живу недалеко от тебя. Ты летел на вертолете или ехал по дороге?

— Ехал. Одолжил скутер моего двоюродного брата.

— Круто, — говорит Дженезис.

Я закатываю глаза. Мальчишки и их машины.

— Я бы хотела посмотреть на него, — флиртует Блу. Не могу понять, почему она тратит время на этого высокомерного мальчишку, если только она не начала игру «выясни, с кем ты будешь запечатлена». Она может забирать его. Мне он не интересен.

— Конечно. Я как-нибудь прокачу тебя, — отвечает Кай. — Где ты живешь?

— Саббатикал-Сити, — уклончиво отвечает она, но потом добавляет: — Вообще, моя семья работает в Сизарс-пэлас.

Эта новость заставляет нас замолчать. Сизарс — это то место, где Собек Васел останавливается в Америке. Это огромный дворцовый ансамбль, находящийся в самом сердце Саббатикал-Сити.

— Ты знаешь его? Васела? — спрашивает Кай.

— Едва ли, — отвечает Блу. Она смотрит на него и хлопает своими прекрасными глазами. — Мой отец смотритель, а мама одна из пяти сотен подчиненных. Место просто огромное, и я видела его, возможно, всего два раза за всю свою жизнь. Она вздыхает. — Так иронично, что я — девочка из Сизарс-пэлеса — оказываюсь Аномалией. Хотя я всегда подозревала. В смысле... я была всегда не такая, как все.

— В каком смысле? — спрашивает с неподдельным любопытством невысокий коренастый парень в желтом.

— Не знаю. Ну, мои друзья всегда выглядели такими довольными. Такими счастливыми. И хотя мы из Трудовых и работаем руками, мне никогда это не нравилось. Я всегда больше интересовалась наукой — как люди из Общины Экосистемы, и искусством, и музыкой, так в Учебной Общине. Я думаю, что была недовольна. Никогда не ощущала себя цельной. Но мои друзья всегда чувствовали себя, как будто это все, чего они хотели. И я говорю не про деньги и вещи, а... боже, я не знаю, о чем говорю.

— Ты чувствуешь себя неполной, — перебивает парень в желтом.

— Точно.

— Я тоже. — Он смотрит на нее ободряюще и косится на нас с Каем. — Я Бертон, — говорит он хриплым голосом. — Я здесь единственный из Учебной Общины, что меня не удивляет. В смысле, в нашей общине редко появляются Аномалии, но когда появляются... — Он не заканчивает предложение.

— Почему ты так пессимистично настроен? — спрашиваю я. — Нам просто нужно быть запечатленным с кем-то другим, и потом мы станем, как все.

— Ты этого хочешь? — спрашивает Кай. — Быть как все?

— Конечно, — быстро отвечаю я. — Этого все хотят.

— Разве? — Кай смотрит мне прямо в глаза, испытывая мое терпение. Почему он просто не может оставить меня? Я хочу, чтобы Клаудия Дюрант быстрее вернулась и рассказала, что делать дальше.

Меня бесит незнание.

— Посмотри вокруг, — говорит Бертон и проводит руками по волосам... ну, точнее по тому, что от них осталось. Как и у Заступников, у женщин и мужчин в Учебной Общине могут быть только очень короткие волосы. Черные колючие волосы Бертона подстрижены настолько коротко, что он кажется лысым. — Единственные, с кем мы можем быть запечатлены — это только друг с другом. Небольшой выбор. И, если вы не заметили, мальчиков четверо, а вот девочек всего три. Не очень хорошо для парней.

Он смотрит на Кая и Дженезиса, а затем на мускулистого парня, который облокотился на свой коричневый вещмешок и еще не представился.

Мы все поворачиваемся к парню, который сконцентрирован на своих руках: он что-то крутит и связывает. Наконец, он встает и подходит к Микаэле и передает ей этот предмет. Она успокаивается на секунду, чтобы осмотреть его. Это красивое ожерелье, аккуратно сплетенное с травой и маргаритками, которые он сорвал рядом с собой на поле.

— Я Радар, — застенчиво говорит он и улыбается Микаэле, пока осторожно одевает ожерелье на ее шею. — И, если мы должны быть запечатлены, я выбираю тебя.

***

— ТЕБЕ ПРАВИТСЯ МИСС СИНГХ? — спрашивает Собек своего сына, когда тот наконец, сел обратно в кресло.

— Она нормальная. — Каликсу интересно, почему его отец спрашивает про его предписанного партнера. Уже прошло два года с тех пор, как Каликс посетил Лагерь Монарха, и Собек ни разу не спрашивал его про Сараю. Она хорошенькая девушка из Учебной Общины, и Каликс проводил с ней положенное время: они разговаривали по планшетах, смотрели голограммы друг друга на идентификационных часах и планировали совместное будущее. Точнее... он не очень планировал... в основном говорила Сараю. Она могла говорить часами про их будущее и готовила свой переезд из Восточной Америки в Саббатикал-Сити, чтобы быть вместе с ним. Она нравилась Каликсу, и он был рад провести жизнь с ней, но сейчас голограммы на окнах его отца были ему намного интереснее. Он раздумывал, как может получить к ним доступ.

Он раздумывал, как может украсть часы своего отца.

— Просто нормальная? — Собек повел бровью. — Разве не странно, что все твои друзья... как вы там говорите? По уши. А ты говоришь про своего предписанного партнера — нормальная?

— Мне кажется, имею в виду. Я никогда об этом не думал.

— Ты когда-нибудь думал, почему твой Третий не жужжал, когда ты был в лагере?

Каликс рассеяно дотронулся до Третьего, который был зашифрован нано-технологиями его отца. Третьи позволяли Собеку собирать и распространять информацию через спутники. Так что через них граждане могли наблюдать, но и за ними наблюдали.

— Нет. Я имею в виду, я подумал, что не было жужжания из-за глюка.

— Глюк? У моих технологий не бывает глюков. У меня отлично слаженная система.

— Конечно, так и есть, сэр. — Каликсу интересно, сколько еще будет длиться этот разговор. Обычно их отцовско-сыновьи беседы не превышали пяти минут. Может он еще успеет вернуться в игровую комнату до окончания игры.

— Третий спас планету.

— Я знаю. Ты гений, Отец. — Каликс попытался изобразить благоговение. Он едва знал этого человека, который передал ему свой ДНК. В основном, его растила мама, в то время когда отец был занят руководством мира.

— В чем смысл Третьего? — спросил Собек?

— Третий используется для сбора информации и для соединения с голограммными трансляциями, — механически ответил Каликс. — Третий отслеживает картинку. Третий делает каждого жителя ответственным за его или ее действие.

Он учил это с самого детства. Его мысли снова заполнились его друзьями. Начали ли они вторую игру. Каликс был счастлив, когда играл в виртуальные игры с друзьями. Это был единственный способ убежать от реальности, в которой он единственный сын Собека. Он бы предпочел быть обычным подростком и не выделяться — быть как все.

— Сын, ты слушаешь? — грозно произнес Собек.

— Да, сэр. Смотри, я же из королевской семьи, так? Я думаю, что мой предписанный партнер не имеет значения. Поэтому нет разницы, нормальная она или фантастическая. А Сараю нормальная. Даже замечательная. Но она просто родит мне детей. Моей главной задачей, в итоге, будет помощь в управлении этим местом, ведь так?

— Этим местом? — Собек посмотрел на сына. Неужели он и правда такой глупый? — Когда вы окончите школу в следующем году, все твои друзья воссоединятся с их предписанными партнерами, а что будешь делать ты?

Каликс задумался на секунду. Он не обдумывал это. Он считал, что у его отца уже есть план, и сейчас он посвящает Каликса в него. Каликс поудобнее устроился в кресле.

Каликс уже не закончит игру в голографический лазертаг.

ГЛАВА 4

Я изгой

Отвергнутая. Изгнанная. Персона нон-гранта. Мы все. Нас держат отдельно, как будто мы заразные.

Мы спим отдельно, едим отдельно и отдельно занимаемся. Хотя, это скорее случайность, чем ошибка, что наши предписанные партнеры умерли, и мы не вписываемся в систему, и нас нужно перепрограммировать для выживания в этом мире. Мы должны начать все с начала.

Клаудия Дюрант не вдавалась в подробности, но убедила нас в том, что это не наша вина, что мы Аномалии. Мы просто функционируем вне хорошо отлаженной системы, и ее стремление — интегрировать нас как можно быстрее. Дюрант объяснила, что вскоре мы будем запечатлены с подходящей парой, и сможем вести такую же продуктивную жизнь, как и все остальные, кто уже был запечатлен. К несчастью, объясняет она, что по протоколу мы должны пройти ряд тестов, чтобы определить, кому мы лучше всего подходим. Это означает, что у нас не будет «нормальной» лагерной смены — она будет заполнена тестами, чтобы оценить нашу совместимость, как с общиной, так и с партнером.

Наши вожатые Заступники — элитная группа, которая наслаждается более высоким статусом, чем шесть рабочих общин: Трудовая, Сельскохозяйственная, Океанская, Учебная, Экосистема и Возобновляемая Энергия. Заступники работают на разных уровнях Глобального Управления: от ведущих новостей до высокопоставленных телохранителей Собека Васела. Лишь один из ста человек становится Заступником, вы либо рождены в их общине, либо лично выбраны мировым лидером. Заступники — это глаза и уши Собека Васела, и всю свою жизнь я росла в восхищении ими... и в страхе.

Теперь они мои вожатые.

Клаудия Дюрант дает нам инструкции каждое утро. Мы просыпаемся в шесть утра для пробежки по периметру лагеря, быстро едим завтрак и умираем от монотонных занятий,

наполненных историей ГУ. Я уже все это слышала, но, похоже, Клаудию Дюрант это не волнует. Каждое утро она все повторяет и повторяет про эгоизм людей, и как это едва не привело к уничтожению мира. Покровительственным тоном она объясняет нам, как Великая Технологическая Война, также известная, как Китайская Война с США и Россией закончилась в считанные минуты. Настоящее «сражение» состояло в том, что три стороны нажали на кнопки — и умерли миллионы людей, умерли из-за невежества и жадности. Она напоминает, как ядерные последствия Великой Технологической Войны практически уничтожили океаны и животных, и как Собек Васел выступил с предложением решения: новым миром без войн. Мир, в котором несогласие — это пережиток прошлого, и все послушны, счастливы и довольны. Мир, в котором информация и защита исходят из новой технологии, названной Третий, технологии, которую изобрел Собек и поделился ей с миром.

На четвертый день Клаудия показала нам пропагандистскую голограмму — ту же самую, которую я смотрю каждый декабрь на День эмансипации — где Собек представляет чип с данными. Этот чип не только подключает людей к спутниковой системе, но и использует ДНК новорожденных для запечатления граждан ГУ с предписанным партнером который подойдет и дополнит их. На голограмме показаны счастливые пары по всей Америке, так как малыши получают свои Третьи. Голограмма заканчивается сценой, в которой все поднимают кулаки вверх и повторяют самый известный лозунг Собека: «С удовлетворением приходит счастье, а с счастьем приходит мир во всем мире».

Сегодня уже шестой день выслушивания этих нескончаемых лекций, и я хочу кричать. Я поняла их. Я посмотрела их. Почему я должна опять их слушать? Я лишь хочу найти Аннику и Рейн, чтобы поговорить с ними. Я хочу домой к папе. С тех пор, как я научилась разговаривать, понимать речь и пользоваться Третим, я то и дело слушала, как Собек Васел и его Глобальное Управление спасли нашу планету от разрушения. Так почему меня заставляют пересматривать уроки? Потому что я — Аномалия? Поэтому я должна слушать это постоянно? Они боятся, что я буду бунтовать, потому что я другая? Я же чувствую по-другому: я хочу вписываться в общество, быть запечатленной и забыть об этом ужасном времени.

Забывать, что я когда-то была другой.

Каждый день, когда Клаудия снова заводит свою шарманку про нашу историю, я хочу закричать, что мне скучно. Что я знаю о каждом факте про наше прошлое, о котором она собирается рассказать. Но я молчу. Мы все... кроме Бертона, который раздражает ее, постоянно задавая вопросы. Я думаю, что это в его природе, потому что он из Учебной Общины, но не хорошо так сильно выделяться. И все же Бертон не собирается молчать. Я знаю, что он злит ее, потому что с каждым днем она проявляет все меньше и меньше терпения к нему. А Заступники известны своим терпением.

Это как раз то, что делает их опасными.

После обеда Клаудия отправляет к нам инструкторов, которые дают нам серию ежедневных тестов. Эти тесты предназначены как для определения нашей предрасположенности к определенной общине, так и сходства друг с другом. Инелия — пожилая дама с серыми глазами и седыми длинными волосами, заплетенными в тугую косу. Я думаю, она пропустила пункт в правилах, где говорится, что почти у всех Заступников короткие волосы. Ее волосы великолепны и достают до середины спины. Она слегка хромотает и ходит с тростью из черного дерева, как цвет её кожи. Но Инелия не инвалид, а как раз наоборот. Хотя она и самая старшая по возрасту из вожатых, обычно она очень бодра. На

тренировках по боевому искусству мастерски использует свою трость — как будто у нее черный пояс по боям с палкой. Даже Радар, эксперт по Крав-маге, не ровня Инелии, которая каждый раз уделывает его в схватке рукопашного боя.

Я никогда не занималась боевыми искусствами, но, к счастью, я схватываю очень быстро. Я лучше учусь, наблюдая, и я поняла, что схватка — это не столько моя собственная сила, сколько предвидение действий противника. Уже через несколько дней я могла победить любого, включая Радара. Я не уверена, почему я впитываю навыки так быстро, но знаю, что если посмотрю в глаза противнику, я предскажу его движения за секунду до того, как он начнет действовать. Поэтому я реагирую и ловко их устраниваю. С Каем драться легче всего, и каждый раз я его уделываю. Его дерзость раздражает меня, и на мате я выпускаю свою агрессию.

Инелия учит нас всему физическому: стрельбе из лука, боевым искусствам, скалолазанию и плаванию. Я лучшая в плавании и легко выигрываю каждый заплыв. Кай сильно отстаёт, но приплывает вторым только из-за того, что он хороший спортсмен, а остальные Аномалии даже близко не стоят с нами. Большинство из нас помогают Микаэле, которая едва может грести по-собачьи. Seriously, какой пятнадцатилетний подросток не умеет плавать? Хотя я не уверена, как факт того, что я отличный пловец, поможет мне быть запечатленной. Это лишь доказывает, что я принадлежу к Океанской Общине. Что касается запечатления, эм... перспективы того, что этот навык поможет запечатлиться, слабы.

Макс — второй инструктор. Настолько, насколько Инелия может быть добра, настолько противоположным может быть Макс. Высокий, смуглый и ужасно симпатичный. Его красота противоречит его жестокости. У него тоже есть трость, но она ему не для ходьбы. Если мы даже колеблемся на тестах по остроте ума — он бьет нас тростью по ногам и рукам сзади. Это садистская и устаревшая форма наказания, но Макс предпочитает ее более изощренным способам, таким как электрошок и нейромедиаторную терапию. Большинство Заступников, в этом смысле, просто варвары. Они предпочитают немедленную физическую боль. Вот почему все казни, а они довольно редки, — это повешение. В каждом городе есть виселицы, как напоминание последствий неповиновения Глобальному Управлению.

Последними тремя повешенными были люди из Учебной Общины, которые подвергли сомнению авторитет Собека. Бедный Бертон — явный продукт своей общины — страдает больше всех от ударов Макса, потому что доводит его своими нескончаемыми вопросами. Худые ноги Бертона покрыты рубцами от палки Макса. Это беспощадно, но Заступники имеют репутацию беспощадных людей. Кай, каким-то образом, стал любимчиком Макса, а все остальные находятся где-то между этими двумя крайностями.

Что мне больше всего нравится в уроках Макса, какими бы жестокими они не были, так это то, что благодаря им мой мозг начинает работать. Каждый день он концентрируется на новом умении, которое я раньше не изучала. Которое, я думала, не важно. Умения, с которыми обычный пятнадцатилетний подросток не знал бы как обращаться.

— Как твое имя? — рычит Макс, когда я сажусь напротив него на уроке по навыкам собеседования.

— Кива Ти, — отвечаю я, смотря в окно на Блу, хихикающую с Каем. Я не могу понять, почему она так меня беспокоит. Может быть, потому что она вешается ему на шею. Это отвратительно.

— Сосредоточься, — рявкает Макс. — Когда ты допрашиваешь кого-то, зрительный контакт очень важен.

— Я думала, что это урок по навыкам собеседования, а не допроса, — отвечаю я.

— А в чем разница?

— Собеседование — это чтобы узнать кого-то, а допрос — это... — Я колеблюсь. Я видела допросы только на видео. Обычно они включали запугивание беззащитной жертвы для получения информации. И я не знаю, что сказать.

Макс встает, ожидая моего ответа. Он обходит стол и становится за мной. Я сильно напугана и чувствую, как волосы встают на моем затылке, когда он облокачивается на спинку моего стула и дышит мне в шею. Я не вижу его, но могу представить угрюмое выражение его лица.

— Это... допрос — это...

Хрясь. Трость Макса ударяет меня по руке, оставляя рубец.

— Что такое допрос, Кива?

— Это когда кто-то использует тактику устрашения для сбора информации. — Я пытаюсь контролировать дыхание, не хочу плакать перед этим человеком. Перед этим монстром.

— Это было так сложно? — спрашивает он.

Я оставляю руки на столе. Не хочу доставлять ему удовлетворение, показывая свою боль.

— Собеседование — это набор стандартных вопросов и ответов, чтобы получить информацию. На допросе же ты получаешь правду, — спокойно говорит Макс, как будто ничего не произошло. — Они взаимозаменяемые, когда ты научишься использовать их правильно, но в любом случае зрительный контакт является ключевым навыком. Когда ты смотришь кому-то в глаза, ты можешь определить, когда он лжет. А сейчас солги мне.

— Что? — Что с ним такое? Он просто ищет причину еще раз ударить меня своей тростью?

— Я собираюсь показать тебе, как я определяю, что ты лжешь. Я задам тебе три вопроса. Солги в ответ на два из них, а на один ответь правду. Первый вопрос: Как зовут твою лучшую подругу?

— Хм... Сессиль.

— Нет! — рявкает Макс. — Я даже не буду его засчитывать. Никаких «хм» перед ответом, это сразу показывает, что ты лжешь. У тебя также было вербальное разъединение. Ты качала головой, как будто пытаешься убедить меня, что это было правдой. Но это ложь. Следующий вопрос: кто твой самый нелюбимый человек в Лагере Монарха?

— Вы.

Макс смеется, удивленный и впечатленный моим ответом.

— Правда. Расскажи мне о чем-то, что ты не должна была делать, но сделала.

— Отец не разрешал заплывать за риф, пока мне не исполнилось десять. Но когда мне было восемь, кто-то поспорил со мной, что я не смогу туда доплыть. Мне было сложно удержаться. Течение было сильным, и рыбаку пришлось спасать меня.

— Ложь.

— Как вы поняли? — Я поражена. Я смотрела Максиму в глаза и чувствовала себя уверенной, когда рассказывала историю. Это могло случиться. Мой отец предупреждал меня не заплывать за риф, и рыбак однажды спас Аннику, когда она тонула. Я просто соединила истории.

— Ты почти не использовала слово «я». Большинство подростков начинают

практически каждое предложение с «я». Ты психологически дистанцировала себя ото лжи. Еще ты ерзала. Следующий вопрос. Расскажи про свое самое страшное воспоминание, и почему оно им является.

Я отвечаю сразу же, старательно используя «я» в предложениях, не киваю головой и не ерзаю.

— Я ужасно боюсь змей. Однажды я гуляла с Рейн по пещерам, и, когда мы сели отдохнуть, рядом со мной свернулась змея. Я так испугалась, что закричала. Это была неядовитая змея. Так сказала Рейн, а она знает обо всем. Но я была в ужасе.

— Ложь.

— Как вы определили? — Я раздражена. Я думала, что восхитительно лгу.

— Во-первых, перед тем, как говорить, ты откашлялась, как перед выступлением. Во-вторых, ты касалась уха.

— Я не понимаю, вы можете определить, когда я лгу по тому, как я дотрагиваюсь до уха?

— Ухо, рука, губы... всем этим ты можешь выдать себя. Изменения в твоём поведении говорят о том, что ты делаешь. Я задал тебе вопрос — у тебя возникла тревога, когда ты придумывала ложь, эта тревога заставила твою вегетативную нервную систему поработать, чтобы развеять тревогу. Таким образом, когда ты лгала, кровь отлила от твоего лица, ушей и конечностей, создавая ощущение зуда. Ты этого не заметила, но руками ты неосознанно потянулась к уху. — Макс настолько самодоволен, что мне хочется взять его трость и ударить ей. Вместо этого я послушно его благодарю.

— На сегодня урок закончен. Позови следующую Аномалию.

На седьмой день мне, наконец, удастся увидаться с друзьями. Они со всех сил пытаются скрыть разочарование, что я Аномалия, но оно читается на их лицах. Я кусаю внутреннюю сторону щеки, чтобы не заплакать.

— Мне жаль, — говорят в унисон Рейн и Анника, бросаясь ко мне. Сегодня вечер фильмов, и впервые нам разрешили пообщаться с остальными. Большинство людей внутри здания со своими предписанными партнерами, но мы остаемся снаружи. Из зрительного зала слышны крики. Они смотрят какой-то старомодный фильм про пилю и кровь. Я не в настроении для фильма ужасов, особенно, когда моя собственная жизнь превращается в историю ужасов.

Мне было так одиноко, что когда я обняла своих друзей, мне не хотелось их отпускать. У меня так мало общего с остальными Аномалиями. Микаэла, когда не плачет, довольно заносчивая и нарциссическая. Блу настолько занята игрой, с кем она будет запечатлена, что не находит времени для меня. Она положила глаз на Кая, потому что он дерзкий и забавный, однако, Дженезис симпатичный и практичный, и он ей вроде тоже нравится. Поэтому она играет с ними двумя. Меня не тянет ни к кому из парней. Бертон слишком много болтает, Радар замечает только Микаэлу, Дженезис слишком застенчив, чтобы продолжить общение... ну и Кай, самый раздражающий парень, которого я когда-либо встречала. Он как будто сделал смыслом своей жизни противостоять мне.

— Все хорошо. Все разрешится, — твердо говорю своим лучшим подругам, понимая, что моя жизнь никогда не будет прежней. Понятно, что следующие три года я проведу в Океанской Общине, так как должна окончить среднюю школу, но как только мне исполнится восемнадцать — я буду переведена к новому партнеру в новой жизни. Аномалии не следуют инструкциям, и их обычно отправляют в другую Общину.

Я сижу на скамейке и смотрю вниз. Сама не верю в свою ложь. Ничего не разрешится. Нет ни единого шанса, что меня направят обратно, в мою любимую Океанскую Общину.

Мои подруги держат меня за руки, молча придавая сил. Мне нужно что-нибудь выяснить. Я не могу просто сидеть и ждать, пока мне скажут, как жить мою жизнь — я сама должна что-то предпринять. По крайней мере, Дженезис живет в Западной Америке которая частично расположена рядом с Океанской Общиной. Он работает на ферме, находящейся в месте под названием Кабо-Сан-Лукас, а это всего несколько часов на скоростном поезде. Я убеждаю себя, что не имеет значения то, что я не могу поладить со скромным парнем из Общины Экосистемы — ему придется это сделать.

— Скорее всего, я буду запечатлена с Дженезисом. Он хороший. Молчаливый, но хороший. — Я замолкаю, когда думаю о возможности провести всю свою жизнь с Дженезисом. Знаю, что могло быть и хуже. — Он очень добрый, постоянно всем помогает. Он самый красивый из всех. Он сильный. И было бы хорошо, если бы мой предписанный партнер смог перенести меня на руках через порог, когда мы поженимся. — Я не могу удержаться и посмеиваюсь над этим устаревшим поверьем.

— Но, Кива, — завывает Анника, протягивая букву «а» в конце моего имени, как кричащая банши. — Мы все вместе должны остаться в Океанской Общине.

— Я знаю. — Пытаюсь сохранить внешнее спокойствие. — Вы не хотите перебраться в Экосистему, случайно? — с надеждой спрашиваю, зная их ответ.

— Данте из Возобновляемой Энергии, но он хочет переехать в Океанскую, — извиняющимся тоном говорит Анника.

— А Эдвард итак океанец, поэтому... — Рейн не договаривает итак очевидный ответ.

— Я знаю, — выдавливаю энтузиазм, которого у меня нет. — Просто подумала, что стоило спросить. Ну, по крайней мере, я все еще буду жить около воды. Среди нас есть Аномалия, которая живет в Центральной Америке. Без выхода к морю, брр.

— Он ведь не тот высокий парень, да? — спрашивает Анника.

— Нет, не тот грубый парень, который врезался в меня в первый день. А что?

— Он сногшибателен. — Анника краснеет и добавляет. — Я имею в виду, мой Данте симпатичный, и я буду ему полностью верна, но... ух, он такой красивый. Ну, он сногшибателен.

— Он? — переспрашиваю я, не веря своим ушам. Никогда не думала о Кае, как о красавце.

— Ты когда-нибудь смотрела на него? — скептически спрашивает Анника.

— Смотрела и слушала. Он никогда не затыкается и думает, что умнее всех.

— Кто умнее всех? — Кай проходит мимо и вклинивается в наш разговор.

— Ты, — отвечаю я и поворачиваюсь к нему спиной.

— По правде говоря, Кива как раз говорила о тебе, — лукаво говорит Анника.

— Она? — Кай ухмыляется, а мои подруги практически падают в обморок. Не могу понять, почему они считают его таким симпатичным. Я этого не замечаю. Он высокий, и я думаю, что в его кривой улыбке есть что-то очаровательное. Может быть, я просто не вижу ничего, кроме его высокомерия.

— Ха, я надеюсь, она не сильно утомила вас, рассказывая о том, как сильно влюбилась в меня. — Он игриво толкает меня в плечо и собирается уходить.

— Разве ты не должен смотреть фильм? — спрашиваю я.

— А ты? — ухмыляется он.

— Куда ты идешь?

— Я хочу проверить ЛМ-5. — Он указывает на Викторианское здание, которое угрожающе стоит в отдалении. — Разве вам не интересно, что там происходит? Почему нам туда нельзя?

— Нет, — отвечает Рейн. — Нам сказали туда не ходить, так почему должны туда идти?

— Минутку. — Поворачиваюсь я к подруге. — В первый день здесь ты сказала, что хочешь его осмотреть. И была очень настойчива.

— Неправда. — Рейн смотрит на меня, как будто мы не знакомы.

— Рейн, это было чуть ли не первым, что ты хотела сделать. Ты сказала мне, что точно пойдешь туда. Ты не можешь терпеть, когда тебе говорят, что ты не можешь что-то сделать.

— Я не хотела.

— Но...

— Я ничего подобного не говорила, Кива. — Ее слова звучат отрывисто, наполненные гневом, который я никогда раньше не слышала.

— Ладно, я ошиблась, — я отвечаю осторожно, не понимая, что произошло с моей некогда чересчур любопытной подругой. Я стояла рядом с ней, когда она была настроена проверить здание, в котором мы были десять лет назад.

— Так что, вы идете или нет? — Кай спрашивает еще раз.

— Нет, — Анника и Рейн отвечают в унисон.

— Нет, — повторяю я, хотя часть меня хочет пойти. Мне не так удобно с моими друзьями, как я думала будет. С ними что-то не так.

— Как хочешь, Жердь. — Кай улыбается и направляется к зданию.

— Ха, — хихикает Рейн. — Ты ему нравишься. Вы будете идеальной парой.

Я не понимаю. Еще секунду назад Рейн ругалась на меня за то, что я сказала, а сейчас уже сводит с Каем.

— Во-первых, — зло говорю я, — Кай Лорен — последний человек на Земле, с кем я буду запечатлена. И, во-вторых, он — Аномалия. Он бы не мог влюбиться в меня, даже если бы захотел. Как и я. Мы не вписываемся. Наши Третьи не жужжат. Мы не сможем достичь настоящего счастья и спокойствия. Пока с нами не разберутся — мы враги Мирового Управления. Даже хуже этого... Мы не значимы.

Кажется, мой ответ немного злее и сильно проникновеннее, чем я думаю, потому что Анника и Рейн странно на меня смотрят. Возможно, это впервые, когда становится ясно, что я отличаюсь. Как отличается мое будущее. Мы обнимаемся на прощание, и они уходят в зрительный зал к Эдварду и Данте. Через пару минут они будут кричать, как и все остальные. Через пару часов они будут в своих кроватях, как и остальные нормальные подростки. Завтра они будут участвовать в обычных лагерных делах: плетение на веревочных курсах, разведение огня, изготовление макраме браслетов — все то, чем занимаются в лагере нормальные дети. А я пойду снова на идеологическое воспитание. Уроки Клаудии. Тренировки Инелии. Мозговые штурмы Макса.

Вот такой отдых в летнем лагере.

***

— ЧТО ТЫ СОБИРАЕШЬСЯ ДЕЛАТЬ в свое последнее лето перед окончанием школы — спросил Собек. Он глотнул чаю, который ему принесла его третья помощница Рика. Она ему нравилась. Она была молода и амбициозна. Такой, каким бы он хотел видеть своего сына. — Я жду.

— Я работаю над своими технологиями, — возбужденно ответил Каликс. Он унаследовал тягу к науке у своего отца, и ему доставляло огромное удовольствие проектирование новых технологий у себя в мастерской. Ему также нравилось взламывать центральный компьютер здания, но он решил не делиться этой информацией.

— Время игр закончено, — объявил Собек.

— Это не игра, отец, я познаю.

— Единственное, что ты должен познать — это свое место в этом мире. И этим летом я беру на себя твое обучение... надлежащим образом.

— Что это значит?

Собек бросил свой планшет сыну. Каликс легко его поймал на лету левой рукой. Он всегда отличался молниеносной реакцией, навык, который помогал ему в его любимых играх.

— Вводи 09-21-2047, — проинструктировал Собек.

— Это дата моего рождения, — сказал Каликс, быстро печатая цифры.

— И люди упрекают меня в отсутствии сентиментальности, — ухмыльнулся Собек, печатая цифры на своих часах.

— Что ты делаешь?

— Пересылаю информацию со своих часов на планшет. Это дело времени. Теперь вводи «Учебная». Это 2-2-2-3-36-4-2.

— Дело времени для чего? — спросил Каликс, печатая.

— Твоего первого урока. — Собек улыбнулся и поднял взгляд на мониторы. Тысячи голограмм исчезли, превратившись в единственное изображение.

Каликс взглянул на голограмму. Он увидел одинокую молодую женщину, стоящую на платформе с петлей на шее. Ей было немного за двадцать, на ее лице застыла бесстрашная суровая маска. Каликс не мог понять, где именно она находилась, но позади нее были горы. Группа горожан, в основном, одетых в желтое, стояла около платформы. Каликс сразу же заметил молодого мужчину, немного старше его самого, стоявшего в стороне. Он старался сохранить невозмутимость, и все же Каликс заметил его красные глаза за очками.

— Что она сделала? — спросил он у отца.

— Не соглашались, — ответил Собек. — Она учитель средней школы, которая пропагандировала бунт. Она была главой организации, которая готовила восстание против Глобального Управления.

— Она такая молодая. — Каликс не мог перестать думать о том, какой гордой она выглядела. Непримируемой. Он никогда не видел никого перед лицом смерти, и не думал, что это будет выглядеть так.

— Не позволяй ее молодости одурачить тебя. Она ужасно опасна. Она была осуждена Заступниками и признана виновной. Ее акт неповиновения будет уроком, который ее община выучит на своем горьком опыте.

— На каком уроке?

— Введи свое имя, сын, 2-2-5-4-9.

Каликс ввел. Когда он напечатал последнюю цифру, люк под ногами осужденной женщины открылся. Прежде чем Каликс осознал, что только что сделал, прежде чем понял, какое зверство его отец позволил ему совершить собственными руками, осужденная женщина провалилась в люк.

И ее шея сломалась.

ГЛАВА 5

Я нервничаю

Спустя лишь одну неделю Микаэла и Радар запечатлены и покидают группу. Я нахожусь здесь, когда это происходит. Все Аномалии здесь. Мы завтракаем, когда входит Клаудия Дюрант с широкой улыбкой, занимающей большую часть ее мужеподобного лица.

— Результаты тестов с первой недели готовы. А также мои поздравления. — Она не перестает улыбаться. — У нас первая пара. Микаэла Флеминг, твой предписанный партнер... Радар Мортон.

Микаэла, сидящая рядом со мной, издает визг восторга. Затем я слышу, как жужжит ее Третий, и безмятежность накрывает ее лицо. Быстро беру ее за руку. Со стороны это выглядит, как будто я поздравляю мою подругу Аномалию, но, на самом деле, я хочу почувствовать вибрацию. Постараться понять, что происходит. Действительно, как только мои пальцы касаются ее, я чувствую, как энергия исходит из ее Третьего вниз к кончикам пальцев. То же самое я чувствовала, когда держала за руку Рейн. Как это происходит? Я понимаю, что наши Третьи используются для сбора информации и подключению к голограммам... но я никогда не видела, чтобы они меняли чью-либо личность. Должно быть, это часть метода запечатления. Когда два человека настолько связаны, что не могут жить без друг друга, их Третьи реагируют. Уголкем глаза я замечаю, что рука Кая лежит на плече Радара. Он проводит свой собственный эксперимент? Похоже, что я не единственная, кто заметил странное поведение. Кай смотрит на меня, и я киваю, отдавая ему должное за то, что также заметил этот странный феномен.

Микаэла и Радар встают и обнимаются, а мы хлопаем их успеху без энтузиазма, сдерживая нашу зависть. Блу даже не пытается скрыть свое разочарование. Она просто сидит и дуется. Пара Микаэлы и Радара только усиливает тот факт, что мы ошибки в совершенной системе нового мира.

— Микаэла, ты будешь приписана к хижине семь, девочки. А ты, Радар, к хижине семь, мальчики. У вас будет два часа на воссоединение с партнером и изучение лагерной территории, после чего вы отправитесь по своим кроватям.

Я удивлена последней фразе Клаудии. Они уже были воссоединены. Они знают друг друга уже неделю. Зачем им еще два часа? Я не понимаю. Она сказала им точно такие же слова, как и остальным в первый лагерный день. Без изменений. Без перестановок. Та же самая речь.

Когда Клаудия завершает свое монотонное заявление, она прощается с парой. Микаэла и Радар улыбаются и уходят из обеденного зала.

А потом их осталось пятеро.

Пять квадратных деталей, пытающихся пролезть в круглые отверстия. К концу второй недели заканчиваются лекции Клаудии Дюрант, потому что в них больше нет необходимости. Время — это роскошь, которой у нас больше нет, время утекает прочь, и более половины смены позади. У нас осталось меньше недели для запечатления.

Наши дни заполнены тестами. Макс проводит нам умственную гимнастику, сложность которой растет день ото дня. Я даже не знаю, что хуже — почти невыполняемые тесты Макса на остроту ума или безумно скучные вопросы с множественным выбором, которые мы заполняем ежедневно. Они настолько тупые и однообразные, что я практически засыпаю над ними каждый раз.

Простые вопросы сформулированы, чтобы спросить у меня про... меня. Мне пятнадцать

лет, откуда я должна знать, кто я на самом деле? В большинстве вопросов три варианта ответов:

Ты

А. Разговорчивый(ая), В. Неразговорчивый(ая), С. Сочетание того и другого?

Ты

А. Откровенный(ая), В. Скрытный(ая), С. Сочетание того и другого?

Ты

А. Предприимчивый(ая), В. Осторожный(ая), С. Сочетание того и другого?

Ты

А. Общительный (ая), В. Нелюдмый (ая), С. Сочетание того и другого?

Я не имею понятия, какая я, поэтому выбираю С.

Настолько, насколько просты вопросы с множественным выбором, настолько сложнее становятся тесты Макса. Однажды он попросил нас внимательно посмотреть видео про детей, играющих под ветряной турбиной. Это десятиминутное видео, начинающееся довольно невинно. В нем играет музыка, как в старомодных каруселях, и показывается мальчик, оставленный в одиночестве своими друзьями в пустыне, где начинает дружить с неодушевленной ветряной турбиной. Затем музыка становится мрачнее, чтобы показать страх и растерянность мальчика. Внезапно турбина оживает и начинает говорить голосом робота, уверяя и поощряя мальчика отомстить издевающимся над ним друзьям. Затем турбина использует свою энергию для убийства злого друга мальчика, который бросил его в пустыне.

Когда включается свет, я смотрю по сторонам. Все выглядят очень обеспокоенными этим видео. Зачем Макс показал нам его? Наш инструктор протягивает нам планшеты, на которых мы должны напечатать пять ответов. Если мы отвечаем правильно, то остаток дня можем провести, как только пожелаем. Если ответы неправильные, то мы должны будем посмотреть еще одно видео, и процесс будет повторяться.

Я улыбаюсь. Насколько сложными могут быть вопросы? Каким бы тревожным не было видео, оно было довольно простым, и я его смотрела внимательно и все поняла. Это должно быть обычный тест на понимание, но вопросы Макса какие угодно, но не обычные.

— Шорты какого цвета были на главном хулигане?

Что это за вопрос? Как я могу помнить цвет шорт? Это не часть истории. И все же я пишу красный, цвет Общины Возобновляемой Энергии, поскольку думаю, что мальчики были из нее.

— Сколько времени было на часах главного героя, когда хулиганы оставили его одного?

— Подождите. Откуда мы должны это знать? — спрашивает Бертон.

— Потому что вы должны были смотреть внимательно, — рывкает Макс и бьет его по голени тростью. Он не дает нам времени и сразу задает следующий вопрос.

— Сколько турбин было в финальной сцене?

Мне хочется кричать, в заключительной сцене видео было не меньше дюжины турбин. Вопрос не относится к истории. Расстроенная, я печатаю «много».

Когда упражнение выполнено — ни у кого из нас нет всех пяти правильных ответов. У всех правильный первый ответ — у Кая и Блу по три правильных, у Бертона четыре, а у меня с Дженезисом по два.

Поэтому мы смотрим еще одно видео.

Это продолжается почти десять часов. Каждое следующее видео тревожнее

предыдущего, и я пытаюсь абстрагироваться от искаженных сообщений, в которых, в основном, все сводится к идее того, что каждому нужен партнер для выживания в мире. Вместо этого я концентрируюсь на мелочах: считаю полоски на рубашках, обращаю пристальное внимание на цвета, цифры и остальные детали.

Бертон освобожден после трех видео, так как он набрал все необходимые баллы. Блу освобождена после четырех видео. Кай, Дженезис и я подбираемся все ближе и ближе к нужному результату, но никак не можем достичь идеальной оценки.

— Уже время ужина, — наконец жалуется Дженезис. Он редко говорит, но сейчас озвучивает то, что каждый из нас думает. Как мы можем концентрироваться, если голодны?

— Последнее видео. Хотя нет, вы трое не обладаете детальной памятью, поэтому давайте проверим как у вас дела с эмоциональной памятью.

— Что вы имеете в виду? — спрашивает Кай. Он устал. Мы все устали.

— Отвернитесь друг от друга. А теперь нарисуйте кого-то из этой комнаты, кто вызывает у вас больше эмоций. Соедините свое сердце и разум, чтобы воссоздать человека. Не смотрите друг на друга. У вас пятнадцать минут на то, чтобы нарисовать свою интерпретацию человека. Если вам это удастся, то вы свободны.

Спустя пятнадцать минут мы прекращаем рисовать на планшетах. Мы поднимаем их для проверки Максом. Я нарисовала Макса, запечатлев не только его красоту: его взъерошенные волосы, пронизательные глаза, полные губы, высокие скулы... Мне так же удалось передать его жесткость. Его жестокость. Его зверство. Его зло.

Кай и Дженезис выбрали одного человека. Густые рыжие волосы, голубые глаза, узкий нос и сотни веснушек. Они оба выбрали меня. Как и на моем изображении Макса, на их улавливается что-то сокровенное внутри меня. Что-то, что выявляется через их рисунки.

Дженезис изобразил мою красоту, а Кай мою силу.

После доедания холодных остатков в обеденном зале, я возвращаюсь в женскую хижину под номером двадцать — специально назначенную хижину для Аномалий, которая выглядит еще более пустой с тех пор, как ушла Микаэла. Деревянная хижина, находящаяся в самом конце, слабо украшена, и большая часть металлических двухъярусных кроватей пустуют. В домике, рассчитанном на двадцать человек, сейчас только две девушки. Я киваю Блу, которая красит ногти, и переодеваюсь рядом со стеной с полками. Аккуратно складываю свои синие вещи в отведенное мне место и надеваю пижаму. Блу уже переделалась в фиолетовую кружевную ночную сорочку. У нее очень странный вкус. Из-за моей синей одежды и фиолетовой одежды Блу, полка выглядит как огромный синяк.

— Как прошел твой день? — спрашивает она рассеянно.

— Он был длинным. Кай, Дженезис и я не смогли справиться с тестом Макса на запоминание деталей, и, в конце концов, он сдался. Я просто в отключке. — Но вместо того, чтобы пойти спать, я принимаю ее вопрос за приглашение поболтать. Когда здесь была Микаэла, она обычно была неким буфером между мной и спесивой Блу. Теперь же мы должны позаботиться сами о себе, а вежливость позволит избежать большинства конфликтов. Я даже сажусь на ее кровать на первом ярусе. Она предлагает мне свой лак для ногтей.

— Но он же фиолетовый, — говорю я.

— Посмотри еще раз, — улыбается она. Я осматриваю флакон и убеждаюсь, что лак голубого цвета.

— Что ты с ним делаешь? — Как и одежда, наши аксессуары должны быть цвета

общины.

— У меня есть все цвета радуги. — Она улыбается и достает маленький полиуретановый мешочек из-под подушки. В нем лаки всех цветов: желтый, красный, зеленый, оранжевый. Они все красивые.

— Ты можешь попасть в большие неприятности. — Я достаю ярко-оранжевый лак и хихикаю.

— Могла. Но мы обе уже за чертой невозврата. — Она забирает у меня оранжевый и демонстративно красит мизинец. Затем ухмыляется и машет кисточкой, вызываясь спрашивать: — Слабо?

Я не возражаю и крашу большой палец в оранжевый. Мы начинаем смеяться и достаем все лаки, бунтуя по-своему, окрашивая все ногти в разные цвета. Со стороны мы выглядим, как два смеющихся подростка перед отбоем.

Но лишь мы знаем, какой опасной стала наша ситуация.

— Мы не как все остальные, ты же знаешь, — говорит Блу, дую на свои ногти.

— Я знаю.

Мгновение легкомыслия разрушено. Ежедневно мне напоминают, что я Аномалия; и мне нужна Блу для этого. Я концентрируюсь на бордовом ногте безымянного пальца, наслаждаясь насыщенным бархатистым цветом.

— Вчера Анника практически не взглянула на меня, когда я проходила мимо. Как будто она полностью отдалилась. А она моя лучшая подруга.

— Была твоей лучшей подругой, — вставляет Блу. — Дружба пересматривается, когда один из друзей Аномалия. Как и семейные отношения. Моя сестра большая шишка во дворце, и она будет в ярости, когда узнает, что я Аномалия. Она даже может потерять работу. Как и мои родители. Это огромное пятно позора на мою семью.

Я впервые вижу Блу беззащитной. Она даже почти приятная.

— А что насчет твоих друзей? — спрашиваю я.

— Как и твои. Они бросили меня. Я приехала на смену Летнего Солнцестояния с четырьмя одноклассниками. Мы не лучшие друзья, но друзья. Хорошие друзья. Я их знаю всю свою жизнь. С двумя из них я даже играю в группе.

— Ты играешь в группе? — До меня доходит, что смена почти подошла к концу, и я ничего не знаю о Блу.

— Играла. Не думаю, что они захотят теперь быть со мной в одной группе. Я играла как на акустической, так и электро- гитарах. И довольно хорошо играла, но это не важно, когда ты Аномалия. Клавишник из моей группы уже оскорбляет меня. Когда я вернусь, все остальные тоже начнут. Меня это уже не беспокоит. Такое ощущение, что лагерь создал все эти группы. Твоя хижина, твоя община, община твоего предписанного партнера. Я думаю, что все в итоге приходит к группе из двух человек, и я не являюсь частью ни одной из них.

— Ты элитный член в нашей группе из пятерых, — шучу я. Но это не смешно. Блу, Дженезис, Кай, Бертон и я являемся членами группы, к которой никто не хочет присоединиться.

— Что с нами будет, когда смена подойдет к концу, Кива? Какие у нас варианты?

— Я не знаю. В смысле, я думаю, что не очень много об этом думала. Мне кажется, что я просто не хотела об этом думать.

— Так начни, — говорит Блу, протягивая мне средство для снятия лака. Она уже стерла свои бунтовские цвета. Я неохотно стираю свои, запечатлев в памяти, как это — иметь

возможность носить разные цвета. Чтобы выразить свою индивидуальность.

— Ты знала своих бабушку и дедушку? — спрашивает Блу.

— Нет. — Мне интересно, к чему ведет это вопрос. — Они умерли во время Великой Технологической Войны. Как и все остальные пожилые люди.

— Умерли ли? — Блу вытаскивает потрепанную фотографию, свернутую в колпачке от лака для ногтей. Она протягивает ее мне. Я вижу улыбающегося молодого мужчину, очень похожего на Блу.

— Кто это?

— Мой дедушка, — медлит Блу.

— Расскажи мне, что ты скрываешь. Обещаю, что никому не скажу. — Блу колеблется, но, в конце концов, открывает мне свой секрет: — Мой дедушка жив, Кива. Я не знаю, где он находится — возможно, в Азии. Но он жив. — Ее глаза наполнены надеждой.

— Откуда ты знаешь?

— Я получаю... сообщения от него. Я не могу точно объяснить, возможно, это просто ощущения. Но я говорю тебе, что он жив. Собек пытался стереть наше прошлое, чтобы создать другое будущее, но делая это, он стер знания поколений.

Я в шоке пытаюсь понять, как дедушка Блу может быть жив. Мы всего второе поколение после войны. Разве могут быть другие? Выжившие?

— Кива, сосредоточься. Мы не знаем очень многого, кроме того, что мы должны быть запечатлены с партнером, чтобы выбраться отсюда. Мы должны это пережить.

— Что значит — пережить?

Блу смотрит по сторонам, убеждаясь, что никто не слушает. Но в хижине все еще тихо. Затем она манит меня, и я следую за ней на пол, заползая под кровать, где она светит фонарем на слова, тщательно вырезанные на стене. Всего лишь три слова предупреждения, вырезанные предыдущим жильцом хижины. Предыдущей Аномалией.

Подчинись или умри.

***

— ОНА МЕРТВА? — с недоверием спросил Каликс.

— И ты был тем, кто убил ее, — ответил Собек.

— Но я... я...

— Что? Думаешь, она не заслужила этого? — резко спросил Собек. — Ты не имеешь ни малейшего понятия, что заслуживают и не заслуживают люди. Живя здесь, ты развил слишком много сострадания.

— О чем ты говоришь? Зачем ты заставил меня это сделать?

— Настало время сделать из тебя мужчину, Каликс. Твоя мать баловала тебя слишком долго. У тебя есть предназначение — и это не сидеть в своей мастерской, пытаясь взломать систему.

Каликс посмотрел на отца в недоумении.

— Как ты?..

— Что? Думаешь, я не знал? Я знаю обо всем. Я прав во всем. Я любим всеми. И скоро очень скоро ты тоже будешь, сын.

Каликс был совершенно уверен, что его отец ошибается.

ГЛАВА 6

Я меняюсь

Теперь мы проводим больше времени за психологическими тестами, чем за

физическими испытаниями. Я начинаю добиваться хороших результатов на занятиях Макса. Я могу отличить ложь, вспомнить детали и быстро разобраться с ситуацией или проблемой. Когда, наконец, наш инструктор доволен нашими новообретенными навыками, он передает нас Инелии для однодневного похода.

Местность очень красивая, и хотя бы на короткий срок я пытаюсь забыть, что я — Аномалия. Изю всех сил игнорирую тот факт, что моя жизнь в полном беспорядке. Я лишь наслаждаюсь свежим воздухом и красивыми горами. Даже Кай не раздражает меня сильно. Мы с ним самые спортивные из группы, и соревнуемся по всему пути. Все остальные далеко позади, в основном из-за того, что Блу надела сандалии, а не кроссовки, и всем приходится ее ждать. Всем, кроме нас с Каем. Он даже бывает нормальным, когда смешит меня, рассказывая про своих шестерых младших братьев, которые хотят, чтобы он стал Заступником, и они смогли бы этим хвастаться.

— Ты хочешь стать Заступником? — спрашиваю я, пока мы ждем остальных у подножия горы. Я не рассматривала такую возможность для себя. Это сможет стать моим шансом на возвращение в Океанскую Общину. Я никогда не видела себя в качестве элиты Собека, но это бы позволило мне вернуть хоть немного нормальности в мою жизнь. Я бы смогла жить рядом со своим океаном. Рядом с Анникой и Рейн. Рядом с папой. Заступники живут в общинах, являясь глазами и ушами Собека. Они наслаждаются своим элитным статусом в качестве банкиров, журналистов, государственных чиновников и политиков.

— Я не знаю, — отвечает он серьезно. — У моих родителей много ртов, которые нужно кормить, а в Возобновляемой Энергии мы не купаемся в деньгах. Все пользуются солнечной энергией, но это не прибыльная область. Я никогда не мог представить себя работающим всю свою жизнь на заводе, изготавливая солнечные панели, и не хочу такой участи для своих братьев. Они очень активные и полны жизни. Если у меня будет возможность — я бы хотел им помочь.

Впервые я обнаруживаю уязвимое место у Мистера-я-все-знаю. Когда Кай перестает быть слишком осторожным, он становится довольно обаятельным. Даже привлекательным.

— У всего есть цена, — я думаю вслух. — Я уверена, что должность Заступника предполагает свои проблемы.

— Может быть, но зато у Заступников нет ограничений. Они, конечно, отчитываются перед Собеком... но у них гораздо больше свободы, чем у любой другой общины.

— У меня есть свобода в Океанской Общине, — с вызовом говорю я.

— Разве? — его глаза почти искрятся, когда он говорит. Они темно-карие, и только сейчас я замечаю в них маленькие крапинки золотого. — Я имею в виду, что океан великолепен, но он твоя тюрьма. Ты привязана к нему. Ты никуда не сможешь уехать. Ты ничего другого не сможешь делать.

Вместо того чтобы дождаться моего ответа, Кай начинает взбираться на гору. Вот такой он парень, который уверенно делает абсурдное заявление и уходит, оставляя меня обдумывать его. Я оборачиваюсь, думая о том, что нам нужно дождаться остальную группу. Мы уже прошли десять миль, и Инелия сказала, что нужно взобраться на вершину. Но должны подниматься группой. Чтобы укрепить наши отношения. Я вздыхаю. Возможно, это правильно — не всегда следовать правилам.

И следую за Каем.

Вначале — это небольшой уклон, и я легко придерживаюсь темпа Кая. Но, со временем, тропа сужается к вершине и становится почти вертикальной. Я смотрю вниз и вижу, как

остальная группа только начинает восхождение. Вдалеке они выглядят как маленькие пятнышки. Я быстро отворачиваюсь и концентрируюсь на задании, чтобы избежать головокружения. У меня небольшой страх высоты, о котором я никогда никому не скажу... особенно Каю. Не хочу, чтобы другие знали мои слабые места. Постепенно я поднимаюсь выше — рука над рукой — и догоняю его. Мы взбираемся вместе, и после того, как я была заперта с сотней тестов, мне нравится снова ощущать силу своего тела, пока карабкаюсь вверх. А затем, уже рядом с вершиной, я подскользываюсь. Моя нога встает мимо опоры, и я теряю равновесие. Размахиваю руками, пытаюсь схватиться за куст, камень, за что-нибудь. Когда я начинаю падать, у меня проносится несколько мыслей, в том числе тот факт, что я никогда больше не увижу отца, никогда не повзрелею и не заведу собственную семью...

— Поймал тебя, Жердь. — Большая рука Кая хватается меня за тонкое запястье, спасая меня от смертельной участи. Я начинаю паниковать, быстро вдыхая воздух, но Кай остается спокойным и хватается меня за вторую руку.

— Смотри мне в глаза, — спокойно говорит он. — И не забывай дышать.

И все же, мне хочется смотреть куда угодно, но не в эти шоколадно-карие глаза. Не слушая его, я поворачиваю голову и смотрю на землю, которая, кажется, находится в миллионах миль от меня. Мне становится плохо. Моя вторая рука вспотела, и я теряю хватку. Похоже, я упаду. Мне больше не нужно беспокоиться, что я Аномалия, потому что я уже не смогу увидеть, что произойдет.

— Кива! — в этот раз Кай кричит. Я чувствую, как он сжимает мою руку — его пальцы вцепились в мою ладонь, причиняя боль. Она отвлекает, и я фокусируюсь на его глазах. И только после этого у меня получается дотянуться до его второй рукой. Медленно Кай поднимает меня и усаживает в безопасное место в углублении между камней.

Пока перевозю дыхание, Кай не отпускает мою руку, успокаивая меня.

— Все в порядке? — спрашивает он.

Я киваю, потому что не доверяю своему голосу.

— Спасибо, — наконец с дрожью в голосе отвечаю я. — Думаю, ты только что спас мне жизнь.

— Я думаю, что так и есть. — Улыбается он. — Думаю, что теперь за тобой должок.

Он продолжает восхождение. Я не сижу долго, боясь, что если помедлю, то потеряю решимость продолжить путь. Вижу остальных позади меня. Я сомневаюсь, что они знают, как близко я была к тому, чтобы пролететь мимо них. Медленно, рука за рукой, нога за ногой, я поднимаюсь до самого верха. Молча Кай протягивает мне свою флягу, и мы пьем в тишине, разглядывая огромное пространство в ожидании остальных.

Первой поднимается Инелия, а за ней и вся группа. Они даже не представляют, что я чуть не умерла — и мы не собираемся им говорить. Вместо этого все болтают на отвлеченные темы, пока Бертон не решается спросить то, что каждый из нас хотел бы спросить:

— Инелия, что произойдет, если мы не будем запечатлены?

Мы все смотрим на нашего инструктора, которая медлит слишком долго с ответом. Она вытирает пот с брови.

— Есть несколько редких причин, почему Аномалии не могут быть запечатлены. Иногда Третьи работают некорректно. Иногда нарушена ваша ДНК. А иногда... — Она обрывает фразу, погрузившись в свои мысли, но быстро приходит в себя. — Поверьте, с вами все будет хорошо.

— Вы не ответили на мой вопрос, — настаивает Бертон.

— Разве? — спрашивает она чересчур бойко. — Просто придерживайтесь программы.

Инелия проговаривает это как предупреждение, чтобы закончить разговор. Но у Бертона абсолютно отсутствуют навыки общения, поэтому он продолжает говорить:

— Что это значит?

Мои инстинкты в боевой готовности, и я внезапно слышу мысли Инелии. Это прозрачно, как вода в океане. Бертон умрет. Есть огромная вероятность этого. Мы с Каем — следующие в очереди. Про Блу и Дженезиса я не уверена — но вероятность все же есть. Я смотрю по сторонам. Разве никто этого не слышит? Я наблюдаю, как Инелия намеренно не отвечает на вопрос Бертона, а вместо этого кивает на дальнюю сторону горы. Это легкая прогулка, и мы впятером следуем за ней по импровизированной тропинке между кустов и камней. Большую часть дороги я пытаюсь завязать разговор с Дженезисом, чтобы не думать о том, о чем умолчала Инелия. Как я смогла услышать это? Инелия же не говорила. Она даже не смотрела на меня, но я все равно слышала, о чем она думала... ясно, как божий день. Из всех сил изображаю интерес, пока Дженезис рассказывает мне о своей ферме. Он действительно хороший парень — и я думаю о том, как стать парой с тем, кого я абсолютно не привлекаю. Это позволяет мне не думать о моей вменяемости и голосах, которые я слышу.

Наконец, на дальней стороне горы мы отдыхаем и ждем, что еще нам скажет Инелия. Мы пьем воду из наших фляжек, пока Инелия смотрит украдкой на лагерь, а потом снова на нас. Она жестом просит нас прикрыть наши Третьи и делает то же самое сама. Вообще, это запрещено, но, так как Инелия одна из Заступников, мы повинемся без вопросов.

— Что происходит? — спрашивает Кай. Он выглядит глупо, прикрывая большим пальцем Третий.

— Третьи не работают на периферии Лагеря Монарха.

— Я думал, они везде работают, — говорит Кай.

— Собек и пытался заставить тебя так думать, — улыбается Инелия. — Но есть определенные мертвые зоны. Удаленные участки, до которых не добирается спутниковый сигнал. Подземелье, пустыня, определённые участки леса...

— Но Собек не допустил бы такого, — настаивает Блу.

— Технология — это быстроразвивающийся зверь. Существует такое огромное количество информации для обработки, что наличие нескольких мест вне сети никак не повредит.

— Но в этом нет смысла, — говорит Блу. — Как он может управлять миром, если есть несколько слепых зон.

— Это означает, что есть несколько зон, которые Собек не контролирует. Некоторое время мы перевариваем эту информацию. То, что говорит Инелия — может быть рассчитано как измена. Это означает, что Собек может творить такие ужасные вещи, что не хочет, чтобы кто-то случайно его отследил и увидел.

— Если мы вне зоны доступа, то почему прикрываем Третьи? — спрашиваю я.

— Потому что невозможно быть чересчур осторожными. — Как будто прислушавшись к своему собственному предостережению, она понижает голос: — Одна из причин успеха Глобального Управления в том, что в мире нет разногласий, — шепчет Инелия, хотя на мили вокруг нас никого нет. — В ГУ нет места независимости или противоречиям. В редких случаях инакомыслия — людей карают Заступники, которые действуют безнаказанно. Они

отвечают только перед Собеком, который ни перед кем не отчитывается. Однако, — Инелия начинает говорить еще тише, — по всему миру есть Подземные Общества. Люди, которые несчастны из-за правил Собека. Люди, которые хотят назад свою независимость. Они члены тайных сообществ, которые планируют восстание.

Я шокирована. Такое нам никогда не рассказывали на уроках истории. Нам говорили, что причина, по которой мы живем в мире, это то, что наш общественный уклад работает. Лагерь Монарха Собека обеспечивает наше запечатление с идеальным партнером и рождение идеальных детей. Такие успешные пары обеспечивают мир без насилия, болезней, ненависти и других нечистот. Это же первый раз, когда я слышу о секретных подземных обществах, я ошеломлена и не в силах подобрать слов. Как и все остальные.

— Я слышал про Подземные города, — наконец говорит Бертон. — Ходят слухи, что самый главный находится прямо под Саббатикал-Сити.

— Да, — тихо отвечает Инелия, несмотря на то, что в округе никого больше нет. — Им управляет сестра Собека.

— Что? Ого! Как же так вышло, что нам никогда об этом не рассказывали? — выпаливаю я. Я поражена, что мой наставник — мой наставник-Заступник делится с нами такой диверсионной информацией.

— Никто не знает о Подземелье, кроме Заступников, чьей миссией является его уничтожение. Его истребление.

— Почему люди хотят восстать? — спрашивает Блу.

— Потому что этот мир не должен быть идеальным, — вздыхает Инелия. — Творчество, новаторство и абстрактное мышление существуют там, где люди не думают одинаково. Собек же создает покорное общество, где все размышляют однотипно.

— То, что вы говорите, может быть истолковано как измена, — перебивает Кай.

— Да, — соглашается Инелия. — Может быть. Вот почему я говорю вам, что вы должны подчиниться системе, или вы будете...

— Утилизированы, — я говорю то слово, о котором думает Инелия.

— Да. — Инелия безразлично улыбается. — Вы должны подстроиться, чтобы выжить.

— Подчинись или умри, — говорит Блу, повторяя слова, написанные на стене нашей хижины.

— Да. Вы должны подчиниться, иначе вас утилизируют. Собек найдет вам место, но, поверьте, это не то место, в котором вы бы захотели оказаться. Физически или мысленно. Что ж. Я уже сказала слишком много, но вы должны понимать, что вы можете приспособиться. Важно, чтобы вы знали — у вас есть выбор, — предупреждает Инелия и жестом просит нас убрать пальцы с Третьего.

И она дает нам что-то, чего у нас не было до этого.

Выбор.

***

— Кива. — Я чувствую, как кто-то меня трясет. Я крепко сплю и не хочу вставать. — Кива, проснись.

Я открываю глаза. Рядом со мной стоит Кай.

— Что ты здесь делаешь? — шепчу я, быстро осматривая хижину. Блу крепко спит. — Ты не должен быть здесь, Кай. Ты можешь попасть в неприятности.

— Я знаю. — Он озорно улыбается. — Да ладно, это наша последняя ночь в лагере. Пойдем повеселимся. Я почти не сопротивляюсь. Я обуваюсь и накидываю свитер. Несмотря

на то, что днем очень жарко — ночью ужасно холодно.

Кай и я выскальзываем из хижины и тихо гуляем по темному лагерю.

— Куда мы идем? — спрашиваю я, когда мы достаточно отходим от хижин.

— Увидишь. — Кай тянет меня мимо вертолетной площадки к пустым правительственным зданиям. Рядом с ближайшим зданием выстроились в ряд моторглайды.

— Я обещал тебя прокатить, — говорит Кай, когда мы подходим к его моторглайду.

— Вообще, ты обещал прокатить Блу, — говорю я, вспоминая их флирт в первый лагерьный день. Блу едва ли отходила от Кая, возможно, надеясь, что инструкторы увидят, как хорошо они смотрятся вместе. Я же первой заметила, что они будут эффектной парой. Так почему с ним сейчас не Блу? А что еще важнее, почему я согласилась пойти?

Кай не спорит. Вместо этого он улыбается своей кривой улыбкой и снимает брезент, которым накрыт моторглайд — аэродинамическая черная машина с серебряными рычагами. Он достает два красных шлема из багажника и протягивает мне один из них.

— Ты думаешь, я настолько тебе доверяю, чтобы ехать на этом? — спрашиваю. Я с ним флиртую? Откуда это взялось?

— Если ты не можешь доверять мне, то кому тогда можешь? — Кай протягивает снова мне шлем. Я сомневаюсь.

— Чего ты боишься?

— Что я умру, — говорю я до того, как осознаю, насколько глупо это звучит. Моя судьба будет решена через несколько часов — и смерть один из вариантов моей участи. Я закатываю глаза, когда понимаю иронию своих слов. — Конечно, почему бы нет.

Я беру шлем и надеваю его.

Я смотрю, как он легко взбирается на гладкую машину. Сажусь позади него, аккуратно обнимая.

— Тебе нужно держаться крепче, Жердь, — говорит он, запуская двигатель.

Я почти что вылетаю из сиденья из-за резко набранной скорости, поэтому крепче обнимаю его за талию, пока мы летим над солончаками. У меня захватывает дух. Кай едет более сотни миль в час — и это очень сильно похоже на полет. Все проблемы, все беспокойства и все мысли вылетают из моей головы, как только я чувствую ветер в волосах и азарт скорости. Наконец, после двадцатиминутной поездки он останавливается. Мы непонятно где, и, скорее всего, грубо нарушаем всевозможные лагерьные правила — но мне все равно. Кай слезает с мотоцикла, но вместо того, чтобы помочь мне, он садится позади меня.

— Что ты делаешь?

— Твоя очередь.

— Ни за что, — протестую, пытаюсь слезть, но Кай крепко меня держит. — — Поживи немного, Кива. То, что ты попробуешь сделать, — не причинит тебя вреда.

— Это как раз то, чего я боюсь! — говорю я, но потом расслабляюсь и позволяю Каю научить меня. — Все, что тебе нужно знать, — это сцепление и тормоз.

Кай кладет мою руку на левый рычаг. Его рука накрывает мою.

— Это переключатель передач, а это сцепление. Левая сторона для переключения.

— Дай угадаю, — говорю я. — Правая сторона для торможения.

— Вы блестящий ученик, мисс Кива Ти.

— Спасибо, инструктор Кай Лорен. Что еще мне нужно знать?

— Этого будет достаточно. Отпусти сцепление и жми на газ. А! Еще не забудь дышать.

— Дышать. Хорошо. Будет сделано. — Я делаю глубокий вдох и только потом медленно отпускаю сцепление. — Мы движемся!

— Движемся! — Кай изумлен. — Теперь ты знаешь, как водить моторглайд. Хочешь быстрее?

— Хорошо. — Я отпускаю сцепление, наслаждаясь ощущением себя в моменте. Большую часть времени я чувствую себя наблюдателем. Я наблюдаю за всеми и всем — не принадлежу полностью ни к чему из этого. Точнее, ни к чему, кроме океана. Но плавание — это то, что я делаю, а езда вроде этой — это то, кем я являюсь. Я на сто процентов принадлежу действию, и оно полностью захватывает... в хорошем смысле этого слова.

Я чувствую себя невероятно живой.

Наконец, останавливаю мотоцикл, мы слезаем с него и ложимся на солончаки, чтобы понаблюдать за чистым небом. Над нами мерцают миллиарды звезд. Это впечатляет.

Я чувствую себя свободной.

Мы лежим в спокойном молчании, пока, наконец, не заговаривает Кай.

— Это место раньше называлось соляными пустынями Бонневилля, и здесь находилась одна из лучших гоночных трасс в мире. Водители приезжали сюда со всего мира, чтобы испытать свои машины.

— Откуда ты знаешь? — спрашиваю я, хотя не должна быть удивлена. Кай изучал историю, как одобренную, так и не одобренную версии.

— Мой дедушка участвовал в гонках, — грустно отвечает Кай. — До Великой Технологической Войны он был одним из лучших. Собирал свои собственные машины. Наша семья живет совсем рядом, поэтому он постоянно брал сюда моего отца, когда тот был маленьким. Когда я здесь, я чувствую себя ближе к нему. Я никогда не знал своего дедушку, но не думаю, что он бы одобрил то, что произошло с миром.

— Что ты имеешь в виду? С миром все хорошо.

— Разве? — вздыхает Кай. — Я не так уверен. Посмотри на остальных в лагере, Кива. Им как будто промыли мозги. Я заметил это у большинства взрослых, а точнее говоря, у большинства людей после того, как они возвращаются из лагеря. Их Третьи жужжат и потом — его голос затихает.

Я хочу сказать, что тоже это заметила. Анника и Рейн как будто стали другими людьми. Если подумать, то большинство взрослых такие: счастливые, послушные, довольные. Я понимаю, что Кай хочет сказать еще что-то. Поэтому просто слушаю.

— Теоретически, мне нравится идея мира без войны. Но мир без конфликтов? Это пугает меня до смерти. Будучи людьми, мы не созданы по такому принципу. Мы созданы, чтобы чувствовать, думать, иметь точки зрения и не соглашаться. Как может произойти прогресс, если все придерживаются одной философии? Я считаю... я считаю, что Собек Васел и Глобальное Управление представляют опасность. После лагеря я собираюсь найти Подземный Город.

— Что, если с тобой что-то произойдет? — говорю я, прежде чем понимаю, насколько заинтересованной я стала в этом парне. Я поворачиваюсь и изучаю его карие глаза с золотыми крапинками, пытаюсь понять его. Он вроде старшего брата. Почему внезапно я начинаю так сильно о нем беспокоиться? Я не знаю, но беспокоюсь.

— Я не могу так жить, Кива. Это все ложь. Мне нужно что-то сделать. Я не могу просто сидеть и смотреть. Я должен взять ответственность.

Я не знаю, как на это ответить, но когда чувствую, что он берет меня за руку, я не

сопротивляюсь. Мы смотрим на звезды. Держась за руки. Думая. Мой разум улетает, пока я соединяю звезды в узоры, вспоминая уроки про планеты и созвездия. Я осознаю, что конфликтую с новыми чувствами. Такое возможно? Я что-то чувствую по отношению к надменному мальчишке, который раздражал меня с момента нашей первой встречи? Нет. Он друг, брат, соратник-Аномалия. Ничего больше. Но я чувствую себя в безопасности рядом с ним, и эта безопасность успокаивает меня.

Мы лежим так несколько часов, наслаждаясь приятной тишиной. Лишь незадолго до рассвета садимся на мотоцикл Кая и мчимся назад в лагерь, назад в наши хижины, чтобы успеть до общего пробуждения.

***

— МАМА! — КАЛИКС ВОРВАЛСЯ В квартиру и сразу же обнял маму за талию. Он не мог сдержать слез.

— Шшш, что случилось?

— Он тиран, — умудрился выпалить Каликс между всхлипами.

— Ты хочешь, чтобы он увидел тебя таким? — Но Аня Васел не убрала руки сына, а вместо этого позволила ему выплакаться в нее. — Шшш, тихо. Все будет хорошо. С тобой будет все хорошо, мой мальчик.

— Мама, — снова сказал Каликс, вырываясь из надежных объятий. Его распирало от гнева, который преобладал над отвращением и страхом. — Ты знаешь, на что он способен? Ты знаешь, что он делает? Убивает невинных людей.

— Откуда ты знаешь, что они невинны? — мягко спросила Аня.

— Дело не в этом. У него даже не хватает смелости для того, чтобы убивать своими собственными руками. Он... он трус.

Каликс не ожидал пощечины, которую ему влепила мама.

— Почему ты это сделала? — Каликс потер ноющую щеку.

— Собек Васел не только мировой лидер, но и твой отец, и я не позволю тебе говорить что-то, что подрывает его авторитет. — Затем Аня кивнула служанке, и та и вышла из комнаты. Аня снова обратила внимание на сына и опустилась на колени, чтобы смотреть ему прямо в глаза.

— Послушай меня очень внимательно, Каликс, — сказала Аня настойчивым голосом. — У твоего отца и меня был договор.

— Что ты имеешь в виду?

Аня вздохнула. Ей было не просто найти возможность, чтобы сообщить эту новость сыну. Она хотела сказать ему об этом уже несколько недель, хотела предупредить его, но ей претила мысль лишиться его детской невинности, поэтому молчала. Но вот время пришло. Собек разыграл свои карты, втянув Каликса в казнь. Это было очень похоже на Собека, он никогда не играл по правилам. Она снова вздохнула. Она его уже потеряла. Аня встала и пристально осмотрела своего мальчика, который уже начал свой путь к зрелости.

— Твой отец хотел привить тебе навыки лидерства, когда ты был еще маленьким мальчиком, около пяти-шести лет. Но я убедила его дать мне шанс воспитать тебя, пока ты не повзрослеешь. Я хотела дать тебе нормальную жизнь, сын. Я хотела, чтобы у тебя были обычные друзья, обычные воспоминания до того... — Аня не договорила. Она знала, что этот разговор не будет легким.

— До чего? — Каликс настаивал.

— Ты наследник, Каликс, — проговорила Аня, собрав все свои силы. — А с великой

властью приходит великая ответственность. С сегодняшнего дня твоя прежняя жизнь перестает существовать. Теперь для тебя будет существовать новая, которую ты должен принять и в которой должен преуспеть. Я выполнила свою роль, дав тебе «сбалансированную» точку зрения, так что, когда возможно придет время, ты интуитивно поймешь, что делать.

— Я не понимаю, мама. — Каликсу казалось, что это было прощание. Одной постоянной в его жизни была мама. Почему она разговаривала с ним так странно? О чем она говорила?

Аня подошла к подоконнику ее огромной квартиры на первом этаже. Она остановилась перед белым цветком, стоящим в воде в хрустальной вазе. Он пышно цвел.

— Помни, что я тебе рассказывала про цветок Лотоса, сын.

Каликс закатил глаза. Сколько он себя помнил, его мама всегда рассказывала ему о растениях. Он знал, как использовать их, чтобы вылечить, убить.

— Конечно. *Nelumbo pucifera* или Лотос может жить более тысячи лет и обладает редкой способностью оживать после застоя.

— Да. — Аня лезет в карман своего черного платья-туники и достает маленький мешочек, обвязанный веревкой. Она надевает его на шею сыну. — Семя Лотоса. Чтобы ты всегда помнил, что даже после самой кромешной тьмы может наступить самый красивый свет. Величайший дар Лотоса — это великолепно цвести, даже если он вырос из грязи. — Она положила руки на плечи Каликса и посмотрела в его голубые глаза. — Теперь начинается твой путь, сын. И как с цветком Лотоса, иногда может казаться, что повсюду грязь и мрак... но знай, что ты можешь все преодолеть. Не позволяй своим глазам одурачить тебя. Ибо иногда с самого дна может подняться что-то поистине великолепное. Иногда только ослепнув, ты начинаешь видеть по-настоящему.

Как будто по заказу, из спальни вошла служанка, неся два собранных вещмешка, которые она поставила у входной двери.

Аня обняла в последний раз сына и отошла.

— Теперь ты живешь с отцом. У тебя есть мир, которым ты должен управлять, и была договорённость, что Собек покажет тебе, как это делать.

— Но я не хочу, мама, — настаивал Каликс.

— Мне все равно, что ты хочешь, — сказала Аня так, чтобы в ее голосе прозвучала резкость, которой на самом деле не было. — Убирайся. Пришло время тебе перестать быть таким мягкотелым. Тебе почти восемнадцать. Настал час стать мужчиной.

Каликс не понимал жестокости своей матери. Ее слова были более пощечины. Он попытался посмотреть ей в глаза в поисках отблесков доброты, но там ее не было. Наконец он взял свои мешки, медля около двери.

— Прощай, мама.

Аня отвернулась, не доверяя себе настолько, чтобы даже ответить. Она не хотела, чтобы ее сын увидел, как слезы полились по ее щекам. У нее был договор с Собеком, и он пришел забрать свой долг. Вся ее усердная работа по воспитанию сына в любви и сочувствии теперь была в руках Собека. Она лишь надеялась, что привила достаточно хороших черт Каликсу, что он сможет выстоять перед злодействами отца.

Когда Аня услышала, как захлопнулась дверь за Каликсом, она вернулась к подоконнику и взяла красивую вазу с цветком Лотоса.

И разбила ее об пол.

ГЛАВА 7

Я взволнованна

Весь лагерь собрался для встречи с Собеком Васелом. Большинство из нас никогда не видели мирового лидера вживую, поэтому мы выстроились перед вертолетной площадкой в ожидании его прибытия. Многие проснулись еще на рассвете, чтобы забить место поближе к посадочной полосе и увидеть лидера первыми. Аномалии стоят последними. Это не значит, что мне не интересно — мне очень интересно. Я просто не хочу жертвовать драгоценным сном для того, чтобы просто стоять и ждать. Это как-то глупо. К тому же сегодня будет определена моя судьба, и я не хочу, чтобы у меня появилось несколько дополнительных часов для беспокойств.

Я вижу, как над горами летит вертолет. Все вытягивают шеи, наблюдая, как гладкая черная металлическая машина опускается на перевозданные солончаки. Контраст между природой и технологией ужасает, пока вертолет спускается. На мгновение яркий солнечный свет отражается от поверхности солончака и вертолета, заставляя всех закрыть глаза. Кажется, как будто машина вторглась на чужую территорию. Как будто. Я чувствую, как Кай берет меня за руку, и я не отдергиваю ее. Я благодарно улыбаюсь Каю, успокаиваясь от его прикосновения, пока шумящие лопасти громко отдаются эхом. Держимся за руки, как все пары, и сливаемся с толпой.

Открываются двери вертолета. Как и все, я взволнованна встречей с Собеком Васелом. Он традиционно посещает каждую смену Лагеря Монарха и выступает с речью в последний день. Когда вертолет останавливается, я могу разглядеть высокую фигуру Собека. Он быстро выходит, сопровождаемый двумя Заступниками. Из второго вертолета выходят еще четыре Заступника, и они становятся по периметру вокруг мирового лидера. Все они — крепкие мужчины и женщины, одетые в черное и с суровыми выражениями на лицах. Несмотря на то, что вокруг Собека Васела большое количество охраны, он все же выделяется из группы. Он на голову выше своих телохранителей и не стесняется улыбаться. Пока он кивает головой, здороваясь с каждым, я быстро понимаю, что его улыбка — это ложь.

Собек Васел стоит в сорока футах от меня. Мой мировой лидер — великий и могущественный человек. По крайней мере, я всегда в это верила, потому что так написано в книгах по истории. Мои учителя говорили это. Медиа всегда это поддерживала. Мой папа подтверждал это. Сейчас же, смотря прямо на него, я понимаю, что что-то немного не так. Конечно, он сдержан, привлекателен и безусловно излучает силу, но в нем нет эмоций. Несмотря на его огромную ослепительную улыбку — его глаза пусты.

Я внимательно наблюдаю, как он идет от вертолета в кинозал, откровенно игнорируя подростков, которые собрались, чтобы увидеть его. Он самая большая знаменитость во вселенной, и дети с раннего утра ждали возможности просто посмотреть на него вблизи. Я вижу, как худая застенчивая брюнетка, которую я немного знаю по своей общине, выходит вперед и пытается приблизиться к нему. Громилы Собека резко отрезают ей путь, и она падает. Собек Васел даже не оборачивается. Предписанный партнер девочки помогает ей встать, но ни один из них не выглядит расстроенным из-за того, что сейчас произошло. Кажется, что они не замечают его поведения. Но я замечаю.

Я замечаю многое в последнее время, особенно, поведение моих инструкторов. Я никогда не сталкивалась с Заступниками до Лагеря Монарха. Те, что живут в Океанской Общине, в основном, проводят время на Опреснительном Заводе и держатся подальше от

нас. Я всегда думала, что это из-за их статуса, но, возможно, здесь другая причина. У меня было достаточно времени понаблюдать за наставниками близко, и все трое, даже Инелия, ведут себя по-другому, не как все. В них есть индивидуальность. Так же я никогда не видела их предписанных партнеров. У всех остальных наставников в лагере есть пары, но не у этой троицы. Они функционируют самостоятельно и без помощи других понимают себя.

Что, если соединение с предписанным партнером вызывает потерю своей собственной индивидуальности?

С тех пор, как все в лагере были распределены по парам, у них появилась коллективная покорность. Я думаю, что это хорошо, что они всегда рады быть друг с другом, но их миролюбие притупило их спонтанность и любопытство. В первый лагерный день, всего три недели назад, всех переполняло предвкушение: куча незнакомцев и отдельных личностей. Но прошел почти месяц — и царит уже совсем другая атмосфера. Все стали безэмоциональными. Обособленными. Эгоистичными.

— Собек не такой, как я себе представлял, — шепчет мне Кай, пока мы входим в переполненный зал и садимся на места в последнем ряду.

— Я знаю. Он... — Я не могу подобрать нужное слово. Говорить плохо о нашем мировом лидере приравнивается к предательству, кроме того, все мои инстинкты заставляют хотеть убежать как можно дальше от лагеря. Откуда это взялось? Я хочу уйти, однако, мне некуда идти. Мы окружены: с одной стороны горами и с трех остальных сторон акрами и акрами солончаков. Теоретически это невозможно, если только я не опытный альпинист или могу прожить месяц без еды и воды. Я делаю несколько глубоких вдохов, пытаюсь взять контроль над своей внезапной панической атакой. Из-за чего я так напугана? Я отгоняю дурные мысли и улыбаюсь Каю, опасаясь, что нас кто-нибудь нас услышит. — Он, уж точно, сюрприз.

Я концентрируюсь на мировом лидере и задаюсь вопросом, что он собирается сказать. Собек стоит за трибуной в ожидании, пока все замолчат. Когда в помещении, наконец, воцаряется тишина, он начинает свою речь:

— Бабочки начинают свою жизнь в качестве гусениц, — Собек Васел улыбается, обнажая зубы. — А гусеницы... уродливы.

Он останавливается в ожидании смеха, и аудитория легко подчиняется. Васел довольно обаятельный. Его обезоруживающая натура позволяет легко завоевать толпу, которая одурманена его небрежными манерами и сладкозвучным голосом.

— Гусеницы символизируют неразвитый потенциал. Такой потенциал, который я вижу в каждом из вас. — Он подмигивает первому ряду, где сидит Анника, и я вижу, как она краснеет.

Я скучаю по Аннике. Я скучаю по своей лучшей подруге. Мы не общались с той самой ночи кино, и не могу сказать, что я не прикладывала усилий. При любом шансе я пыталась улизнуть в ее хижину, но ее больше интересуют отношения с Данте, чем общением со мной. Она изменилась. Очень сильно. И Рейн тоже. Мои лучшие подруги выглядят так же, как раньше и имеют те же черты характера и причуды, но они стали зацикленными на себе и на своем будущем супруге. Данте и Эдвард для них целый мир, а я — помеха, аутсайдер, которого они из вежливости терпят.

— Метаморфозы. Вся жизнь состоит из метаморфоз, — продолжает Собек, искусно разговаривая со всей толпой — как с подростками, так и с наставниками, обязательно устанавливая зрительный контакт с каждым. — И жизнь по-настоящему начинается, как

только вы трансформировались из незрелой формы в полностью осознанного взрослого. Из кокона они перерождаются в красивых бабочек. Граждане, теперь — вы бабочки. Ваши родители посещали Лагерь Монарха и были запечатлены, чтобы создать вас, моих красивых бабочек. И однажды вы так же создадите своих прекрасных бабочек.

Подождите-ка. Он что, только что назвал нас красивыми бабочками? Серьезно? Я смотрю на Кая и вижу, как он закатил глаза. Он также озадачен, как и я. И это наш мировой лидер? Это звучит безумно. Красивые бабочки? Мы не маленькие дети, а он разговаривает с нами, как с идиотами. Однако, всем, кажется, нравятся его слова: и детям, и наставникам. Мне кажется, что все находятся в каком-то изумлении, по-идиотски качая головой в подтверждение слов лидера.

— Сегодня вам сделают татуировки в виде бабочек. Я знаю, насколько волнующим является этот момент для вас. День, которого вы ждали всю свою жизнь. Вместе с этой татуировкой наступает ваше официальное вступление в ГУ — общество свободное от опасности и страха. Безопасное от войны и надежное в нашем стремлении к миру. Один мир. Единственное государство, управляемое Глобальным Управлением. Развитое и регулируемое мной.

Собек сжимает руки над головой, приветствуя себя самого. Я чувствую исходящую от него жажду власти. Что с ним не так и почему никто этого не замечает? Неужели у них настолько промыты мозги, что они не замечают его диктаторские замашки? Они просто овцы, следующие за стадом.

— Что, если мы не хотим вступать в Глобальное Управление? — спрашивает единственный голос. Весь лагерь оборачивается и смотрит на Бертона. Он стоит всего в нескольких креслах от меня и обращается к мировому лидеру. Бертон не бунтует намеренно, а просто искренне интересуется.

— Как твое имя, сын? — спрашивает Собек, продолжая улыбаться.

— Бертон Скора, сэр. — Он добавляет «сэр» в конце, будто забыв.

— Что ж, Бертон Скора, всегда есть выбор. — Собек обменивается взглядами с Клаудией Дюрант, и она едва заметно кивает. — Почему бы нам не поговорить об этом позже? — Собек направляет свое внимание на плененную аудиторию и продолжает свою пропаганду: — По всему миру, в Азии и Австралии, дети также находятся в Лагере Монарха. Им также набивается татуировка, и они становятся официальными гражданами нашего нового мира. Интернациональные братья и сестры присоединяются к нам в нашем глобальном стремлении к миру. Я приветствую вас, новые граждане, так же, как я приветствовал ваших родителей и как буду приветствовать ваших детей.

Он кланяется и все подсакивают на ноги. Кай, Бертон и я последние, кто встает, и то, я делаю это только после того, как Инелия больно щипает меня за шею. Блу и Дженезис поднимаются без подталкивания. Кажется, они верят в систему.

Так почему я не могу?

После обращения к лагерю, Собек встречается с пятью оставшимися Аномалиями по отдельности. Видимо, так принято. Вся наша судьба решается за десятиминутное собеседование. Теперь я понимаю выражение про произвести хорошее первое впечатление. Нас подготавливают к встрече: Макс готовит Кая и Дженезиса, Клаудия Дюрант Бертона и Блу, а Инелия меня.

Инелия и я прогуливаемся вокруг озера. Она кладет руку мне на плечо, и ее прикосновение бьет током.

— Пора покончить со своим эго, Кива, — тихо говорит Инелия, хотя вокруг никого нет.

— Что вы хотите сказать?

— Если ты сотрешь свое «я», то не останется тебя, а только безграничные возможности.

— Подождите, почему вы говорите загадками? — спрашиваю я. — Эта самая важная встреча в моей жизни. Вы должны помогать мне.

— Я помогаю, Кива. Перестань спрашивать и начни слушать. Когда ты встретишься с Собеком, ты должна начать думать не только о себе. Не только о своих желаниях и нуждах. У тебя здесь есть такая возможность, которая дается лишь несколькими. Особенно, единицам дочерей Океана. Наконец настал тот час, когда ты должна слушать свое сердце.

— Но откуда вы знаете? — выпаливаю я, но Инелия лишь улыбается и идет дальше. Я никогда никому не говорила о своих способностях, даже Рейн и Аннике. И точно не отцу. Это что-то вроде экстрасенсорных способностей: я заранее знаю, что должно произойти, и это происходит. Это не случается со мной постоянно, но в последнее время все чаще и чаще, особенно, после моего приезда в лагерь. Большую часть своей жизни я старалась заглушить эти способности и быть как все, что часто забывала про них. Но Инелия знает. Откуда-то, но знает.

Один из телохранителей Собека появляется вдалеке и подзывает к себе. Моя очередь увидеться с мировым лидером. Неожиданно Инелия говорит со мной с таким волнением в голосе, которое я никогда не слышала:

— Мы рассчитываем на тебя, Кива. Все мы. Ты даже не представляешь, насколько ты особенная, но все было ради этого момента. Это твой финальный тест — ты должна слушать свое сердце. Доверяй себе.

Она сопровождает меня до Клаудии Дюрант, которая ждет около столовой. Директор лагеря мне улыбается и открывает дверь. Думаю, что я ей не нравлюсь, но я ничего не могу с этим поделать. Полагаю, что одно из того, что я точно выучила в Лагере Монарха: совершенно не важно, если ты кому-то не нравишься. Бертон и Кай вообще не переживают по этому поводу. Они такие, какие есть. А остальные волнуются только о том, чтобы нравиться своим предписанным партнерам. И больше никому. Я так отчаянно пыталась нравиться всем. Не выделяться. Сейчас же это все кажется таким бессмысленным.

Я следую за Клаудией Дюрант в пещероподобную комнату, где за дальним столом сидят Кай и Собек Васел. Кай выглядит совершенно спокойным. И я клянусь, они оба смеются. Я чувствую, что задержала дыхание. Удивительно, но больше всего я беспокоюсь не о себе, а о Кае. Я не хочу, чтобы с ним что-то случилось. Ходят слухи, ужасные слухи: если Аномалию не получается вернуть в общество, то ее утилизируют, то есть убивают. Я не хочу, чтобы Кай умер. Чувствую комок в горле. Кай — единственный человек, на которого я могу положиться здесь. Кай и Инелия. Я вздрагиваю, вспоминая наш с ней разговор. Ее предупреждение не выходит у меня из головы. Последний человек, который сказал мне слушать свое сердце был... нет, тут не может быть связи. Я закрываю глаза и пытаюсь избавиться от воспоминаний о моей маленькой сестре и том ужасном утре.

Я жду в углу большой комнаты и наблюдаю, как Кай и Собек пожимают руки. Анника была права — Кай симпатичный. Высокий и уверенный в себе. А когда он улыбается, в глазах проскальзывает озорство. Я чувствую себя счастливой от того, что он мой друг. Как будто читая мои мысли, Кай смотрит на меня и подмигивает перед тем, как уйти. Мои щеки вспыхивают. Почему я покраснела? У меня нет чувств к Каю. Он просто друг. Так почему я покраснела? У меня нет времени, чтобы разобраться с новыми чувствами. Подходит Клаудия

Дюрант и ведет меня к столу мирового лидера.

— Присаживайся, Кива. — Собек указывает на стул напротив него.

За соседним столом шесть телохранителей Собека играют в голографические карты. Они яростно стучат по воздуху, пока голограммы карт раскладываются на столе в комбинации, и затем Заступники ударяют по прозрачным картам, заявляя о своей победе. Я немного напугана всей этой ситуацией и просто стою, как дурочка. Он снова жестом указывает мне сесть.

— Кофе? — Он кивает Клаудии Дюрант, которая все еще стоит по стойке смирно. Она приносит мне чашку, от которой идет горячий пар, и уходит. — Три ложки сахара, правильно? — спрашивает он, добавляя в мою чашку сахар.

— Откуда вы знаете?

— Я мировой лидер, я знаю все. — Он смотрит серьезно и затем выдавливает улыбку. — Твои инструктора рассказали мне. Я сам немного завишу от сахара. Расскажи о себе.

Я пью свой кофе, растягивая время, — этой тактике научил меня отец. Я не хочу говорить о себе. Смысл этого разговора в том, чтобы обменяться любезностями или определить мое будущее? Я чувствую себя очень напряженной, даже резкий скачок кофеина и сахара в крови не помогают.

— Особо и нечего рассказывать. Я из Океанцев, о чем вы, собственно, знаете. Обожаю плавать, что довольно очевидно. Живу с отцом. Мы... мы счастливы. — Я пристально смотрю в глаза мировому лидеру, немного зачарованная ими. Кажется, что они раскосые. Глаза Собека полностью гипнотизируют меня, и, утонув в них раз, сложно выбраться назад.

— Ты — Аномалия. Ты действительно счастлива? — спрашивает он, всматриваясь в мое лицо.

— Вы — мировой лидер. Вы действительно счастливы? — выпаливаю, не думая. Я не хотела быть нахальной или язвительной, так просто вышло — отличная реакция на стрессовую ситуацию.

Собек смеется громким баритоном.

— В самом деле. Но я знаю свое место в этом мире. Вопрос в том, знаешь ли ты свое?

Я долго медлю перед тем, как ответить. Я делаю еще один глоток теплого сладкого кофе. Хочу сказать так много. Я хочу признаться, что не доверяю ему. Хочу спросить, зачем людям Третьи и почему они жужжат. Почему мои друзья изменились после запечатления. Я хочу прокричать, что помню мальчика, который должен был стать моим предписанным партнером. Мальчика с ясными голубыми глазами. И, если бы я смогла найти его, то мы запечатлились бы — и я стала бы нормальной. Хочу заорать на весь лагерь, что нет моей вины в том, что я Аномалия; и что я смогла бы быть хорошим, продуктивным гражданином. Но мое сердце подсказывает мне сказать что-то другое. И второй раз в жизни я слушаю свои инстинкты.

— Сэр, я верю, что стала Аномалией случайно, — говорю уверенно, молясь про себя, что Кай сказал что-то похожее. — Я не знаю, что случилось с моим предписанным партнером и, честно говоря, мне все равно. Я верю, что способна на гораздо большее, чем просто работать в Океанской Общине. Уверена, что смогу стать выдающимся членом Глобального Управления, если вы дадите мне такую возможность.

— Какую именно возможность? — спрашивает немного удивленный Собек.

— Я сильнее многих моих знакомых и... — я колеблюсь совсем чуть-чуть, — думаю, буду ценным сотрудником Глобального Управления в качестве Заступника.

— Так ты думаешь, что ты — неограниченный Заступник? — спрашивает Собек.

— Да. Люди доверяют мне. Люди любят меня. Я могу быть вашими глазами и ушами в своей Общине и гарантировать избавление от любого сопротивления.

— Там есть сопротивление? — Собек наклоняется. Очевидно, что это тест.

— Есть. Никто об этом не говорит, но все знают, что есть. Люди, недовольные единственным укладом в мире. Хотя почему люди не счастливы в мире без войны, мне никогда не понять.

Глаза Собека заблестели. Это именно то, что он хочет слышать. Он лучезарно улыбается.

— Я искал такого человека, как ты, Кива, очень долго.

— Спасибо, сэр. — Я фальшиво улыбаюсь, пытаюсь скрыть, что внутри вся трепещу. — Я верю в мир.

Затем я складываю руку в кулак, поднимаю его вверх над головой, формируя знак «пис» из двух пальцев, и повторяю лозунг Собека: «С удовлетворением приходит счастье, а со счастьем приходит мир во всем мире».

Я жму руку Собека и улыбаюсь Бертону, который ждет своей очереди. Едва успеваю выйти на улицу до того, как меня рвет.

***

— КАК ПРОШЕЛ ТВОЙ ВЫХОДНОЙ? — спросил Собек сына.

— Хорошо, — ответил Каликс. Его отец очередной раз уезжал в Лагерь Монарха и, наконец, оставил его одного. Несмотря на это, Каликс не стал играть с друзьями, а провел день в мастерской. Та женщина никак не выходила у него из головы. Женщина, которую он убил. Женщина, которую отец обманом заставил его убить. И это все произошло лишь нажатием нескольких цифр. Любой, кто знал коды, мог бы перехватить управление. Возможно, мог бы спасти жизни. Каликс был ужасно зол на отца, но знал, что его отец — очень опасный человек. И без помощи мамы, Каликс чувствовал себя одиноким и неспособным справиться с непредсказуемой жестокостью отца. Поэтому он практиковал трюк, которому его однажды научила мама. Он спрятал свою злость за маской безразличия. — Ничего особенного. Занимался делами. Отдыхал.

— Ты разговаривал с Сараю?

— Конечно. Мы, в основном, общаемся по вечерам. — Каликс помедлил. — Отец, ты спрашивал, почему я не в полном восторге от своего предписанного партнера.

— Спрашивал, — осторожно ответил Собек.

— Что ж, — Каликс помедлил. — Почему же? Я разговаривал с ней: она болтала и болтала о том, какую часть дворца мы займем, что она хочет двух девочек и мальчика и других банальных вещей. Ну, мне было все равно. Не пойми меня неправильно, она мне нравится, но я не влюблен в нее. Даже близко. Что со мной не так?

Собек рассмеялся. Ему понравилась ответ сына. Он редко смеялся, а за последние двадцать четыре часа он уже второй раз хохочет от души: первый раз — с рыжеволосой Аномалией в Лагере Монарха, и теперь — со своим сыном.

— С тобой все в порядке, Каликс. На самом деле, если бы ты был влюблен в Сараю, я бы расстроился. Это означало бы, что твоя мама слишком постаралась, воспитывая тебя.

— Это не имеет никакого смысла.

— Сейчас нет, но будет, — ответил Собек. — Завтра начинается твое преобразование. Ты посетишь недельную смену для пятилеток в Лагере Монарха, которая начинается после

завершения основной смены. Программа ЛМ-5.

— Но мне семнадцать, — отметил Каликс.

— Да. Но ты никогда не был по-настоящему подвержен идеологической обработке. Будущие Заступники редко ей подвержены. Но, чтобы понять, каким миром ты будешь управлять, ты должен пройти через процесс партнерства.

— Процесс партнерства? Но это означает, что у меня должен быть партнер, с которым я должен быть соединен.

Собек улыбнулся. Возможно, его сын не был глуп, как он думал. Он нажал кнопку и услышал мелодичный голос Рики:

— Да, сэр?

— Пора, — ответил Собек и снова обратил свое внимание на сына. Каликс был симпатичным молодым человеком. Высоким и сильным, с четко очерченной челюстью и глубоко посаженными глазами. У него будет огромное медиа-влияние в мире. Граждане будут реагировать на него. Собек не отводил глаз с сына, ожидая открытия офисной двери, пока хрупкая девушка, с густыми черными волосами, не пронеслась в комнату и обвила руками Каликса.

— Сараю? Что ты здесь делаешь? — слова Каликса были приглушены крепкими объятиями его предполагаемого партнера.

— Твой папа хотел тебя удивить, — ответила она смущенно. — Ты удивлен?

— Да, — сказал Каликс. Он смотрел на отца, молча спрашивая, что происходит.

— Разве это не забавно, — сказал Собек с чрезмерным энтузиазмом. — Завтра мы отправимся в Лагерь Монарха. Посмотрим, как играют малыши. Может быть, останемся на несколько дней. Разве не чудесная поездка нас ожидает?

Каликс вздрогнул, не обращая внимания на восторженные крики Сараю. У него было предчувствие, что поездка точно не будет чудесной.

ГЛАВА 8

Я оптимистична

Я думаю, что у меня еще есть шанс быть счастливой, как мои друзья. Если я буду запечатлена с Каем и приглашена присоединиться к Заступникам, то, возможно, смогу продолжить жить своей обыденной жизнью в своей общине и придерживаться плана, по которому ее расписала.

Я надеюсь на свой статус-кво. После разговора с Собеком, сижу в маленькой комнате с Блу и Инелией, ожидая Клаудии Дюрант, которая озвучит мою судьбу. Инелия почему-то нервничает, я хочу ее спросить, но что-то заставляет меня молчать. Неожиданно я слышу ее голос у себя в голове.

— Ты можешь меня слышать? — спрашивает Инелия. Только она не говорит. Она смотрит на меня, но ее рот не двигается.

— Да, — говорю я громко.

Блу смотрит на меня:

— Что?

— Эм... ничего, прости. — Я поворачиваюсь к Инелии, которая просто смотрит на меня. В ожидании. Я пробую еще раз. Думать, а не говорить. — Да, я вас слышу. Что это такое?

— У тебя есть способность, Кива. Это что-то вроде электросвязи. Ты можешь слышать мысли, когда открыта для этого. Когда ты ментально настроена, у тебя появляются

предчувствия, инстинкты и отлично работает интуиция, которые направляют тебя. А теперь очень внимательно меня выслушай. Ты сейчас будешь запечатлена. Скорее всего твой Третий не будет жужжать. Твоя психическая энергия слишком высока. Твой мозг инстинктивно знает, как замкнуть Третий, чтобы ты смогла и дальше самостоятельно размышлять, а не подчиняться чипу. Некоторые Аномалии такие же. Ты должна защищать себя.

— Как? — Я все еще потрясена, что разговариваю, не открывая рот. Что мы общаемся прямо перед Блу, которая нас не слышит.

— Ты знаешь, что это такое, когда жужжит Третий. Ты ощутила это со своими друзьями, а потом с Микаэлой. Сделай так же. Притворись, что это случилось с тобой.

Наш молчаливый разговор прерывается, когда входит Клаудия Дюрант. Она не одна. Кай и Дженезис с ней. И она улыбается.

— Хижина двадцать, девочки — Кива Ти, твой предписанный партнер... — Я улыбаюсь, глядя на Кая, потому что знаю, что мне не придется притворяться с ним. Здесь он мой лучший друг, и хотя у меня нет романтического влечения к нему, нам вдвоем будет хорошо. Даже, если не зажужжит мой Третий, я буду счастлива возможности быть с ним запечатленной. Начинаю вставать, но сажусь обратно, когда слышу ее слова: — Дженезис Крафт, хижина двадцать, мальчики.

Что только что произошло? Это не так должно было случиться. Очевидно, что Кай Лорен и я должны быть вместе, однако, только что я была официально запечатлена с Дженезисом. Обречена на совместную жизнь.

Обречена быть удовлетворенной. Обречена быть счастливой. Обречена найти умиротворение.

Мой третий не жужжит, и я, кажется, знаю почему. Дженезис отличный парень, но мы не подходим друг другу. Как Кай и я. Я думаю об Аннике и Рейн и их предписанных партнерах. Они очень счастливы провести остаток жизни с Данте и Эдвардом. Мысль же о том, чтобы провести остаток моей жизни с Дженезисом, а не Каем, расстраивает меня.

— Думаю, что это мы с тобой, Кива. — Дженезис улыбается и берет меня за руку.

— Думаю да, — отвечаю я. Я обеспокоена. Очень обеспокоена. Последние несколько часов прошли как в тумане, и я не могу понять, что происходит. Клаудия наблюдает за нами, ожидая, каких-либо действий. Я быстро вспоминаю предупреждение Инелии и улыбаюсь, желая, чтобы безмятежность окутала меня. Затем Дженезис застенчиво целует меня в щеку. Этот жест видимо удовлетворяет ее.

— Хижина двадцать, девочки — Блу Паттерсон. Твой предписанный партнер — Кай Лорен, хижина двадцать, мальчики.

Она взвизгивает и бросается на Кая. Я стою и, как дурочка, улыбаюсь им, хотя внутри мое сердце разрывается на части. И почему Кай искренне счастлив? Он выглядит радостным от того, что Блу его партнер. Хорошо. Если я для него ничего не значу — я могу заставить себя думать, что он также ничего не значит для меня.

— А сейчас самое интересное. — Клаудия Дюрант смотрит на нас, а затем продолжает: — Вы четверо были приглашены присоединиться к Заступникам.

Все улыбаются, кроме меня. Я все еще в ярости от реакции Кая быть запечатленным с Блу. Но у меня есть немного времени успокоиться, пока Клаудия Дюрант ведет нас к флагштоку, где последним подросткам набивают татуировки. Дженезис и Блу первые, кому делают татуировки. Пока мы ждем, я нарочно врезаюсь в Кая.

— Эй, ты только что врезалась в меня.

— Прошу прощения, Жердь, но откуда ты знаешь, что это не ты врезался в меня? — говорю я, копируя наш первый разговор в лагере.

— В чем дело, Кива? — спрашивает он. В его голосе есть что-то странное. Это печаль? Может, он тоже немного расстроен из-за такого разделения по парам?

— Я расскажу тебе позже, — отвечаю я. Но я знаю, что не расскажу, и с такими мыслями сажусь в только что освобожденное Блу кресло.

— А, Заступники, — со знанием дела произносит татуировщица, когда я сажусь к ней. Она наставник из Учебной Общины. Художница. Бертон рассказывал, что его мама была художницей. А где Бертон?

Я морщусь, пока мне набивают татуировку в виде черной бабочки. Игла прокалывает и обжигает мою кожу, пока черная краска вбивается в мое левое плечо. Я закусываю губу, чтобы не закричать. Заступники тверды духом, поэтому я должна быть сильнее, чем когда-либо. Это не та бабочка, которую я хочу. Это не та жизнь, которую я выбираю, не тот партнер, на которого я рассчитывала, но я выдавливаю улыбку, пока слезы подступают к глазам. Мастер заканчивает и переходит к Каю, который сидит рядом со мной. Он выбирает черную бабочку с красными точками на крыльях, чтобы отдать честь своей родной общине. Почему я не додумалась до этого? Я могла бы добавить синие точки, напоминающие об Океанцах. Расстроенная, смотрю на пустынную равнину. Все готовятся к возвращению домой. Неужели только лишь три с половиной недели назад меня объявили Аномалией? Кажется, что прошла целая жизнь.

— У вас не осталось синей краски? — спрашивает Кай у мастера.

Я наостряю уши и наблюдаю, как она открывает свой чемоданчик с красками, в котором там всевозможные оттенки синего: от насыщенного до бледно-голубого. Не сдерживаюсь и начинаю плакать. Моя жизнь должна быть не такой.

— Эй, — обращается ко мне Кай. — Я думал, что это тебя подбодрит, а не расстроит. Давай, выбери цвет океана и добавь его к своей татуировке.

С удовольствием указываю на тюбик, лежащий точно посередине, с насыщенным синим цветом морской волны.

— Куда тебе его добавить? — спрашивает татуировщица со скучающим выражением лица.

— Вы можете сделать несколько капель воды вокруг бабочки, как будто она стряхивает их? — спрашивает Кай.

— Это не по протоколу.

— Вы перечите Заступнику? — властно спрашивает Кай.

— Нет, сэр.

— Хорошо. — Кай улыбается и смотрит на меня. — Кива, ты получишь свой океан.

Мне набивают пять ярких синих капель, а потом мы вчетвером, держась за руки по парам, направляемся к хижинам.

Кай и Блу.

Дженезис и я.

Все три наших инструктора приходят, чтобы попрощаться. Инелия крепко меня обнимает, в отличие от Макса и Клаудии Дюрант, которые с гордостью жмут мне руку и приветствуют в элитной общине. Клаудия Дюрант предупреждает, что теперь мои отношения с людьми изменятся. Они реагируют на Заступников совсем по-другому. Она

делится, что когда-то жила в Трудовой Общине, а после повышения друзья перестали ей доверять.

— Я никогда не слышала, чтобы Трудовые были Заступниками. Это слишком...

— Примитивно? — смеется Клаудия Дюрант, и ее лицо впервые за все смену смягчается. — Это правда — Трудовые в редких случаях становятся Заступниками.

— Подождите. Вы тоже были Аномалией? — Я шокирована. Мой идеальный инструктор выглядела так, как будто была рождена Заступником.

— Все наставники Аномалий тоже. Мы одного поля ягоды, да? — Она улыбается. — У Аномалий есть два пути. Они могут быть запечатлены сразу же, как Микаэла и Радар. Или если они настолько уникальны, что не вписываются ни в одну из общин, Собек Васел лично приглашает их присоединиться к Заступникам.

— Так вы тоже были в такой же ситуации, как и я?

— Двадцать лет назад. На этом же месте. — Она опускает воротник и показывает мне красивую бабочку цвета вороньего крыла с золотой полосой поперек правого крыла. — Мне было даровано присоединиться к Заступникам и посвятить всю себя другим Аномалиям.

— Но вы сказали, что у Аномалий есть два пути. А что с Бертоном?

— Мы заговорились, Кива. — Она прищуривается, и все следы дружелюбия исчезают. — Всего хорошего.

Она официально пожимает мне руку и уходит, оставляя меня испуганной и заинтригованной нашим разговором.

В вертолете по пути домой Анника и Рейн относятся ко мне, как к королеве. В их глазах я резко поднялась от изгоя до принцессы. Через некоторое время меня это начинает раздражать, и я закрываю глаза, притворяясь, что сплю. Абсолютно все в вертолете относится ко мне чересчур мило. Каким-то образом мне удалось превратиться из отверженной в знаменитость за каких-то несколько часов. Теперь я одна из элиты Собека — будущий руководитель Глобального Управления с более высоким статусом, чем у моих друзей. С более высоким статусом, чем у моего отца.

Я мчусь домой к папе, который обнимает меня и поздравляет с успешным завершением смены в Лагере Монарха. Он вручает мне мой купальник, зная, насколько сильно я хочу снова оказаться в воде. Насколько сильно хочу снова почувствовать себя обычной. И все же, не чувствую себя больше обычной. Пока плыву к рифу, я пытаюсь игнорировать незажившую кожу плеча из-за татуировки. Удаляясь от берега, начинаю обдумывать то, что со мной уже произошло и что еще случится. Через три года я окончу школу в Океанской Общине и буду запечатлена с Дженезисом, а затем нас припишут к одному из отрядов Заступников Собека. Все кажется таким простым. Таким обычным.

Все, что со мной случилось, можно назвать по-разному, но никак не обычным.

Вечером я ложусь спать в свою собственную кровать и слушаю, как волны ударяются о берег. Этот звук был чем-то вроде колыбельной для меня всю мою жизнь. Но, как только я засыпаю, подавленные воспоминания нахлыывают на меня. Мне снятся кошмары, настолько реальные и яркие, что я просыпаюсь с криком. Каждое утро просыпаюсь в мокрой от пота кровати и боюсь снова заснуть. Папа обнимает меня и гладит по мокрым от пота волосам, но это не защищает меня от моего подсознания. Мне снится один тот же кошмар: я кружусь круг за кругом, подвешенная к сводчатому потолку головой вниз, и наблюдаю, как мир крутится вокруг меня. Я закрываю глаза от сильного головокружения и зову на помощь, но никто меня не слышит. Неподалеку стоят взрослые, высокие люди в черной форме, они

смеются и не обращают внимания на мой плач. Я пытаюсь пошевелить руками, чтобы остановиться, но они прижаты к телу и обмотаны шелковыми нитями, будто я в коконе. В ужасе открываю глаза, и мой взгляд останавливается на нем — я вижу свое отражение в его ясных голубых глазах. Одно его присутствие заставляет меня взять себя в руки. Он будет рядом со мной. Он меня защитит. И хотя я не могу остановиться, знаю, что нахожусь в безопасности. Но мальчик начинает плакать. Внезапно боль становится невыносимой для него. Я вижу руки, которые душат его, и чувствую, как меня тоже душат. Почему? Я просто не могу понять, почему так происходит. Как раз в тот момент, когда я уверена, что умру, все заканчивается. Я чувствую, как часть меня покидает тело, уходит, чтобы никогда не вернуться. Кто-то украл часть меня, часть моей энергии, которую используют, чтобы стать сильнее.

Я просыпаюсь с криком, умоляя отпустить меня.

Это происходит ночь за ночью. Я не могу плавать, я не могу сфокусироваться на учебе или друзьях, только на ужасных кошмарах, которые захватили мою душу. Мой разум открывается с той стороны, которую я не понимаю. Я вижу то, чего нет. Я помню вещи, которые не должна помнить. Я думаю, что схожу с ума, но боюсь рассказать об этом. Станным образом, единственным человеком, с кем я хочу говорить, является Кай. К несчастью он за сотни миль в Центральной Америке. Нам удастся общаться каждый вечер. Мы либо используем двухмерный face talk на наших планшетах, или я вбиваю его код в свои идентификационные часы, и появляется его голограмма, так что я могу видеть его трехмерное изображение. Мы разговариваем, но речь никогда не заходит ни о чем серьезном. Хотя мы и не являемся запечатленными партнерами, мы являемся друзьями. Но я осторожна с тем, что говорю ему. Я знаю, что Глобальное Управление прослушивает наши часы и планшеты, а то, что я хочу с ним обсудить, слишком опасно, чтобы это кто-то услышал.

Я хочу его спросить, видит ли он тоже сны, в которых Собек Васел высасывает его душу.

***

— ЗДЕСЬ ТОЧНО ТАК ЖЕ, КАК В МОИХ ВОСПОМИНАНИЯХ, — отметил Кали осматривая территорию Лагеря Монарха. — Только без детей, конечно же.

— Они просто еще маленькие дети, — пробормотала Сараю. — Уже поздно. Они, наверно, уже спят.

Они прибыли в лагерь уже после девяти, и Каликс рефлекторно взял Сараю за руку, когда выходили из геликоптера. Они летели в одиночестве, так как Собек прилетел раньше.

В течение этого короткого перелета из Саббатикал-Сити, Сараю не замолкала ни на секунду, но это его не раздражало. Теперь Каликса привлекала его предписанный партнер. Конечно же, он не был по уши влюблен в нее. Но, очевидно, она безумно красивая. Она также была исключительно умна и чрезвычайно любопытна. Может быть, ему удастся заручиться ее помощью, чтобы выяснить, как можно подорвать деятельность его отца. Каликс улыбнулся. Все по порядку.

— Прогуляемся по территории? — спросил он Сараю, сжав ее руку.

— Я бы с удовольствием, но твой отец сказал идти сразу же в ЛМ-5, — нервно ответила она.

— Я не большой фанат делать, как говорит мой отец, — ухмыльнулся Каликс, ближе подходя к Сараю. Они были прямо перед флагштоком. Он смутно помнил, что видел что-то про флагшток в одной из голограмм, которые отец показал ему пару недель назад.

Отмахиваясь от воспоминания, он перевел внимание на своего предписанного партнера. Он хотел успокоить ее беспокойство, которое читалось в ее глазах.

— К тому же нет ничего романтичнее, чем поплавать при лунном свете. Доверься мне. — Он наклонился и поцеловал ее, чувствуя тепло ее губ, когда она ответила на поцелуй.

— Тогда ладно. — Она улыбнулась. — Собек может быть и мой мировой лидер, но ты — мой будущий супруг. Давай посмотрим тут все.

Каликс взял ее за руку и повел к озеру.

ГЛАВА 9

Я напугана

Я почувствовала запах дыма до того, как заметила огонь.

Наслаждаюсь утренним заплывом после первой ночи без кошмаров с тех пор, как вернулась домой. Я вышла на свежий утренний воздух, и непривычно сильный ветер дул мне в спину, пока я заходила в воду. Прохладная вода ощущается как лечебный бальзам, и как с ездой на велосипеде — мои мышцы знают, что делать. Когда я проснулась, то меня охватило странное предчувствие, но я проигнорировала его. Я просто хотела насладиться утром.

Мои мысли абсолютно чисты, когда я сосредотачиваюсь на движениях. Я плавала уже около часа, когда чувство тревоги взяло надо мной верх. Когда я всплываю, чтобы сделать глоток воздуха, неприятный запах резко настигает меня: отвратительная смесь бензина и дыма. Я поворачиваю голову на свой любимый дом и замечаю, что он охвачен пламенем.

Мой папа, я должна добраться до папы.

Я молюсь, чтобы он успел выбраться наружу, но не вижу его в густом дыме. Что, если он все еще спит? С тех пор, как я приехала домой, он ведет себя странно, и я списала это на беспокойство обо мне. А ещё он начал выходить на ночные смены, чего раньше не делал. Моего отца можно описать одним словом: предсказуемый. Он совершенно обычный, пунктуальный мужчина, который рано ложится спать и рано встает. Однако последнюю неделю он не ложится до самого утра. Что-то бормочет о том, что находится на грани открытия, но когда я его расспрашиваю, не отвечает.

Мои руки будто наливаются свинцом, когда я пытаюсь плыть против беспокойных волн. Плыву так быстро, как только могу, беспомощно смотря, как мой дом сгорает в огне. Я давлюсь соленой водой, пытаюсь плыть быстрее. «Дыши, Кива, просто дыши», — говорю я себе, пытаюсь успокоиться. Как только выбираюсь на берег, мчусь к дому и, наконец, вижу своего отца. Я нахожу его около того, что осталось от нашего дома, откуда он пытается потушить огонь. Как только он меня замечает, то бежит навстречу, держа в руках черный рюкзак.

— Кива, ты жива. — Мой папа заключает меня в объятия.

— Что случилось? — Я только сейчас понимаю, что все мои вещи, планшет, голограммы мамы догорают в доме.

— У нас немного времени, — говорит папа и достает из рюкзака маленький предмет. — Прости, будет больно всего пару секунд.

Мой папа поворачивает выключатель на маленьком ручном токоразряднике, который размером со старомодную отвертку. До того, как я понимаю, что происходит, он кладет его на мой Третий, и я чувствую обжигающий разряд, от которого падаю на песок.

— Для чего ты это сделал? — сердито спрашиваю я.

— Я заблокировал твой Третий.

— Это незаконно, — говорю я с недоверием. Я теперь Заступник и должна следовать

правилам, а также контролировать остальных. Я могла бы выдать отца за такой вопиющий акт измены. Это тест? Я никогда не причиню вред папе. Но почему он не подчиняется закону?

— Кива, я должен был сделать это. Теперь они не смогут отслеживать тебя. Тебе нужно стать невидимой, — торопливо говорит отец, осматривая пустой берег. Он вставляет самодельный Третий на место старого. Кристаллическая точка, которая полностью похожа на мой прежний Третий. — Это только для видимости — он не работает, но выглядит правдоподобно. Теперь иди, они скоро придут.

— Кто? Папа, ты пугаешь меня. — Я плачу и начинаю дрожать. Я все еще мокрая после плавания. Воздух заполнен дымом, а серый пепел слетает от дома, прилипая к моему мокрому телу.

— Слушай меня очень внимательно, — говорит он, снимая свою синюю толстовку, чтобы я её надела. — Я работаю над проектом, который не совсем соответствует моей специальности морского биолога. — Он пихает мне в руки рюкзак. — Я закончил его этой ночью. И потратил всю жизнь, чтобы найти точный ответ. Он здесь. Содержание бесценно. — Ветер, гудящий в огне, заглушает голос отца. — Ты должна найти Лабиринт.

— Лабиринт? — Я едва слышу его голос.

— Отправляйся в Саббатикал-Сити, Кива. Слушай свои чувства.

— Я не понимаю. — О чем говорит отец? Мой папа всегда следовал правилам. Протоколу. Проводил каждый день своей жизни в океане, работая на Опреснительном Заводе в области токсикологии. Теперь он внезапно отключает мой Третий и говорит слушать инстинкты, которые он отказывался принимать всю мою жизнь. В этом нет никакого смысла.

— Это ложь, Кива. Это все ложь. Собек и Глобальное Управление не защищают нас от вымирания. Они делают нас послушными и пресмыкающимися. Лагеря, вода...

Опасные слова отца теперь полностью заглушаются гулом вертолета, приземляющегося неподалеку на пляже.

— Иди. Сейчас. Стань невидимой. Тебе угрожает опасность, Кива. Всегда угрожала.

Он быстро обнимает меня и толкает в безопасное место — в кусты. Я прячусь за колючим кустарником, который царапает мои голые ноги своими острыми ветками. Через небольшой просвет в ветках вижу, как папа решительно идет к вертолету. Мне не нравится, что он выглядит так незащищенно. Его тонкая футболка развивается на ветру. Запах дыма невыносим, но мне нельзя уйти. Я должна знать, что произойдет.

Он поднимает руки, когда открывается дверь, и два крепких Заступника выпрыгивают наружу и прижимают его к земле. Один из них, высокий лысый мужчина, смотрит в мою сторону и начинает в мою сторону. Мой папа кричит, пытаюсь вырваться. Первый заступник поворачивает назад и бьет электрошокером отца, который падает на землю.

Я закрываю себе рот, чтобы не закричать, когда мужчины берут обездвиженное тело моего отца, заносят на борт и улетают. Но я знаю, что они вернуться. Но вернуться за мной или за содержимым рюкзака?

Я уверена в одном: что должна спрятаться прежде, чем вертолет прилетит назад.

***

— КАК ДУМАЕШЬ, ТЫ МОЖЕШЬ ХОТЯ БЫ ДЕНЬ ОБОЙТИСЬ БЕЗ ТОГО, ЧТО НЕ ОСЛУШАТЬСЯ МЕНЯ? — спросил Собек.

— Не уверен, — ответил Каликс.

Люди Собека обнаружили его и Сараю, плавающими в озере, и сказали пойти в Викторианское здание прямо за озером. Но Каликсу было так весело соревноваться со своим предписанным партнером, что он просто отмахнулся от них.

— Еще раз, — сказал Каликс, когда люди удалились. Он оттолкнулся от пристани и уже на старте был на голову впереди своего партнера, пока они наперегонки плавали через озеро.

— Не забывай, я живу в Восточной Америке, — сказала Сараю с противоположной стороны озера, победив его в третий раз подряд. — У меня есть преимущество над мальчиком из Саббатикал-Сити без выхода к морю.

— Но я единственный сын Мирового Лидера, — похвастался Каликс.

— Это не делает тебя лучшим пловцом, — поддразнила его Сараю, плеснув в него водой.

Каликс чувствовал себя спокойно, играя в воде со своим другом. Он мог представить свою жизнь с этой забавной девчонкой, которая не боится бросать ему вызов. Однако их веселье было коротким. Внезапно на краю озера появилась Клаудия Дюрант. Нехотя они двинулись к ней, и в этот раз Каликс нарочно плыл так медленно, как только мог.

— А, мистер Васел. Рада видеть вас снова, — сказала Клаудия Дюрант, когда они доплыли до края. Она подождала, пока пара вылезла из озера и бросила каждому по полотенцу.

— Я бы хотел сказать то же самое, инструктор Дюрант, — сказал Каликс. — Но у меня такое предчувствие, что в этот раз в лагере будет не так весело, как раньше.

— Почему вы так говорите? — настаивала Клаудия Дюрант. — Мне кажется, что вам довольно хорошо.

— Это потому, что я еще не видел отца. Предполагаю, что он уже здесь.

— Здесь. Он ждет вас в ЛМ-5.

— Пойдем. — Каликс взял Сараю за руку, но его остановила Клаудия Дюрант.

— Сейчас ваш отец хочет видеть только вас. Уже поздно. Мисс Сингх может присоединиться к хижине восемь для девочек.

— Она будет жить с пятилетками? — рассмеялся Каликс. — Это глупо!

— Не так уж и глупо. Вы будете жить в хижине восемь для мальчиков. Думаю, вам пора идти. — Головой она указала на высокое каменное здание впереди. — Скажу вам из личного опыта, что вашему отцу не нравится, когда его заставляют ждать.

Каликс покачал головой. Он обнял Сараю на прощание и направился к внушительному Викторианскому зданию. Он поднял голову, чтобы осмотреть верхнюю часть башни и увидел небольшое движение в окне. Он мог разглядеть, что его отец наблюдал за ним.

Собек наблюдал за ним все это время.

ГЛАВА 10

Я бегу

Люди уже начинают собираться, чтобы узнать, что произошло, поэтому мне необходимо спрятаться до того, как мне начнут задавать вопросы. Нужно найти какое-нибудь тихое место, чтобы обдумать мои дальнейшие действия. Есть всего одно место, куда я могу пойти, и нужно добраться туда до рассвета. Сжимая в руках отцовский рюкзак, я бегу по берегу к острым скалам подальше от домов. Через десять минут я уже за поворотом, и отсюда дома уже не видны.

Скалы — это такое место, до которого можно добраться только во время отлива —

ранним утром или вечером. Здесь камни настолько большие, что загораживают береговую линию. Я осторожно взбираюсь по утесу, ставя ногу в щели, по которым лазила годами. На полпути решаю отдохнуть на большом выступающем камне, и мне приходится выгибаться за изрезанным образованием слева. Здесь находится почти невидимый вход в пещеру, через который может пролезть только достаточно худой человек. Тащу рюкзак за собой, стараясь не упасть. Вход в пещеру довольно скользкий. Я ходила здесь с самого детства, и вода, омывающая камни, с годами сделала свое дело: моя каменная тропа стала гладкой и скользкой, особенно для босых ног.

Я с легкостью нахожу место в дальнем конце пещеры. Когда забрали мою сестру, я сидела здесь часами и безудержно плакала, прячась от мира. Пещера казалась для меня самым безопасным местом, чтобы выплеснуть свою боль и разочарование. Мой отец отказывался признавать существование сестры, а больше никто не знал об этом. Все считали, что она умерла, как и моя мама, при родах. Они поверили тому, что мы им сказали.

Но я знала, что она жива. В своем убежище я рисовала ее портреты, которые когда-нибудь собиралась отдать ей. Для того чтобы сделать ее реальной, каждый год праздновала ее День рождения. Я не была здесь с последнего Дня рождения Сан — одиннадцатого, — и в ней много насекомых, веток и мха. Как только благополучно забираюсь внутрь, я подхожу к сухому отверстию в дальней части пещеры, прикрытому подвижным валуном. Отодвигаю камень и достаю свечу и кремень.

Зажигаю свечку и, поставив ее в центре пещеры, начинаю изучать содержимое рюкзака. В основном в нем лежат записные книжки с научными уравнениями, которые я не понимаю. Я пролистываю страницы, пока не наткнулась на план здания Опреснительного Завода. Мне тяжело смотреть на бесценный рисунок отца, не зная, где он и что делает. Почему вообще у него появился этот блокнот? Регламент предписывает хранить все исследовательские материалы в лабораториях под строгими указаниями Глобального Управления. Почему он нарушил закон? Я внимательно рассматриваю картинку, на которой изображен лабиринт трубопровода. Все трубы серые с несколькими цветными заглушками: почти все серебряные, пара белых и одна красная.

Так как Океанцы производят около девяносто семи процентов поставок пресной воды — на опреснительных заводах используют обратный отсос морской воды, чтобы получить питьевую воду. После Великой Технологической Войны Собек построил три таких завода на солнечной энергии, чтобы сразу же решить проблемы со здоровьем, возникавшие из-за загрязненной воды. По одному на каждую из трех новых территорий. Огромная часть населения погибла в воде, а выжившие болели из-за ее токсичности. Радиоактивные частицы, выброшенные в результате взрывов на атомных электростанциях, могли уничтожить все мировые запасы морепродуктов. Передовые научные технологии Собека быстро решили проблему путем нейтрализации токсина, и жители получили чистую питьевую воду. Мой отец был одним из выдающихся ученых на заводе. Так почему он в беде? Я продолжаю разглядывать его чертежи, пытаюсь найти проблему. В них нет ничего необычного. Это просто сложный лабиринт труб, идущий под заводом. Он закодировал каждую трубу цветовым обозначением и подписал рядом уравнения. Это все ужасно научное, и я совершенно ничего не понимаю. Не вижу ничего неуместного или скрытого. Что отец пытался мне сказать?

Я достаю остальное содержимое рюкзака: обычные идентификационные часы, однако, когда я вставляю идентификационный чип, отображается не моя информация. Точнее,

голографическое изображение мое, но имя нет. Всего лежит шесть идентификационных чипов: три для меня и три для папы, на всех записаны подлинные зашифрованные коды сканера... но с липовыми личностями. Мои псевдонимы: Келли, Кензи и Киара. Я больше не уверена в том, кто я. Почему у папы секретные личности, созданные для меня? Он имел это в виду, когда сказал стать невидимой? Стать кем-то другим? Также среди содержимого полный кошелек денежных чипов, упаковка витаминов и ожерелье, принадлежавшее моей маме. Я кладу записные книжки и витамины обратно в рюкзак и засовываю его в свое тайное место. Надеваю мамино ожерелье с медальоном, в котором хранятся изображения меня и папы. Устанавливаю чип «Кензи» в идентификационные часы, а денежные чипы кладу в карман толстовки. Мне все еще холодно. Толстовка свисает до колен, но мне все равно нужны нормальные штаны и обувь. Все мои вещи сгорели. Я ложусь на сухой пол пещеры в позе эмбриона, пытаюсь согреться. Когда все так запуталось? Обычно в это время я съедала огромный завтрак и отправлялась в школу. Мои глаза тяжелеют.

Может, если я закрою их на минуту, то начну лучше думать.

— Кива, иди за мной, — авторитетно говорит голос. Я понимаю, что сплю... но не могу проснуться, поэтому поддаюсь своему подсознанию.

Я иду по длинному каменному коридору, здесь темно и холодно. Я нервничаю, но голубоглазый мальчик сжимает мою руку, подбадривая. Я поворачиваюсь, чтобы взглянуть на него. Он моего роста, около четырех футов (прим. ред.: 1,22 м), что довольно много для пятилетнего, и одет в тунику до колен, похожую на мою. Только его коричневая, а моя синяя. Мы идем, держась за руки, за высокой женщиной с короткими каштановыми волосами. Когда входим в большую комнату, она дает нам по стакану воды и указывает выпить ее. Я не хочу пить воду, потому что у нее необычный привкус, но выражение ее лица пугает меня, и я выпиваю все.

Я начинаю чувствовать себя странно, но, прежде чем успеваю хоть что — то сказать, женщина обвязывает нас веревкой. Зачем она это делает? Мне это не нравится. Веревка стягивает нас сильнее, и мне становится трудно дышать.

— Пожалуйста, остановитесь, — умоляю я. Но никто не слушает меня. Мальчик тоже плачет. Всхлипываю, пытаюсь вдохнуть, и думаю, что умираю.

Мне кажется, что хуже уже быть не может, но меня начинают поднимать в воздух. На стене находится что-то вроде шкива, и высокий мужчина крутит колесо, поднимая нас высоко к потолку. Здесь очень темно. Я хочу домой к родителям. Мама беременна, и я хочу поговорить с ее животом. Я хочу поговорить с моей маленькой сестрой. Почему я здесь? Внезапно нас переворачивают вверх ногами, и я в ужасе кричу, чувствуя, как кровь приливает к голове. Перед тем, как теряю сознание, вижу черную бабочку, порхающую перед моим лицом.

Резко просыпаюсь вся в поту и пытаюсь понять, где нахожусь. Догорающая свеча создает зловещие тени на стенах пещеры, и на секунду кажется, что я еще сплю. Выглянув на улицу, вижу полную луну, появляющуюся на горизонте. Я проспала почти весь день. Разминаю руки и кручу шеей — все тело затекло от долгого сна на полу пещеры. В животе урчит. Мне нужна еда и более подходящее место, чтобы спрятаться, но я не знаю, куда идти.

При свете луны выхожу из пещеры, постоянно оглядываясь, и иду в сторону города. Ноги сами привели меня к дому Анники. Я стою перед полированной стальной дверью — это та же дверь, через которую я пробегала к подруге раньше каждый день. Я жду. Слышу, как семья Анники смеется в столовой, тарелки стучат — семья ужинает. Я робко поднимаю

руку и стучу, нервно ожидая, пока мама Анника откроет дверь.

Представляю, как ужасно выгляжу: мокрая, грязная, босая и одетая лишь в толстовку отца. Но мой страх рассеивается, когда мама моей подруги вздыхает с облегчением и обнимает меня.

— Кива, мы так беспокоились о тебе, дорогая, — мягко говорит миссис Амесс.

Без всяких предисловий я начинаю реветь.

ГЛАВА 11

Я в безопасности

— Расскажи мне обо всем, — настаивает Анника, когда мы заходим в ее комнату.

— Расскажу, — обещаю я. — Но сначала я приму душ.

Я беру комбинезон и угги, которые мне дала миссис Амесс, и направляюсь в ванную комнату. Как же приятно стоять в душевой кабине под струей воды в сто десять градусов (прим. ред.: примерно 43° C). Мои волосы покрыты пеплом, и приходится мыть голову два раза, чтобы вымыть всю сажу. Хочется здесь постоять как можно дольше. Мне нужно тихое место, чтобы переварить все случившееся, но подруга ждет меня. Анника молчала весь ужин, видимо, ее мама всем велела не приставать ко мне. Миссис Амесс работает учителем в средней школе и поэтому знает, как правильно себя вести в сложных ситуациях. Как только я перестала плакать, она завела меня в столовую, положила мне еды и сказала есть сколько захочу. Я была голодной, поэтому не стала спорить. Я закидывала курицу, пюре и грибы в рот с невероятной скоростью. Я знала, что Анника умирала от любопытства, но она покорно выполняла просьбу мамы.

С неохотой я выхожу из кабинки и выжимаю волосы. Вытираюсь и надеваю пижаму, а также меняю одноразовую насадку на зубной щетке, работающей от солнечной энергии. Я чувствую обновленной, возвращаюсь в комнату Анники и сразу ложусь в кровать.

— Все думали, что ты умерла, — говорит Анника, она ждала меня в комнате. У нее обвинительный тон, который вскоре смягчается. — Точнее я не думала. Я бы никогда так не подумала.

— Хорошо. — Я не знаю, что сказать.

— Кроме того, они не нашли тел: ни твоего, ни твоего папы, поэтому я знала, что ты жива.

— Кто все?

— Ведущие. Это было в новостях все утро. Здесь никогда не бывает пожаров, особенно так близко к океану, поэтому новость крутили весь день. — Анника нажимает на пульт и появляется маленькая голограмма на стене. На ней изображено то, что осталось от моего дома. И дым. Очень много дыма. Анника касается Третьего и смотрит на меня, ожидая, что я сделаю так же.

— Эм, с ним что-то случилось в пожаре, — вру, потирая ненастоящий Третий. — Завтра утром первым делом почию его.

На лице Анники мелькает тень подозрения, но она кивает и выключает экран.

— Ты немного пропускаешь — они повторяют одно и то же: пожар был ранним утром, семья пропала без следа, тела не найдены. И бла-бла-бла. А теперь расскажи мне, что случилось!

— Если честно, то я плохо помню, — говорю я, не готовая открыть Аннике правду. Хоть она и моя лучшая подруга, но разговор с отцом был слишком личным, чтобы кому-то о нем рассказать. Я не готова сообщить ей про секретные записи отца, про мой фальшивый

чип личности, про жестоких Заступников, которые ударили отца электрошокером на моих глазах и забрали его с собой.

Поэтому я начинаю с правды.

— Я рано пошла плавать. Ты же помнишь мои кошмары, которые начались после лагеря, а в эту ночь я впервые спала спокойно. Поэтому я пошла плавать пораньше. Где-то через час я почувствовала дым. Запах был ужасен. Чем ближе я подплывала к берегу, тем тяжелее было дышать. Из-за ветра огонь казался больше, чем был на самом деле. Когда я добралась до дома, он весь был охвачен пламенем.

А теперь ложь. Пока я говорю, концентрируюсь на своих ногтях, до сих пор испачканных в саже. Вспоминая уроки Макса о допросах, я говорю медленно и уверенно:

— Я... я не могла нигде найти папу. Было очень рано и никого вокруг больше не было. Я звала его, но он не отвечал. Я даже попыталась войти в дом, но огонь был повсюду. Думаю, что надышалась дымом, потому что мне стало плохо, и я полностью дезориентировалась. Я помню, как ходила по пляжу, но, если честно, не могу вспомнить где. — Я поднимаю голову: следующая часть правда. — Мне кажется, что я уснула.

— На весь день? — поинтересовалась Анника.

— Да. Я переволновалась, что не смогла найти папу, и что мой дом сгорел дотла. Понимаешь, ничего не осталось. — Я чувствую подступающие слезы. — Даже голограммы мамы. Я просто уходила от запаха дыма по пляжу, а затем легла на песок и заснула. Когда проснулась, то сразу же пришла сюда.

— Почему ты была одета в толстовку своего отца?

— Он дал мне ее. — Еще одна правда. Я просто не уточнила, когда именно он мне ее дал.

Похоже, Анника поверила. Она обнимает меня.

— Ты знаешь, что можешь остаться со мной сколько захочешь. И я уверена, они найдут твоего папу. Может он тоже потерял ориентацию и блуждал, как ты.

— Может, — говорю я и следующие два часа слушаю ее страдания по Данте. Она показывает все его голограммы на своих идентификационных часах. Он симпатичный и забавный, и Анника очарована им... невероятно. Каждый раз, когда она смотрит на его голограмму, ее Третий жужжит. Странно видеть ее такой удовлетворенной. Такой счастливой. Такой довольной.

Она совершенно забыла о моем положении и полностью поглощена своим.

***

КАЛИКС ЗНАЛ, КАКОВО ЭТО БЫТЬ ЛАБОРАТОРНОЙ МЫШЬЮ.

Он сел между Клаудией Дюрант и отцом перед двухсторонним зеркалом, за которым проводили пары детей. Они только проснулись и не понимали, что происходит. Он наблюдал, как маленького светлого мальчика и миниатюрную смуглую девочку, державшихся за руки, завели в пещеристую комнату. Они оба были одеты в ночные туники до колена, но его была красная, а ее фиолетовая. Заступник дал каждому из них по стакану воды, и они ее выпили.

— Что они пьют? — спросил Каликс, но Клаудия Дюрант и его отец, так были заинтересованы происходящим, что проигнорировали вопрос.

Дети допили жидкость, поморгали несколько раз, потому что были сразу же одурманены этим напитком. Затем Заступник связал их вместе толстой веревкой. Ошеломленные дети начали плакать, но на них никто не обращал внимания. Когда первый

Заступник связал их в крепкий кокон, второй начал крутить металлическое колесо, от чего дети стали медленно подниматься к потолку.

— Что это, папа? Прекрати. Они плачут. — Каликс вскочил и стал стучать по стене, но его никто не слышал. Никто не видел его. Он в ужасе смотрел, как детей перевернули так, что они оказались вниз головой.

А затем они стали крутиться.

ГЛАВА 12

Я пробудилась

Тихий шепот нескольких голосов разбудил меня.

Я нажимаю на свои часы, правильной сказать, на часы Кензи. Сейчас 4:30 утра — слишком рано, чтобы кто-то уже встал. Я выползаю из кровати и открываю дверь. Слышу отчетливые голоса внизу лестницы. И понимаю, что внизу не только мистер и миссис Амесс. На лестничной площадке сажусь на корточки и вытягиваю шею, чтобы посмотреть через перила. Я могу рассмотреть спины родителей Анники, которые стоят у двери. Они разговаривают еле различимым шёпотом:

— Вы знаете который час? — предьявляет миссис Амесс.

— Мы не можем рисковать и снова ее упустить. — Я узнаю здорового лысого Заступника, которого видела вчера.

— Ее Третий был деактивирован, — говорит другой Заступник.

— Я знаю. Поэтому я вас и позвала. Но я не думала, что вы разбудите нас посреди ночи. Я хотела привести ее после завтрака.

— Мы не можем рисковать, гражданин Амесс. Она подозреваемая и считается опасной.

— Кива? — Мистер Амесс хихикает. — Я знаю эту девочку с раннего детства, она и мухи не обидит.

— Она Аномалия, сэр. Все не так, как кажется. — Заступник пытается силой протолкнуться в дверь, но мистер Амесс блокирует ему путь.

— Мой дом — мои правила, — рявкает она и добавляет: — Мой пленник.

Я ошеломлена. Миссис Амесс только что назвала меня своим пленником? И почему она вызвала Заступников для меня? Вечером она была такой заботливой, что я почувствовала себя в безопасности.

— У нее было что-нибудь с собой? — спрашивает Заступник, перебивая мои мысли.

— Ничего. — Миссис Амесс отходит, запуская мужчин в дом. — А теперь расслабьтесь. Я не хочу испугать Киву, и я точно не хочу расстроить свою дочь. Милый, сделай для джентльменов по чашечке кофе. А я пойду приведу ее.

Я быстро возвращаюсь назад в комнату Анники, ложусь под одеяло и притворяюсь, что сплю. Через пару секунд я слышу, как открывается дверь, и миссис Амесс направляется ко мне.

— Кива, дорогая, проснись. — Ее прикосновение такое нежное, и я чувствую, как она убирает прядь волос с моего лица.

— Что такое? — Я изображаю хриплый голос человека, которого бесцеремонно разбудили.

— Они нашли твоего папу. — Она улыбается. — Ты можешь с ним увидеться прямо сейчас.

Почему она врет? Миссис Амесс была мне вроде матери с тех пор, как умерла моя мама. Почему она предает меня?

Я выдавливаю улыбку и говорю:

— Конечно. Дайте мне пару минут.

Она встает и направляется к двери, помедлив на секунду.

— Все будет хорошо, Кива.

— Я знаю, — отвечаю кратко и смотрю, как она закрывает дверь. Как только она выходит, я обуваюсь и подхожу к окну. Анника крепко спит и так сильно храпит, что не слышит, как я открываю окно и вылезая наружу. Легко перепрыгиваю на ветку дуба, которая находится сразу у окна спальни Анники. По ней мы лазили туда-сюда, когда были детьми. Я опускаюсь по ветке на землю и мчусь в темноту раннего утра. Я не могу здесь оставаться. Нигде в моей любимой Океанской Общине небезопасно.

Мне нужно добраться до Саббатикал-Сити и найти Лабиринт.

***

— Я НАЗЫВАЮ ЭТО ПОСТРАВМАТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКОЙ КОНТРОЛЯ СОЗНАНИЯ

— гордо заявил Собек, когда первая пара детей была освобождена и отправлена назад в их хижины.

— Это психотически. — Каликс был поражен действиями, которые развернулись перед ним. Следующая пара детей была заведена в комнату. Это было похоже на конвейер. Детей по парам заводили, одурманивали, связывали вместе, поднимали в воздух, крутили круг за кругом и затем отпускали.

— В чем смысл?

— Смысл? Смысл? — Всегда спокойный и хладнокровный Собек неожиданно повысил голос. — Смысл в том, сын, что моя техника является комбинацией психологии, нейробиологии и ритуала, чтобы поработить посвященных и создать послушных граждан Глобального Управления.

— Им пять лет! — прокричал Каликс.

— Да. Их сознание в самом расцвете. Сейчас лучший возраст, чтобы начать ими манипулировать. Они идеальные кандидаты.

— Поэтому ты подвешиваешь их вниз головой и мучаешь?

— «Мучить» — такое примитивное слово, — ухмыльнулся Собек. — Я предпочитаю слово «обучать». Мы обучаем их быть полезными Гражданинами.

— Как?

— Смотри. — Собек указывает в другую часть комнаты, где душили двух детей. Заступники своими большими руками сжимали шеи маленьких детей, заставляя их биться в коротких конвульсиях, пока те не теряли сознание. В другой части комнаты детей опускали в резервуары с водой и держали внутри, пока жертвы практически не тонули до смерти. Каликс почувствовал подходящую тошноту — его злость была куда сильнее отвращения.

— Тебе нужно остановить это немедленно, отец. Это ужасно.

— Это по протоколу, — проговорил Собек и кивнул Клаудии Дюрант.

— Каликс, твой отец создал превосходный способ для формирования продуктивного и послушного общества, — настаивала Дюрант. — Эти дети не вспомнят о том, что здесь происходило. ЛМ-5 у них в воспоминаниях будет как в тумане. Возможно, они вспомнят рисование или кикбол, или декоративно-прикладное искусство. Эта же часть лагеря настолько глубоко у них в подсознании, что они ничего не вспомнят. Видишь ли, мы используем эти методы для блокировки способности жертвы к сознательной обработке информации, а затем мы можем вживлять мысли, установки и ощущения в их подсознание,

которые помогают им чувствовать, думать и воспринимать вещи — например, их необходимости в предписанном партнере. Эта потребность становится настолько глубокой, что у них остается слишком мало времени для своих мыслей, так как их чувство целостности и предназначения полностью зависит от их будущего супруга.

— Разве вы не видите, что с этим что-то не так? — прошипел Каликс. Он начал задыхаться.

Клаудия Дюрант быстро налила ему стакан воды.

— Нет ничего плохого в создании мирного общества без разногласий и возражений.

— Я возражаю. Я этого не потерплю, — сказал Каликс, выпив одним глотком всю воду.

Собек и Клаудия наблюдали, как взгляд Каликса быстро стал стеклянным.

— Что происходит? — промямлил он, во рту пересохло. Он посмотрел на пустой стакан. У него не получалось сфокусировать взгляд. — Что вы со мной сделали?

— Мы тебя обучаем.

ГЛАВА 13

Я — Кензи

Я улыбаюсь коренастому водителю грузовика.

Дальнобойщики постоянно останавливаются в придорожных кафе по пути в Саббатикал-Сити. Убежав из дома Анники, я по проселочным дорогам вышла к шоссе и скрылась в ближайшей закусочной у дороги. Занимаю пустое кожаное кресло и рассматриваю водителей. Большинство из Трудовой Общины, а значит, они приехали с самого юга, там, где находилась прежняя Мексика. Они перевозят воду и товары из Сельскохозяйственной Общины. Дальнобойщики — это одиночки, чьи предписанные партнеры умерли. Обычно они старшего возраста, примерно, как мой папа. Когда я вхожу внутрь, в зале сидят шесть водителей, поедающие свои заказы. Четверо мужчин из Трудовой и две женщины из Сельскохозяйственной Общины. Я выбираю ту, что заканчивает свой обед, и следую за ней до зарядной станции, от которой она отсоединяет свой грузовик. Она одета в коричневую форму и такого же цвета кепку с надписью Orchard Harvest. Когда я подошла, женщина пристально в меня всматривается, и я представляюсь.

— Тебя подбросить, деточка?

— Да.

— Тогда ты пришла к нужному водителю. Я уже устала слушать медиаволны, а человеческая компания не помешает.

— Так вы не против? — Я осторожна. И не настроена вести разговоры.

— Абсолютно нет. Запрыгивай внутрь, Кензи. Я — Харриган Макфили. Дальнобойщица с хвостом на голове улыбается, и мы подходим к ее восемнадцатиколёсному транспортному средству с надписью «Апельсины».

— Вы живете неподалеку, Харриган? — Я завязываю легкую беседу, надеясь, что она не знает про Океанскую Общину и пропавшую Аномалию, у которой недавно сгорел дом.

— Нет, я с юга. В пути уже два дня и направляюсь в столицу, потом в Восточную Америку за другим грузом и обратно на юг. А ты?

— Я здесь проездом. — Я забираюсь в высокий грузовик, который оказался безупречно чистым, а на приборной панели располагается голографическая карта всего маршрута.

— Сколько еще часов, как думаешь? — интересуется Харриган. Если больше двух — она должна будет ввести информацию обо мне в центр данных, отметив время начала и конца моего пути в ее машине. Таковы правила дорожного движения. Автостоп —

распространенная практика в Новом Мире. Это безопасный и надежный способ передвижения. В отличие от прежнего мира, в котором выбросы бензина отравляли воздух ядовитыми выхлопами, и в котором большую часть жизни водители проводили в пробках, в наше время автомобилей значительно меньше, и они работают на комбинации из солнечной энергии и чистой энергии. Транспортные средства поставляются Гражданам только по необходимости. Граждане, которым машина нужна для работы, например, большей части Трудовой Общины, получают ее. Я изучаю лицо Харриган. На нем нет и следа подозрения или недоверия. Делаю глубокий вдох. А почему должен быть? Автостоп очень распространен, особенно на маршруте к Саббатикал-Сити.

— Сколько до следующей остановки? — спрашиваю я.

— Где-то час сорок пять минут.

— Замечательно. — Я бросаю денежный чип в ее банку для чаевых и удобно устраиваюсь для путешествия. Мне нужно замести следы, и я не хочу, чтобы мои передвижения были зафиксированы.

— Куда направляешься? — спрашивает Харриган. Она не допытывается, просто завязывает разговор.

— Конечная цель — столица, — отвечаю я. — Я встречаюсь там со своим папой, но он не ждет меня в ближайшие дни, поэтому, я думаю, что посмотрю достопримечательности.

— Тут их немного.

— Знаю. Но я работаю над проектом по опреснению воды в школе, поэтому изучить ландшафт пустыни крайне важно.

— Сколько тебе?

— Четырнадцать. С половиной, — лгу я.

— Ты слишком высокая для четырнадцатилетней.

— Я такая высокая с одиннадцати лет. — Улыбаюсь я. — Мой лучший друг называет меня Жердью, — говорю, вспоминая о Кае и нашей первой встрече.

— Когда ты поедешь в Лагерь Монарха?

— Зимой. — Я закрываю глаза, надеясь завершить разговор, прежде чем мне придется вспоминать всю ложь, которую наговорила, чтобы не запутаться. Нельзя, чтобы меня раскусили. Одним нажатием кнопки Харриган может заявить обо мне.

— Лучшее лето в моей жизни. — Она начинает вспоминать и трещать о своем предписанном партнере, пока я то засыпаю, то просыпаюсь.

Следующие два дня путешествую по ночам, а сплю днем. Я придерживаюсь проселочных дорог и чередую пешие прогулки и автостоп. В различных закуточных, которые натканы по главной дороге, легко знакомлюсь с дальнобойщиками, которые везут продукты в столицу — я плачу небольшую пассажирскую плату и провожу пару часов в машине перед тем, как двинуться дальше пешком. Я очень осторожна и не еду с одним водителем долго, чтобы они не сообщили о несовершеннолетнем пассажире. Если пассажир едет не больше двух часов, то это считается скорее одолжением, чем работой. И мне нужно стараться пересаживаться как можно чаще, потому что большая часть пути лежит через пустыню, которую невозможно пересечь днем. Когда высаживаюсь с грузовика, то немного возвращаюсь назад, чтобы скрыть свои следы и найти новую машину.

Когда всходит солнце, я ищу тень: заброшенный сарай или толстые ветки отдаленных деревьев, сворачиваюсь клубком и сплю. Хоть я и использую слово «сон», мое забытие совсем не является расслабляющим. С каждым разом кошмары становятся хуже. Каждый раз

они начинаются одинаково: я следую за женщиной по коридору. Но пытки становятся в разы ужаснее. Иногда я подвешена вниз головой, иногда меня душат почти до смерти. И как раз в момент самого сильного страха я теряю сознание, как будто что-то доводит меня до пограничного состояния боли, а потом питается моим страхом.

Саббатикал-Сити — это сердце Америки. Он располагается в центре пустыни, в месте, которое когда-то называлось Лас-Вегасом. Я была здесь однажды в детстве с родителями, поэтому почти ничего не помню. Но я видела множество фотографий, и Кеннон, брат Рейн, присылал голограммы с видами города со своего медового месяца. Это самое популярное место для отпуска в Америке. Большинство людей проводят медовый месяц в Саббатикал-Сити, потому что здесь очень много интересных мест. Это центр культурных традиций и истории минувших дней.

Последний грузовик, двенадцетиколесное транспортное средство, перевозящее технологические чипы прямо из шахт в Аргайл-Сити, и управляемое Трудовым по имени МакГи, высаживает меня в центре города. МакГи является человеком с дедушкиным характером, потому что прежде, чем оставить меня на главной улице, дает мне советы, где можно поесть и куда можно сходить в городе. Он также напоминает мне быть особенно внимательной, потому что в городе много воров. Молодые хулиганы, так он их зовет. Я обещаю смотреть в оба и машу ему на прощание, когда он направляет машину к Дворцу, где выгрузит компоненты Третьего для личных ученых Собека.

Оставшись в одиночестве, сразу же сталкиваюсь с суматохой большого города. Я ошеломлена даже тогда, когда просто смотрю вверх. Так как моя Океанская Община, в основном широкая и плоская, где океан и небо простираются непрерывно на мили, это место можно назвать городом в облаках. На каждом клочке земли стоят здания, летают вертолеты и переходы в воздухе соединяют разные сооружения. Граждане в Саббатикал-Сити живут в очень высоких строениях, ранее называвшиеся казино. Более половины населения Америки живут в столице. Это место было одно из немногих, которое не затронула Великая Технологическая Война, потому что оно находится далеко от океана и заполнено такими высокими зданиями, что вся область не пострадала от потопа. Можно сказать, что оно в стиле ретро по сравнению с остальной Америкой. Старая школа. Из другого времени. Однако Глобальное Управление застроило его еще больше, сделав на крышах домов посадочные и взлетные площадки для вертолетов Заступников.

Я рада, что одета в лайкровой комбинезон миссис Амесс. Станным образом он является довольно модным здесь, и я не выделяюсь из сотни людей, спешащих по своим делам. Я подходяще невидима. Конечно, я одна из немногих, одетая в синее в этом районе, но никто не смотрит на меня подозрительно. Они, вероятно, думают, что я турист на отдыхе. Большинство людей, живущих в Саббатикал-Сити, принадлежат остальным шести общинам, особенно много людей из Общины Возобновляемой Энергии и Учебной. Замечаю больше красного и желтого, чем остальных цветов. Хотя встречается и достаточное количество зеленого, коричневого и фиолетового. И Заступники.

Заступники есть всегда.

И все же я решаю переодеться, боясь, что они могут меня искать. Несмотря на то, что в этом городе легко затеряться, высокая рыжеволосая девушка в синем выделяется из толпы. Я проверяю свои денежные чипы: у меня достаточно денег на неделю, что, надеюсь, будет достаточно, чтобы найти то, что я ищу. Надеюсь.

Вдоль дороги так много сувенирных магазинов, что я не знаю, в какой войти. И пока их

изучаю, то замечаю маленькую светловолосую девочку через дорогу. Она улыбается мне, и я улыбаюсь ей в ответ. Ее длинные волосы заплетены в две косы, и она выглядит не старше восьми лет. Мне интересно: вдруг она потерялась, потому что несовершеннолетние ходят с родителями. Но рядом с ней нет взрослых. Она также одета в синий, одна из немногих граждан Океанской Общины среди заполненных улиц. Она прислоняется к витрине магазина и выглядит невероятно самоуверенной. Перехожу улицу, странным образом меня тянет к этой девочке. Как только она видит меня, то бросается в магазин. Очевидно, что ее родители научили ее не разговаривать с незнакомыми. Я следую за ней в магазин. Это огромный магазин одежды, и я осматриваю многочисленные ряды в поисках девочки с косичками.

— Извините, вы не видели девочку, которая недавно вошла сюда? — спрашиваю я у скучающего служащего.

— Я вижу сотни девочек, входящих сюда, — отвечает она, не отрывая взгляда от планшета.

В последний раз я оглядываю помещение, но девочку нигде не видно. Вероятно, она вышла через заднюю дверь. Я пожимаю плечами. Если ей нужна была моя помощь, то она бы осталась и обратилась бы ко мне. Кроме того, как разговор с ребенком поможет мне найти Лабиринт? Перевожу взгляд на разнообразие одежды — ряды одежды всех семи цветов. Думаю, какой цвет сделает меня незаметной, и понимаю, что не знаю ничего о новой себе.

Спрятавшись за высокими стеллажами, изучаю все фейковые чипы, которые отец сделал для меня. Кензи — член Океанской Общины. Киара — из Трудовых, а Келли — Заступник. Откуда папа мог знать, что я буду Заступником? У меня так много вопросов, и я бы хотела поговорить с ним. Прогоняю прочь чувство жалости к себе, вставляю чип Келли в часы и намеренно иду в конец магазина.

Не обращаю внимания на подозрительный взгляд продавца, когда подхожу к черной одежде. Здесь огромный выбор, но большая часть абсолютно непрактична, вроде блестящих мини-платьев и туфель на высоких каблуках. Я нахожу черные джинсы, черные грубые ботинки, несколько футболок, нижнее белье и черную кожаную куртку с мягким капюшоном. Подхожу с этими вещами к прилавок.

— Разве тебе не надо это примерить? — с усмешкой спрашивает она. Служащая одета в тускло фиолетовый — член Трудовых. Очевидно, что у нее отвращение к Заступникам.

— Я знаю свой размер, спасибо. — Я вежливо улыбаюсь. — У вас есть место, где я бы смогла переодеться?

— Сначала ты должна купить их. Могу я увидеть подтверждение личности, пожалуйста?

— Конечно. — Я нажимаю на голограмму Келли, проецируя мое изображение и общину на стойку. И все же женщина сомневается. Наверное, она чувствует мое беспокойство.

— Мне нужно увидеть вторую форму, устанавливающую личность.

— Но это все, что у меня есть, — я паникую. Если она заявит обо мне, то я не смогу помочь папе. Его поимка будет напрасна.

— Подождите, — говорю, прежде чем она успевает нажать на кнопку безопасности. — Я могу показать свою татуировку. Я только что вернулась из Лагеря Монарха. Поэтому я немного не в своей тарелке, — добавляю я с неуместным смешком и расстегиваю комбинезон, показываю свежую татуировку.

— Хорошо. Это подходит. — Она улыбается. — Не хотела расспрашивать тебя, но в наши дни нужно быть осторожными. Особенно, когда слишком много людей притворяются

Заступниками.

— Зачем они это делают? — спрашиваю я.

— Кто знает. Здесь целая банда воришек из магазинов. Орудуют на улице уже несколько месяцев. Думаю, они считают, что Заступники вызывают меньше подозрений. В любом случае, нам сказали удвоить и даже утроить проверку любого, кто войдет. Особенно людей, называющих себя Заступниками. Но твоя татуировка — твердое доказательство. Большинство воров убегают, когда их просят показать второе удостоверение личности. Ты можешь переодеться в примерочной. Это в конце зала.

Беру свою новую одежду и в большой примерочной переодеваюсь. Кручусь перед зеркалом, любуюсь собой. Бледная рыжеволосая девушка одета с ног до головы в черное. Я пытаюсь подавить смехок. Выгляжу круто.

Я выгляжу как Заступник.

***

СПУСТЯ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ Каликс и Сараю сидели на стульях там, что оказалось комнатой ожидания. Они оба были одеты в черные туники. Каликс не помнил, как он здесь оказался, а Сараю разбудили посреди ночи и привели сюда. Она была напугана.

— Каликс, что происходит? — спросила она.

— Я не знаю, — солгал Каликс. Он уже знал, что его отец приготовил для них. Этот больной придурок собирался подвергать его и Сараю, двух тинэйджеров, пыткам, которые проводил над детьми.

— Просто выпей воды. Когда они скажут тебе выпить воды, выпей эту воду. Это поможет тебе забыть.

В этот момент Заступник кивнул им, чтобы они следовали за ним по длинному коридору. Каликс сжал руку Сараю, пытаясь успокоить ее, но, на самом деле, он пытался успокоить себя. Когда он покинет это место и вернется в Сизарс, то попытается исчезнуть. Он устал выполнять приказы отца. Он устал быть его марионеткой.

Пара дошла до конца коридора и вошла в пещеристую комнату, заполненную бабочками. Появилась Клаудия Дюрант и протянула Сараю стакан воды.

Каликс прошептал:

— Выпей ее одним глотком.

Он посмотрел в ее испуганные глаза, когда она поднесла трясущимися руками стакан ко рту и выпила наркотическую смесь. Сразу же ее глаза остекленели, как будто она была в трансе.

— Где мой напиток? — потребовал Каликс.

— Ваш отец подумал, что будет полезнее, если вы останетесь с чистым разумом, — жестко ответила Клаудия Дюрант.

Их с Сараю начали связывать веревкой вместе. Ему едва удалось повернуть голову в сторону двухстороннего зеркала, представляя торжество на лице отца по ту сторону от него.

За секунду до того, как его подняли в воздух, Каликс еще раз посмотрел в сторону отца и прошептал три слова:

— Я тебя убью.

ГЛАВА 14

Я в отчаянии

У меня остался последний денежный чип, а я так и не нашла Лабиринт.

Я нахожусь в Саббатикал-Сити уже неделю и не стала ближе к тому, чтобы найти

его/ее/это. Я ужасно расстроена, потому что потратила все денежные чипы на еду, одежду и жилье и теперь на мели. Каждый день брожу по улицам, ошеломленная шумом и безумной энергией. Я едва слышу свои собственные мысли. Продолжаю смотреть и смотреть, и смотреть — пытаюсь найти то, что я не знаю, как найти.

Смотрю на свой последний денежный чип, крутя его в руках, и чувствую практически облегчение. Я все провалила. Подвела себя и отца. Я не могла так поступить. Все говорили мне слушать чувства, но они пропали, как только я попала в этот громкий безумный город. Они отступили, и теперь я сама отступаю. Что бы ни должно было произойти — не произошло.

Сажусь на открытой веранде в модном кафе и заказываю большой стейк. Я могу насладиться последним приемом пищи перед тем, как останусь без гроша. Осознание, что все мое путешествие ни к чему не привело, позволяет мне расслабиться в первый раз в Саббатикал-Сити. Я больше не оборачиваюсь, чтобы проверить, не следят ли за мной, а глубоко вдыхаю и сажусь. Расслабляюсь. Дышу. Осматриваюсь. Ресторан заполнен. Консьерж в отеле при казино сказал, что здесь подают самые вкусные блюда во всем Саббатикал-Сити, поэтому решаю побаловать себя. Во всяком случае, мне больше нечего терять. Официант приносит мне вырезку, и я смакую каждый кусочек, разрываясь между смехом и слезами из-за своего затруднительного положения. Вся ситуация комична — моя смелая попытка помочь папе, в то время когда я даже не знала с чего начать. И теперь полный провал: я точно знаю, что должно произойти. Я доем свое изысканное блюдо, поймаю попутку прямо до Океанской Общины и не буду беспокоиться, что мои передвижения будут записаны, затем пойду к Аннике и буду схвачена Заступниками. Конец. Я сделаю все, что они скажут мне делать, и, надеюсь, что я увижусь с отцом.

Кого я обманывала? Всех, кто думал, что я особенная, включая Инелию? Мой папа также верил в меня, поэтому посвятил меня в свои бесценные секреты. Ничего хорошего из этого не вышло. Думаю, что они увидели меня неправильно. Я не являюсь тем, кто мог бы спасти мир — я едва могу выжить в нем сама по себе в течение недели. Хочу вернуться в Океанскую Общину и признать поражение.

Я просто хочу сдаться.

Задыхаюсь от ненавистой жалости к себе. Я не пытаюсь сражаться с ней, а расслабляюсь еще больше. Я отпускаю все. Решившись сдаться на волю своей несчастной судьбы, пытаюсь насладиться последними мгновениями свободы и наблюдаю за остальными посетителями, в основном членами Возобновляемой Энергии и Учебной Общин, которые поглощены разговорами и не замечают мира вокруг. Все выглядят такими счастливыми, умиротворенными, несведующими. Как будто спокойствие накрыло всех вокруг, кроме меня. Я невидима — а это то, чего я всегда хотела, однако в последнее время я думала, что предназначена для чего-то большего. Но никто не замечает меня. Я окружена столами, за которыми все погружены в собственные истории. Рядом со мной родители обедают со своими маленькими детьми и режут им мясо на маленькие кусочки. Возобновляемые оживленно жестикулируют, обсуждая новую теорию тепловой энергии. Я замечаю, что грустно улыбаюсь, задаваясь вопросом, каково это действительно быть частью чего-то? Быть заметной.

Внезапно чувствую мурашки на шее. Тут есть еще кто-то, кто рушит праздник нормальности. Я медленно поворачиваю голову и вижу нарушителя. Это та девочка, которую я заметила в первый день. Теперь она одета в черное и рядом с ней долговязый мальчик

постарше. Продолжая есть, я наблюдаю, как они крадутся по периметру ресторана. Любому другому они покажутся увлеченными в собственный разговор, но я вижу, что они прячутся. Это может быть совпадением, что в последний раз, когда я ее видела, она была одета в синие одежды, а теперь в черные?

Она скрывается, как и я?

Наблюдаю, как они легким шагом подходят к столику с краю, за которым сидят туристы с разложенными картограммами и путевыми заметками. Я заметила этот столик сразу же, как вошла, потому что они вели себя довольно громко, и корпулентный мужчина выделялся перед своей невзрачной собеседницей, заказывая почти все блюда из меню. Они были настолько шумными, что несколько посетителей за соседними столиками пересели подальше. Продолжаю следить за развивающимся сценарием: мальчик заговаривает с туристами, улыбаясь и, очевидно, прося что-то. Мужчина пытается оттолкнуть его, но жена останавливает его и вынуждает выслушать мальчика. Пока это все происходит, маленькая девочка со светлыми волосами ловко хватается сумочку женщины со спинки стула.

Через секунду они исчезают.

И я слеую за ними.

Погоня длится больше мили.

Я благодарна Инелии за физическую подготовку, потому что я все еще в отличной форме. И не важно, насколько быстро маленькие воришки бегут, им не удастся оторваться от меня. Я даже не понимаю, почему преследую их, но знаю, что так нужно. У меня предчувствие. В тот момент, когда я впервые увидела эту маленькую девочку со светлыми волосами, мои голоса вернулись ко мне, говоря мне обратить на нее внимание. Даже до того, как они украли сумочку, я доела стейк, положила денежный чип на стол и поднялась со стула.

Когда пара проскальзывает в плотный пешеходный поток, я все равно слеую за ними, держась на расстоянии в паре футов. Почувствовав меня, они сразу же прибавили скорость и начали метаться, то заходя, то выходя из Башен Казино. С легкостью успеваю за ними, проскальзывая мимо людей и не спуская с них глаз. После нескольких попыток оторваться от меня, они замедляются и ведут меня напрямиком ко Дворцу. Прямиком к имению Собека.

Однако вместо того, чтобы перейти дорогу и зайти во дворец, дети присоединяются к группе туристов, глазеющих на огромный фонтан, который будто танцует на большом искусственном озере. Заиграет музыка, и фонтан взмывает вверх различными узорами. Многие туристы записывают видео и голограммы с помощью идентификационных часов. Они не обращают внимания на пару детей с украденной сумочкой, которая направляется напрямиком к фонтану... и исчезает.

Это невозможно.

Вижу, как первым исчезает мальчик. Затем девочка смотрит по сторонам, замечает меня, подмигивает и исчезает вслед за своим соратником. Я подбегаю к тому месту, и действительно, их нет. Они исчезли у меня на глазах. Я оглядываюсь, но здесь только пышный фонтан, извергающий воду в воздух под звуки старомодной песни, которая была популярна задолго до войны. Куда они делись? Взрослая пара нарушает мое сосредоточение и просит снять их. Я неохотно соглашаюсь и фотографирую их перед фонтаном, именно там, где пропали дети. Фокусирую технокамеру и слева от пары замечаю маленькое углубление в граните. Я быстро делаю фотографию, возвращаю камеру и подхожу к этому неприметному

месту. Наклоняюсь, осматривая гранит, и понимаю, что туман от фонтана медленно окутывает меня. Я уже готова сдаться, как вдруг слышу знакомый голос за спиной:

— Мне было интересно, когда ты наконец объявишься, Жердь.

***

КАЛИКС НЕ ЗНАЛ, ЧТО ХУЖЕ: когда тебя душат или топят.

Он мог выдержать быть подвешенным вниз головой, но остальные методы были куда более болезненными. То, что ему не нравилось даже больше его собственного наказания — это пытка, которой Собек и Заступники подвергли Сараю. С каждым следующим уроком Собека она становилась слабее и более сломленной. Она прижималась к Каликсу, держась за него изо всех сил, даже когда они не были связаны. Во время многих из этих подходов она теряла сознание, и он не мог избавиться от впечатления, которое производил страх в ее глазах.

Он также не мог понять, почему она становилась слабее, а он сильнее.

Каликса бесило это чувство, будто он высасывал силы из страха Сараю. Он пытался проигнорировать эту новую первобытную потребность и просто поддаться пытке, но не мог. И, видя дрожь, трепет и вздрагивания своего предписанного партнера, чувствовал себя все живее. Как будто вдыхал ее сущность. Он чувствовал ее запах. И это был не обычный аромат Гардении и апельсинов, который исходил от Сараю, это было что-то другое. Невидимое статическое электричество будто заряжало его. Он каким-то образом высасывал невидимую силу из нее и использовал для своей подзарядки. Он пытался остановиться.

Но безостановочная болтовня Собека лишь все ухудшила. Очень сильно.

Пока Каликса и Сараю подвешивали, душили и топили, Собек стоял рядом и рассказывал о происходящем.

— Я создал насилие, чтобы заставить вас отсоединиться от реальности, — прошептал Собек ему в ухо. — Смотри, Сараю уже отсоединилась. Это естественная реакция, когда люди сталкиваются с невыносимой болью. Люди реагируют двумя способами на пытки. Так мы и выясняем, еще в раннем возрасте, кто является Заступниками. Поэтому у тебя два варианта: ты можешь отсоединиться или ты можешь питаться. Что ты выберешь, сын?

Каликс пытался игнорировать отца, но чувствуя себя сильнее, он точно знал, по какому пути пойдет.

ГЛАВА 15

Я в восторге

Я не осознавала, насколько сильно скучала по Каю, пока он не взял меня за руку и не потянул к себе. Но у нас нет времени на проявление радости, он осматривает место, убеждаясь, что никто не смотрит на нас, и только потом тянет меня за собой к специальному месту сбоку от фонтана.

— Куда мы идем? — спрашиваю я, не отпуская его руку.

— Я объясню тебе все, как только мы доберемся до места.

— До какого места? — настаиваю, но он уже исчез. Я вглядываюсь, и понимаю, что он проскользнул сзади того, что оказалось голограммой работающего фонтана. Следуя за ними через мираж. Теперь мы видим толпящихся туристов, но они не видят нас.

— Это восхитительно. Сколько человек об этом знают?

— Лишь несколько. Почти все, кто там внизу есть, были одурманены перед тем, как попали туда, поэтому они не знают точного места.

— Там внизу? Где внизу? — спрашиваю, пока Кай медленно идет вдоль фонтана до

изрезанного камня и толкает его. Он отодвигается в сторону, открывая нам проход в широкий туннель. Я осматриваюсь. На грязные стены капают горящие свечи. С другой стороны, в этом нет ничего примечательного. Мы могли б быть где угодно в мире.

Кай говорит, ведя меня дальше по туннелю:

— Подземелье. Тадж построила его до Великой Технологической Войны. Она точно знала, что планировал Собек. Она гений.

— Она, хах? — Мои слова смешаны с ревностью. — Вы с этой Тадж... близки?

— Настолько близки, насколько она близка с каждым, — отвечает Кай, ведя меня по сложной сети тоннеля. Понятия не имею, куда мы идем, но точно знаю, что спускаемся вниз. — К счастью, один из её агентов перехватил меня по возвращению домой из лагеря. Я выбрал моторглад, потому что жил всего в часе езды. Помню, как с двух сторон меня зажали мотоциклы, чтобы я свернул с дороги. Это была группа захвата Тадж. Они освободили меня как раз уже перед домом. — Кай останавливается перед большой металлической дверью с часами, идущими против часовой стрелки. Он нажимает кнопку, и стрелки останавливаются, меняя свое направление.

Дверь открывается, и Кай сопровождает меня внутрь лифта.

— Идем вниз.

— Подожди. Почему они перехватили именно тебя? — Я не успеваю за историей Кая, к тому же голова закружилась, пока мы шли по всем этим лабиринтам к странному подобию лифта. Мы неожиданно начинаем падать вниз, поэтому я держусь за Кая, чтобы не упасть. За всем жужжанием и щелканьем лифта сложно его слушать, и меня начинает тошнить.

— Потому что Подземелье находит тебя до того, как ты находишь Подземелье. Люди Тадж увидели во мне революционера и завербовали прежде, чем я смог стать одним из Заступников Собека. Одним из его шпионского отряда. Лучшим из лучших. Командиром Заступников. Так поступает Собек с Аномалиями. Он тренирует нас против наших собственных общин, семей, друзей. И все началось в Лагере Монарха. Нас начали готовить к шпионажу для Собека и ничему больше. Разве это была бы жизнь? — Кай останавливается и смотрит на меня. — Я не могу тебе передать, как сильно о тебе беспокоился. Но Тадж сказала, что тебе ничего не угрожает.

— Эта Тадж и правда знает много обо мне.

— Ты удивишься. — Улыбается Кай и быстро меня обнимает. — Я очень скучал по тебе, Кива.

— Правда? — я переспрашиваю, смущаясь. Во мне продолжают рождаться все новые и новые эмоции.

— Абсолютная правда. — Его ответ скорее вежливый, чем эмоциональный.

Когда лифт останавливается, и открываются механические двери, Кай протягивает мне руку и ведет на первый этаж огромного Подземного Города. — Добро пожаловать в децентрализованную глобальную сеть. Добро пожаловать в наше самообеспечивающееся сообщество.

Добро пожаловать в Лабиринт.

***

КАЛИКС ТЕРПЕЛ ПЫТКИ СВОЕГО ОТЦА всю неделю.

Собеку же его методика не казалась такой ужасной. Для него это был просто способ обучить сына. Чтобы он знал изнутри, как можно манипулировать населением.

С каждой ночью программа становилась только хуже. Она длилась дольше. Во время

издательства Каликс думал трех вещах:

Остаться в живых.

Защитить Сараю.

Убить отца.

Единственной проблемой были сотни бабочек, которые летали вокруг него и отвлекали.

— Бабочки начинают свою жизнь в качестве червяков, — сказал Собек, стоя около подвешенного в воздухе сына. Для него принципиально было стоять в пределах слышимости во время тренировок, потому что он знал, что так Каликс вряд ли игнорирует его. — После периода кокона, который ты сейчас проходишь, они перерождаются в красивых бабочек.

Каликс хотел, чтобы его отец замолчал. Он видел, как энергия покидала Сараю, и она все глубже и глубже уходила в себя. Ее подсознание медленно выпускало жизненную силу. Высвобождение энергии было необходимо, чтобы поддерживать ее в живых. Он лишь не мог понять, почему он становился сильнее в то время как она слабела.

— Я назвал лагерь Монарха в честь бабочки, потому что это одно из немногих созданий, способных передавать свои знания через генетику своим потомкам. — Собек вытянул руку, и полдюжины разноцветных бабочек сели на нее. — Однажды лагерь больше не понадобится, потому что такое состояние крепко укоренится в психике людей через достаточное количество поколений. И они будут сразу рождаться податливыми и послушными.

— Оставайся сильной, Сараю, — прошептал Каликс, пытаясь игнорировать урок отца.

— У нее сейчас кружится голова. Будто она летает. Как бабочка. Не беспокойся, она не вспомнит ничего. Она отделилась от реальности и ушла в выдуманный мир в своей голове, где выстроит барьер в качестве амнезии, чтобы защитить себя. Они все так делают. Кроме нескольких человек вроде тебя, сын.

Каликс заглянул в глаза Сараю, но не увидел в них ничего. Она и правда ушла глубоко в себя, скрываясь от боли. Каликсу хотелось наорать на отца, вырваться и ударить его, но руки были крепко прижаты к телу.

— Ты не сможешь ей помочь, сын. Она создала себе альтернативную личность. Теперь она станет послушным гражданином, которому не следует... — Собек поправил себя, — кто не будет нарушать правила.

— Почему ты так с ней поступаешь? Я ведь люблю ее, — прокричал Каликс.

— Ты любишь свои представления о ней. Она лишь расходный материал. Вокруг полно таких Сараю. Красивее, умнее, лучше подготовленных, чтобы стать твоей Королевой. — Собек улыбнулся. — Твоя тренировка почти окончена, сын.

Он уже уходил, когда Каликс спросил его о том, что он хотел услышать:

— Как мне удастся терпеть все эти пытки?

— Потому что ты, сын мой, не человек.

ГЛАВА 16

Я поражена

Первое, что я вижу — это гигантский дирижабль.

Я читала про них в книгах по истории, но еще ни разу не видела живую, а это впечатляет. Огромное судно прямо над моей головой, и оно парит над Подземным городом. Металлическая поверхность дирижабля блестит, отражая свет от специальных солнечных батарей, подвешенных высоко вверху. Я очарована происходящим, и от увиденного кружится голова, но я все равно смотрю вверх, пытаюсь определить, где нахожусь. Должно быть, мы

проехали несколько миль на лифте вниз, поскольку не только дирижабль парит в импровизированном небе, но и несколько птицеподобных устройств.

В реальность меня возвращает велосипедист, который едва не врежется в меня.

— Осторожно. — Проносится мимо мужчина на трехколесном велосипеде, подрезая меня.

Я быстро отступаю назад, понимая, что стою на середине дороги, по которой едут люди на своих машинах. Отойдя в безопасное место на обочине, наблюдаю за проезжающими мимо людьми, большинство из которых передвигаются на довоенных велосипедах, у которых от одного до шести колес. Они выглядят очень странно. Всего несколько человек одеты в предписанные общиной цвета, а все остальные в винтажных одеждах. Женщины носят корсеты и длинные юбки с грубыми ботинками, мужчины же одеты в жилеты и шляпы. У многих очки. Такое ощущение, что я попала в чей-то сон.

— Кай, что происходит? Кто эти люди?

— Это Подземелье, Кива. Место, про которое говорила Инелия.

— Но я не думала, что оно и правда существует.

— Еще как существует. Тут сосредоточено основное сопротивление. Здесь ты в безопасности.

По освободившейся от велосипедистов дороге Кай ведет меня в центр Лабиринта. Повсюду стоят разноцветные палатки, и все, кто меня видит, улыбаются в приветствии, не отрываясь от дел. Кажется, что у каждого есть предназначение. Индивидуальности с предназначением. Я вздрагиваю. Неужели лишь пару недель назад я удивлялась, насколько послушными все стали в лагере. Здесь же все занимаются каждый своим делом. Чувствую их заразительную энергию.

Неожиданно появляется та девочка со светлыми волосами, но уже не одетая в черное. Теперь она выглядит как принцесса из прошлого в своем бирюзовом таффетово-кружевном платье, зашнурованных высоких ботинках цвета фуксии и с ярко-оранжевым зонтиком в руках. В ее наряде нет ни одного из цветов общин. Я в шоке и чувствую себя странно в своей одежде. Всю свою жизнь я соотносила себя с синим цветом, который очень любила, пока не увидела такое буйство красок. И хотя такое зрелище непривычно для меня, не могу не признать, что это красиво.

И, вспоминая, как мы с Блу смеялись, когда тайно красили ногти разноцветными лаками, я с радостью отношусь к уникальности. Не могу понять, почему люди должны быть ограничены одним цветом, когда в мире существует такое многообразие.

Маленькая девочка прерывает мои мысли, обнимая меня.

— Я так рада, что ты нашла нас.

Я удивилась, потому что не привыкла к такой нежности. Особенно от незнакомца.

— Меня зовут Зилли, — представляется она и обнимает меня еще крепче. — Я рада, что ты, наконец, здесь. Я ждала этого вечность.

— Рада познакомиться. — Я не сдерживаю смех. А она не перестает меня обнимать.

— Ты должна спасти человечество. Они говорили, что ты придешь. — Ее лицо очень серьезно, а большие карие глаза смотрят невинно.

— Мне кажется, ты меня с кем-то перепутала, — мягко говорю я, аккуратно выбираясь из ее объятий.

Она лишь улыбается и берет меня за руку.

— Зилли, тебе разве не пора? — спрашивает Кай.

— Нет. Я свою работу выполнила. Я ее выследила и привела сюда, и заслужила отдых.

— Воу. — Я смотрю на Кая. — За мной следили?

— Тадж скоро все объяснит, — ответил он.

— Почему ты не можешь мне рассказать все сейчас? — настаиваю я.

— Кива, ты была в опасности с тех пор, как покинула Лагерь Монарха. Тадж присматривала за тобой так же, как и за другими Аномалиями. В каждой общине у нее есть люди, которые наблюдают за нами, пока мы не будем освобождены. Твоим агентом была Зилли.

— Так ей где-то лет восемь, — не сдерживаюсь я.

— Мне больше. Я просто довольно низкая для моего возраста, — категорично отвечает Зилли.

Я слишком устала, чтобы спорить, поэтому прохожу между Каем и Зилли, осматриваясь. Справа от нас большое открытое пространство со столами, за которыми люди что-то мастерят. Они изготавливают приспособления как из известных мне, так и из незнакомых для меня материалов. Здесь целый арсенал: луки и стрелы, бронежилеты и старомодные пистолеты. Кузнец в огне изготавливает мечи, рапиры, ятаганы и сабли.

— Это невероятно, — говорю я, а Зилли сжимает мою руку. — Для кого это оружие?

— Для всех, — отвечает девочка. — Смотри.

Она открывает свой зонтик, который, оказывается, украшен тремя маленькими сюрикэнами — крошечными метательными звездами.

— Я довольно меткая, — хвастается.

— У тебя есть оружие? — спрашиваю у Кая.

Он поднимает рубашку и достает кинжал.

— У всех есть.

— И здесь я должна чувствовать себя в безопасности? — Я закатываю глаза.

— Ты еще ничего не видела. Смотри. — Кай показывает влево, где раскинулся огород на необъятных краях земли.

— Это... — Я даже не могу договорить. Не думала, что такое возможно.

— Подземный огород? Да. — Кай отвечает с гордостью, и мы останавливаемся перед грядкой ярко-красных помидоров, которые выглядят такими спелыми, что у меня начинают течь слюнки.

— Можно?

Кай смотрит на ближайшего к нам садовника, одетого в черные ботинки, серые широкие брюки и длинное бордовое пальто. К одному из карманов прикреплена длинная цепь с болтающимися на ней часами.

— Можно ей, Лаклан?

— Конечно, она может попробовать. — Блондин благородно наклоняет свою шляпу-котелок и улыбается. Если убрать его странную одежду, то он выглядит точно, как мой папа, и от этого я начинаю грустить по дому.

— Ты всех здесь знаешь?

— Почти. Тадж сделала нас семьей. Здесь около двухсот человек.

— И все — Аномалии?

— Некоторые из нас. Некоторые просто хотят революции.

— Но она еще слишком маленькая, чтобы отправиться даже в Лагерь Монарха. — Я киваю в сторону Зилли, которая на коленях вместе с Лакланом преследует божью коровку.

— Зилли особенная, — отвечает Кай, останавливаясь на этом. — Здесь также есть и обычные граждане, которые узнали правду. Есть те, кто был просвещен. Мы неофициальная седьмая община... только у нас не нужно носить одинаковые цвета и заниматься одним делом. Мы не должны быть слепо приписаны к партнеру и жить жизнью, которую для нас выбрал Собек. Мы можем выбрать жизнь, которую хотим. У нас есть независимость.

Я ухожу к Зилли в сад, чтобы Кай не видел моего лица. Он понятия не имеет, насколько его слова тронули меня. Сначала я потеряла голубоглазого мальчика, а теперь человек, к которому я очень привязана, не хочет иметь ничего общего со мной. Даже не хочу думать, что со мной произойдет. Я останусь совсем одна. Анника и Рейн будут жить своими идеальными жизнями с предписанными партнерами, а я навсегда останусь Аномалией.

— Где Джenezис? — спрашиваю, отрывая помидор от ветки.

— Здесь. Мы все здесь, кроме Бертон и Блу, — отвечает Кай. — Никто не знает, где Бертон, а до Блу сложно добраться, так как она во дворце. Тадж считает, что она там в безопасности, но мне было бы спокойнее, если бы ее забрали оттуда.

Я вздрагиваю. Дело не в том, что я не хочу видеть Джenezиса, он славный парень, меня раздражает, что Кай, кажется, беспокоится о Блу. Я кладу помидор в рот. Моя злость сразу исчезает, как только липкая влага стекает по моей щеке. Это потрясающе. Я чувствую все спектры вкуса: сладкий сок, сладость семян и текстуру спелой кожицы. Я думала, что тот стейк в ресторане был вкусный, но он не имеет ничего общего с этим помидором, который бесподобен. Через грядку находится ряд разноцветных спелых перцев, которые аккуратно срезает девушка в высокой шляпе, широких брюках и пальто.

— Как это работает? Это нереально.

Кай улыбается.

— Здесь все возможно. Мы сами можем себя обеспечить. Еда из этого огорода может прокормить всех жителей Подземелья. Подумай об этом. На поверхности, даже после войны, экосистема загрязняется днями и ночами, ресурсы истощаются. Здесь же у нас двести акров плодородного огорода, который растет без почвы.

— Но как? Я имею в виду, вам нужны солнце и вода?

— Тадж запустила систему переработки воды.

— Кажется, Тадж может сделать все, что угодно, — отвечаю я, больше не заботясь о том, чтобы скрыть зависть. Злюсь на эту женщину, которую даже никогда не видела. Злюсь, что Кай так быстро стал неотъемлемой частью ее мира, а мой покинул.

— Да, она может. — Кай улыбается, не замечая моего раздражения. — И вода Тадж — чистая вода. Поэтому у нас есть постоянный источник пищи. Конечно, мы дополняем его едой с поверхности, но наша пища чистая, в отличие от всего, что сверху.

— Подожди. — Я немного начинаю раздражаться слепому повиновению Кая. — Я ела пищу с поверхности всю свою жизнь. Свежую рыбу, которую ловила в океане своими собственными руками, мясо с местных ферм, органические овощи, которые растут в Океанской Общине. Она натуральная.

Как только он, да и Тадж смеют говорить, что все, что я знаю — токсичное.

— Ты права, еда точно не загрязнена. Это благодаря Глобальному Управлению. Они научились избавляться от довоенных пестицидов, инсектицидов и химикатов. Еда точно не заражена. — Кай делает паузу.

— Так о чем ты тогда говоришь? — настаиваю я. — Что заражено?

— Вода. Собек загрязняет ее химикатами, делая нас уступчивыми и послушными, чтобы

мы приняли нашу судьбу.

— Это безумие.

— Ты права. Он безумен. Собек и его последователи подпитывались человеческой расой веками. Подпитывались нашими негативными энергиями и становились от этого сильнее.

— Это какая-то бессмыслица. Собек спас нас после войны. Он очистил океан.

— Нет. Он использовал Великую Технологическую Войну, чтобы сделать себя незаменимым и сделать нас такими, какие мы будем ему выгодны.

— Кто ему нужен?

— Рабы. Покорные рабы, кого он может подчинить, чтобы подпитываться.

Мой мир перевернулся. Все, что мне говорили — это ложь. Или может слова Кая неправда?

— Откуда ты это все знаешь? — Мне так хочется заплакать.

— Тадж.

— Почему ты веришь этой Тадж? Что делает ее такой особенной, что вы слепо ей верите, — я начинаю кричать, закатывая сцену. — Если ты говоришь, что Собек нас контролирует, сможешь ли ты это доказать? Сможет ли эта Тадж это доказать?

— Потому что эта Тадж может доказать это.

Восхитительная женщина выходит из толпы. Пока она скользит ко мне, я замечаю, что половина ее лица — это лицо красивой царственной женщины с угольно-черными волосами, а другая половина лица — это мерцающее серебро. Люминесцентное металлическое серебро, которое подчеркивается светло-сиреневыми глазами.

Еще нескольких секунд — и я теряю сознание.

***

— Я ЧТО?

Спустя неделю мучений в ЛМ-5, Каликс вернулся во дворец, а Сараю отправили домой. Он был уверен, что больше никогда ее не увидит. Девушка стала оболочкой прежней себя и больше не подходила на роль его жены. Собек заточил Каликса в пентхаусе, запретив общаться с друзьями или проводить время с мамой. Его быстро готовили к передаче власти, и Собек не хотел, чтобы его что-то отвлекало.

Первый пункт на повестке дня: раскрыть все факты Каликсу. Правду о его личности, правду о его происхождении.

— Ты Ляцэртилия. Подотряд инопланетной расы.

— О чем ты говоришь? — Каликс не унимался.

— Ты Лиэн, — просто ответил Собек.

— Хм, ну да. А ты обезьяна. — Каликс закатил глаза.

— Я говорю серьезно, сын. Ты высшая форма. Сильная форма. Ты живешь среди людей, но ты не один из них.

Каликс просто уставился на отца. Он был уверен, что это какая-то шутка. Собек уставился в ответ. Он был слегка удивлен реакции сына. Однако, это его вина, потому что, видимо, неправильно донёс мысль. Проницательность не была его сильной стороной.

— В общем, ты говоришь, что я не человек, — сказал Каликс.

— Да.

— Но я выгляжу, как человек.

— Да. Но ты можешь превратиться в свой настоящий облик Лиэна при необходимости.

Смех Каликса озадачил его отца.

— Настоящий облик Лиэна? Отец, я игрок в голографические игры, а не ты. Лиэны пришельцы, Ляцертилии... как бы ты их не назвал, они просто выдуманные монстры, с которыми мы с друзьями сражаемся в играх. Ты так стараешься быть крутым?

Собек, у которого не было чувства юмора, не мог понять насмешек сына.

— Нет, я не стараюсь быть крутым. Я честен.

— Да. То есть я огромный, страшный, надчеловеческий бессмертный монстр с другой планеты, который умнее и сильнее любого землянина?

— Да. — Собек начал терять терпение. Почему с его сыном так трудно?

— Докажи это, — легкомысленно бросил Каликс, выходя на балкон. Он встал на выступ, с которого открывался вид на Саббатикал-Сити. — Если я не человек, то это значит, что я бессмертный. И что случится, если я спрыгну?

— Ты умрешь от удара, — категорично ответил Собек, следуя за сыном на балкон.

— Но если я высшая форма, это разве не значит, что я могу жить вечно? — Каликс с легкостью прошел по краю, как по гимнастическому бревну. Ему нравилось ощущение опасности. Он поднял одну ногу, с трудом удерживая равновесие.

— Ты пересмотрел видео. Наша раса живет долго, но не вечно.

Каликс пошевелился, покачиваясь на шестидюймовой бетонной плите.

— Докажи это... Отец.

И впервые в своей жизни Каликс увидел, как его отец превратился в десятифутового Лиэна с металлическим блестящим телом, излучающим серебряное сияние. Светло-сиреневые глаза Собека неподвижно смотрели на сына, как будто подзадоривая его сделать следующий шаг.

И Каликс упал с балкона стоэтажного здания.

ГЛАВА 17

Я в замешательстве

— Что произошло? — Я моргаю несколько раз, пытаюсь понять, где нахожусь. Первое, что вижу, — это лицо Тадж, точнее ее нормальную часть. Она улыбается.

— Ты потеряла сознание. — Тадж склонилась надо мной. Она по-матерински убирает прядь волос с моего лица, и я внезапно вспоминаю маму Анники. Я отстраняюсь, не доверяя этой женщине... этому монстру.

Лежу на кровати, сделанной из переработанной древесины и оцинкованных труб, она накрыта одеялами из блестящего сатина, роскошного бархата и изысканного кружева. Пытаясь не смотреть на ужасное лицо Тадж, осматриваюсь. Я удивлена, что палатка красиво украшена внутри. Большая палатка со вкусом обставлена медными держателями для факелов, бронзовыми шкафчиками и несколькими сундуками. У одной стены разместился стол с откидной крышкой из темного дерева и витиеватый деревянный стул. У другой стены находится диван из темной кожи, на котором, свернувшись, спит Зилли, прижимая свой зонтик, словно мягкую игрушку. Металлический книжный шкаф занял место у последней стены. Он заполнен книгами, что редкость в нашем мире, где вся информация хранится на планшетах. Мне хочется потрогать бумагу и ощутить, что такое настоящая книга, ведь я никогда не видела их так близко. В палатке чувствуется индустриальная эстетика с приглушенными цветами, которые контрастируют с яркими металлическими предметами.

На стенах висят карты мира, существовавшего до Великой Технологической Войны и даже раньше. Они запрещены на поверхности, потому что Глобальное Управление

настаивает, что мир переродился, когда они пришли к власти, и нам нечему учиться у прошлого. Глобальное Управление диктует нам, что история — скорее помеха, чем помощь.

— Не хочешь выпить воды? — голос Тадж такой глубокий и хриплый, что я невольно смотрю на нее.

— Да, пожалуйста.

Даже сидя, Тадж выглядит очень высокой. Она величественна, а ее длинные черные волосы сверкают на фоне изумрудно-зеленого платья с корсетом, в которое она одета. На всех пальцах она носит украшения, а на левом запястье красуется золотой браслет с осьминогом. Ее походка такая грациозная и плавная, что создается впечатление, будто она скользит по поверхности.

— Уверена, что у тебя накопилось много вопросов. — Тадж передает мне медную кружку с прохладной водой. Я жадно пью.

— Где Кай? — интересуюсь.

— Снаружи. Он очень беспокоится о тебе, но я хотела, чтобы ты отдохнула.

— Тогда почему он снаружи, если она здесь внутри? — Я киваю в сторону спящей девочки.

— Потому что Кай подчиняется приказам. Зилли — нет.

Я в упор смотрю на Тадж. Меня не волнует, что она лидер революции. Меня не волнует, что она наполовину монстр.

— Я хочу его увидеть.

— Логично. — Тадж кивает Лаклану, который притаился на входе, почти слившись с декором. Он выходит и через пару секунд возвращается с Каем.

— Кива, я так беспокоился. — Он бросается к кровати.

— Я просто потеряла сознание, ничего серьезного, — отвечаю я с напускной бравадой. На самом же деле внутри я вся дрожу.

— Я никогда не видел, чтобы ты просто теряла сознание. В Лагере Монарха ты была очень сильной. Очень смелой. И когда ты так просто рухнула, я подумал... — он прервался.

— Что?

— Я подумал, что ты умерла.

— Не говори ерунду, — я выдавливаю смех. — Я просто никогда не видела человека, у которого половина лица, как у чудовища.

Тадж начинает смеяться позади Кая, ее смех такой звонкий и громкий.

— Ты имеешь в виду чудовище, у которого наполовину лицо человека. Я могу сбросить форму Лиэна, если тебе так станет проще.

— Станет. — Я не хочу быть грубой, но половина Лиэна действительно меня пугает. Этот светло-фиолетовый глаз. Есть что-то тревожное, когда смотришь в него. Как будто она видит меня насквозь. А мне это не нравится.

И тут она начинает менять облик: ее лицо меняет форму, и на смену серебру и фиолетовому глазу приходят черты красивой женщины. Не остается и следа от металлического создания. Появляется гладкая нежная кожа, зеленые глаза и улыбка с ровными зубами. Она прекрасна.

— Как ты это сделала?

— В моей семье все так умеют уже много веков.

— В твоей семье?

— В моей расе, — она поправляет себя. — Мы легко можем принимать человеческий

облик. Для нас это простое превращение, потому что мы похожи с вами физически. Возможно, мы немного выше и сильнее, но базовые функции у нас такие же. Самое большое отличие — это цвет глаз и сущность, которую мы не прячем внутри, а показываем снаружи. И все же мне следует начать с самого начала, верно?

— Насколько давно было начало? — спрашиваю я.

— Около десяти тысяч лет назад.

— Мы с Собеком приходим из расы Лиэнов, которая также известна как Лиэниукс, — Тадж начинает свой рассказ. Она наливает нам чай из медного чайника, и горячий напиток успокаивает меня, пока я слушаю эту странную историю. Мы сидим за самодельным столом, Лаклан положил скатерть на сундук, и мы все вместе пьем за ним чай. Для незнакомца мы выглядим как семья за полуденным чаем — мама, папа и их трое детей. Все выглядит очень миролюбиво, но это не так. Зилли пересела с дивана мне на колени. Я нерешительно попыталась прогнать ее, но она была непреклонна и не сдвинулась с места. Правда говоря, ее присутствие даже немного успокаивает, поэтому я протестовала не долго. Закончив разливать чай, Тадж садится и продолжает свою историю:

— Десять тысяч лет назад наш дом, Лиэниукс, погибал. Это была крошечная планета. У нас были очень сильно развиты технологии, намного больше, чем на этой планете даже сейчас. Но наша раса утрачивала силы. Наши энергии умирали от голода.

— Что? Энергии? — Я в замешательстве.

— Да. Наша раса питается энергией. Она дает нам жизнь... бессмертие. Но без энергии мы не выживем. И тогда у нас заканчивалась энергия для подкрепления. На нашей планете не хватало живых организмов, содержащих ее. Не достаточно экземпляров.

— Экземпляров? Ты имеешь в виду что-то вроде животных? Коров, кур?

— На нашей планете, да. Мы подпитывались животными и растениями. Но, как только мы обнаружили вашу планету, то стали подкрепляться и за счет людей. Вы намного питательнее... питательная пища. Когда мы нашли Землю — достаточно большую планету с множеством экземпляров, — мы начали питаться за ваш счет и процветать, а пятьдесят из нас выбрали для исследовательской поездки, в которую вошли Собек и я. Нас отбирали очень жестко: дети лидеров, мыслители и первооткрыватели. Двадцать пять представителей женского пола и двадцать пять представителей мужского пола. Каждый из нас был не старше тебя, Кива. — Тадж вздыхает, и кажется, что она поддалась ностальгии. Но это продолжилось всего пару секунд. — Мы не знали, что окажемся единственным кораблем, покинувшим Лиэниукс. Таким образом, Собек, я и наши выжившие сородичи попали сюда.

— Десять тысяч лет назад? — я едва произношу слова.

— Все верно. Когда мы поняли, что были единственными выжившими, нам пришлось пересмотреть нашу стратегию. Больше мы не были частью разведывательной миссии, мы должны были остаться здесь навсегда. Земля должна была стать нашим домом, но мы понимали, что не сможем просто так завладеть планетой. Это разрушило бы экосистему и баланс энергии. Нам пришлось ждать. Лиэны — очень терпеливая раса, и для нас десять тысяч лет значит даже меньше, чем десятилетие для вас.

Тадж замолкает, ожидая следующего вопроса от меня, но я молчу. Я в шоке. Этой женщине — этому созданию передо мной — больше десяти тысяч лет. Это кажется невозможно.

— Как самый старший представитель в нашей компании, Собек был назначен лидером. На самом деле, старше всего на две минуты. — И с намеком на отвращение Тадж добавляет:

— Ведь он мой брат-близнец. Но две минуты стали решающими в нашей ситуации. Мы все положились на него и поклялись в верности. Потом он научил нас, как поддерживать свою жизнь. Чтобы выжить, мы подпитывались от тех, кто был поблизости. Начали в Месопотамии, высасывая энергию из местного населения. Затем на несколько веков переместились в Египет, где питались энергией египетских рабов. Затем мы перебрались к коренному населению Африки. После этого в Азию и Южную Америку.

И хотя мы питались, этого было недостаточно для нашего существования. Нам была нужна власть. На самом деле власть нужна была моему брату, и ему удалось убедить четыре дюжины оставшихся в живых Лиэнов следовать за ним. Я сомневалась, но притворилась, что следую плану. Мой брат очень жадный. Также он нарцисс, и если он заостряет свое внимание на чем-то одном, то не видит остального. И это его слабое место. И когда он загорелся идеей доминирования, я начала медленно готовить сопротивление. Он не знал ничего об этом, так как у него были свои взгляды. Жадные до власти, остальные слепо следовали за ним. В конце концов, Лиэны не склонны к сочувствию. Это не в нашей природе, поэтому нам ничего не стоит использовать других в своих целях. Собек изложил свой грандиозный план: он знал, что если сможет выждать достаточное количество времени, когда все в нем станут нуждаться так, как он нуждается в них, то он сможет взять контроль над планетой в свои руки.

— Как диктатор, — вмешался Кай. — Муссолини, Сталин, Гитлер.

— Именно. Когда, несколько веков назад, у моего брата начался этот бред величия, я поняла, что человеческая раса в опасности. Возможно, из-за того, что я так долго жила среди вас, гуманоидов, некоторые человеческие чувства передались и мне. Поэтому я начала тайно готовиться. Задолго до того, как Собек спровоцировал Великую Технологическую Войну, я начала строить Лабиринт.

— Он начал войну? — Я не могу поверить в услышанное.

— Да. Именно мой брат поставлял новые технологии американцам, китайцам и русским. Он сраивал их между собой, что неминуемо привело их к алчности и желанию того, чего у них не было. Он настраивал их и манипулировал ими, что, в конечном счете, послужило причиной каждой стороне нажать на соответствующую кнопку. — Она засмеялась. — На самом деле, потребовалось не так много сил. Несколькими десятилетиями до этого Собек продвинул Лиэнов на руководящие должности.

— Подожди, то есть американский президент и русский президент...

— И президент Китайской Народной Республики, — добавила Тадж. — Все Лиэны. А точнее, мои кузины и кузены. Поэтому они без труда убедили свои народы. Мой брат очень умен. Ненормальный, но умный. И его план сработал. Три ядерные бомбы были запущены, что привело к таянию ледников и затоплению большей части поверхности Земли. И тогда вмешался Собек.

— Заставив всех зависеть от него. — Я, наконец, начала понимать.

— Нет ничего лучше, чем создать проблему, решение которой есть только у тебя. Собек доработал Третьи, чтобы соединить выживших людей с Лиэнам, затем показал наши продвинутые технологии, чтобы предотвратить болезни, и разделил мир, чтобы помешать обострению противоречий, и... — Ее голос задрожал.

— Что? — Я в равной степени испытываю отвращение и восхищение нарциссизмом и коварством Собека.

— Он нашел способ сделать людей послушными.

— Но как?

— Тут два аспекта, — продолжила свой рассказ Тадж. — Он загрязняет воду тем, что сам называет безвкусным раствором фтора, который якобы полезен для вас.

— Так и есть, — говорю, чувствуя себя идиоткой. — Он важен для крепких костей и зубов.

Я понимаю, насколько глупо это звучит.

— Мой брат хочет, чтобы вы так думали. На самом деле, это химикат, помогающий людям расслабляться и покоряться. Он также блокирует и обездвиживает эпифиз, а это приводит к блокировке связи между физическим миром и духовным.

Мне очень сложно переварить всю эту информацию. Всю свою жизнь я провела в воде, и теперь я узнаю, что она токсична. Вода, которую я пью, в которой плаваю и принимаю душ, которую использую для приготовления еды — вся эта вода отравлена. Я думаю, нет, я очень надеюсь, что второй метод, который использует Собек для контроля над людьми гуманнее.

Но я ошибаюсь.

— Второй способ управления, — продолжает Тадж, как будто прочитав мои мысли. — Изобретенная система предписанных партнеров, когда люди начинают зависеть друг от друга. Он воздействовал на ваш вид так, что вы начинаете считать, будто не сможете существовать без другого человека.

— Я могу существовать без Дженезиса.

— Ты так думаешь, потому что вы с Дженезисом не были предназначены друг другу. Твой предписанный партнер — Дориан.

— С большими голубыми глазами? — Тот мальчик, который постоянно мне снится.

— Да. Дориан умер, когда вы были в Лагере Монарха. Его маленькое тело не выдержало издевательств Заступников Собека. Однако большинство выдерживают. Но он был слишком слабый. Если бы он выжил, то, скорее всего, вы были бы воссоединены и стали бы зависимы друг от друга.

— Каким образом?

— Мой брат использует посттравматическую технику контроля сознания на маленьких детях, чтобы они переполнялись страхом и чувствовали себя неполноценными без присутствия и объятий своего партнера. Питаясь их страхом, он становится сильнее, а чувство неполноценности с самого раннего возраста позволяет ему контролировать их лучше.

Я вспоминаю про Аннику и Рейн. Тадж точно смогла описать, что с ними не так. Мои подруги стали лишь оболочками прежних себя, потому что перестали верить в себя.

— Если он питается энергией, то почему берет ее только из страха? — спрашиваю, пытаюсь проигнорировать воспоминания, где я подвешена вниз головой и кричу.

— Почему нельзя сделать это более радостным?

— Можно. Мы можем подпитываться любыми эмоциями: гневом, счастьем, грустью, нежностью, отвращением или страхом.

— Тогда почему вся система Лагеря Монарха построена на страхе?

Тадж улыбается.

— Если кратко: то страх вкуснее.

— Это отвратительно.

— Как бы это ни было, но так оно и есть. Нет ничего вкуснее, чем страх невинных

людей, потому что ваши чувства ужаса такие настоящие. Как только ты попробовал икру, ты больше не захочешь есть тунца. — Тадж замолкает, чтобы я поняла аналогию.

— Но Зилли, — начинаю я, чувствуя, как девочка шевелится у меня на коленях.

— Зилли никогда не была в Лагере Монарха. Частью революционного плана также является попытка спасти как можно больше детей от этих издевательств. Прежде всего, особенных детей. Забрать их из семей до того, как им установят чип.

— В чем разница между особенным ребенком и обычным?

— Лиэны и люди скрещивались на протяжении веков. Кровь потомства разбавлена: гены Лиэнов рецессивные, и у большинства детей обычный ДНК. Однако у единиц доминирует ДНК Лиэнов, что дает им врожденную силу, большую, чем у самих Лиэнов.

— Если это так, то что происходит с такими детьми? — Я вскакиваю, толкая Зилли на пол.

— Ааай, — хнычет она.

— Извини. — Я помогаю ей встать, не отводя взгляда от Тадж. — Что происходит с особенными детьми? — уже почти кричу. Я еще никогда не была так близко, чтобы найти мою сестру. Чтобы найти Сан.

— Их распределяют по безопасным местам по всему миру. Их растят, обучая верить в себя, сражаться за себя и думать за себя.

— Но вы забираете их у родителей.

— Разве? — Тадж колеблется долю секунды. — А может родители изо всех сил пытаются меня разыскать, чтобы просить спасти их детей?

— Где моя сестра? — Я хватаю Тадж за горло, не осознавая, что делаю. За пару секунд ее лицо трансформируется в форму Лиэна, и раздвоенный язык, как оружие, высовывается изо рта, с силой отталкивая меня. Я осматриваюсь. Лаклан обнажил меч, готовый защищать свою Королеву. Зилли нацелила на меня свои острые звезды. Даже Кай направил кинжал к моему сердцу. Я так и слышу их мысли: она опасность, которую нужно нейтрализовать.

Я удивлена их преданностью этой женщине. Этому созданию. Только Тадж не поднялась с места, ее лицо снова приняло человеческую форму.

— Успокойтесь все. Все хорошо. — Она поворачивается ко мне. — Кива, я не враг.

Смущенная, я сажусь назад.

— Твоя сестра в безопасности. Как и всегда была. Твои родители доверили ее революции. Мы нуждались в ней.

— Зачем? Почему вы ее забрали? Я тоже нуждалась в ней.

— Кива, то, что сейчас происходит с этой планетой, намного больше, чем просто ты и я. Постоянным пыткам подвергают не только детей. План Собека не ограничивается пятилетками. Он проводит эксперименты и с теми, кто находится на другом конце возрастного диапазона. Собек крадет энергию у стариков, инвалидов и психически больных людей. Когда гуманоид становится слишком старым или больным, Собек искусно вступает в дело. Все дома престарелых контролируются сотрудниками Собека. Подумай об этом, Кива. Почему мы больше не встречаем пожилых людей? Потому что, когда они близки к смерти, их собирают и отвозят на виллы для престарелых, чтобы там заботиться о них? Заботиться ли? Это больше похоже на санкционированное правительством игнорирование. В этих вилах люди Собека могут гораздо проще потреблять жизненную энергию, так как старые люди умрут в любом случае. Как ты думаешь, почему так много людей болеют деменцией? Потому что Собек высасывает их рассудок до конца. Он делал это веками.

Я вспоминаю, как на вилле для престарелых умер дедушка Анники. Он ничем не болел, но я видела, как его рассудок покидал его. Хотя для этого не было никаких причин. Его тело было абсолютно здоровым. Он просто был стар. Никто не задался вопросом о причинах потери памяти — все просто приняли это, как должное. Я до сих пор помню, как был украшен дом — во всех комнатах были нарисованы крошечные бабочки.

Бабочки были и на каждой кровати.

— У нас есть выбор, — продолжала Тадж. — Мы можем оставаться в незнании, позволив Собеку покончить с человечеством, или мы можем пробудиться и дать отпор. Если ты хочешь найти свою сестру — я не стану тебя останавливать. Лаклан поднимет тебя на поверхность, и ты сможешь пойти туда, куда пожелаешь. Если же ты захочешь остаться, то тебя придется перепрограммировать, чтобы ты, наконец, поняла, в каком обмане жила. Только так ты сможешь пробудиться. Здесь внизу все прошли через это. Они приняли правду и готовы сражаться. Готовы к нашему восстанию. Вопрос в том, готова ли ты, Кива?

***

СОБЕК СПАС ЖИЗНЬ СВОЕГО СЫНА.

Это было не в первый раз и будет не в последний. Благодаря молниеносной реакции, он схватил сына за щиколотку, а сверхъестественная сила помогла ему поднять его вверх, в безопасность. Когда Каликс перевел дух, он заставил отца все ему объяснить.

— За много веков до того, сын, как ты был рожден, наша планета умирала, — начал Собек. — Лиэниукс была выдающейся планетой, более технологически продвинутой, чем Земля. Однако на земле было то, чего у нас не было — это гуманоиды. Наша раса умирала, потому что у нас не было разнообразия. Были только Лиэны. Все были одинаковыми, и нам было не от кого подпитываться. Наши энергии умирали от голода.

— Энергии? Отец, ты серьезно?

— Абсолютно. Мы потребляем энергии и ауры других видов. Чем сложнее вид, тем ценнее пища. Поглощение энергии дает нам достаточное пропитание, чтобы выжить. А Лиэниукс умирал: на планете заканчивались организмы, за счет которых мы могли бы питаться. Поэтому мы нашли эту планету, планету, полную людьми, — слабыми созданиями, чьими аурами мы могли бы полакомиться. Мы с сестрой прибыли сюда.

— У тебя есть сестра? — Каликс был в шоке. Он не знал, что у него есть тетя.

— Моя близняшка Тадж. Однако мы не совсем сходимся во взглядах. Примерно десять тысяч лет назад мы прибыли сюда с выжившими представителями нашей расы.

— Десять тысяч лет назад?

— Примерно. Плюс-минус десятилетие. Когда мы прибыли, то поняли, что являемся более развитым видом, однако, если бы мы сразу захватили планету, то это разрушило бы экосистему и пирамиду власти. Поэтому нам пришлось выждать, пока не представится возможность мирового господства. Выживать было несложно. Было достаточно расходного материала. Перенаселение было во многих странах, поэтому высасывание энергии из низших классов было легкодоступным. Мы охотились на людей, чьи разумы никто не стал бы искать. Мы путешествовали по Египту, Африке и Южной Америке и становились сильнее.

— Но как? — не выдержал и перебил Каликс.

— Как мы кормимся? — Собек улыбнулся, пораженный глупостью сына. — Мы просто максимально близко подходим к нашей жертве и вдыхаем.

— То есть вы просто вдыхаете их энергии?

— Их ауры. Да. — Собек начал злиться из-за непонимания потомка. — Вникай, сын.

Это несложно. Мы вдыхаем, а наши ауры делают остальную работу. Что-то вроде электромагнитного взаимодействия. У каждого есть аура — невидимое поле легкого светящегося излучения. Лиэны же видят ауру, поэтому, когда мы концентрируемся и вдыхаем, то способны поглотить достаточное количество энергии для пропитания. Конечно, чем мы моложе, тем труднее нам управлять своей силой, и иногда она выходит из-под контроля. — Собек вздохнул. Он думал, что обучение его сына будет проходить намного легче; теперь же ему пришлось замедлиться. Он наклонил голову и пристально посмотрел на Каликса: — Помнишь, когда вас с Сараю связали вместе?

— Это было на прошлой неделе, отец. — Каликсу пришлось прикусить внутреннюю часть щеки, сдерживая гнев. Он никогда не забудет издевательства. Он никогда не забудет процесс, который высосал энергию и личность из его предписанного партнера.

— Хорошо. Задавался ли ты вопросом, почему, когда вы были связаны вместе, она становилась слабее, а ты сильнее?

— Нет... я... — В голове все начало кружиться. Где-то глубоко внутри он знал горькую правду, но не хотел ее принимать. Тогда его отец громко озвучил ему ее:

— Ты выкачивал ее энергию, сын. Ты питался ею, — громко заявил Собек.

— Я не хотел, — закричал Каликс в ужасе от того, что он был причастен к слабости Сараю.

— Нет, конечно, — прочеканил Собек, произнося каждое слово с отвращением. — Никто не умеет контролировать их энергии, когда он молод и не натренирован. Но я научился справляться, так что и ты сможешь тоже. Так, ладно, на чем я остановился?

— У меня есть пара вопросов, — не останавливался Каликс.

— Конечно. Но мне нужно сначала рассказать тебе все до конца. Урок истории, так сказать. Итак, когда мы питались, я начал понимать, что этой планетой будет легко управлять. Мы сможем использовать других в наших целях. Я разработал грандиозный план: я создам ситуацию, в которой гуманоиды будут нуждаться в моих знаниях так же, как я нуждаюсь в их энергии. Я организую такие условия, в которых они будут умолять меня взять контроль над всей планетой.

— Как диктатор? — с презрением спросил Каликс.

— Зачем же такие грубые слова? — Собек не стал ждать ответа: — Так вот, когда я начал Великую Технологическую Войну...

— Ты?

— Виновен, — Собек позволил себе слегка ухмыльнуться. — Я поставлял новые технологии американцам, китайцам и русским. Я ловко натравливал их друг на друга, манипулировал ими, нашептывая им разное. Их лидерами уже были Лиэны, и они помогали мне обрабатывать остальных. Мы обещали им власть, недоступную им даже в самых смелых мечтах, если они станут единственными владельцами моих технологий. Их кабинеты, комитеты и политбюро полностью поддерживали своих лидеров, когда они нажимали соответствующие кнопки. И, когда ядерные реакторы взорвались, растопив полярные льды и затопив половину планеты, я великодушно вмешался.

— Заставляя всех зависеть от тебя. — Каликс начал все понимать.

— Первое правило в предводительстве: создай такую проблему, чтобы ты стал единственным, к кому люди обратятся за решением. Поверь мне, сын, люди, которые продают лекарства — это те же люди, которые создали болезни. Я снова отвлекся. Я доработал Третий — чип, позволяющий мне связать людей с Лиэнами. И, как новый

благодетель планеты, я великодушно дал гуманоидам передовые технологии для предотвращения болезней, а затем установил несколько систем, чтобы обеспечить полное сотрудничество людей.

— Какие системы?

— Я обогатил воду безвкусным раствором фтора, который делает их послушными, и...

— Отправил их в Лагерь Монарха для пятилеток. — Каликс закончил мысль своего отца.

— С тобой еще не все потеряно, сын. Да, я создал новаторскую постравматическую технику контроля сознания, позволяющую нам не только питаться страхом маленьких гуманоидов, но и разрушает их чувство собственного Я. Они чувствуют себя неполноценными, если рядом нет их предписанного партнера. Поглощая их страх, я становлюсь сильнее, а, укореняя в них чувство неуверенности, мне легче ими управлять.

— Почему это должен быть именно страх? — спросил Каликс, вспоминая ужас в глазах Сараю.

— Все просто. Страх вкуснее.

ГЛАВА 18

Ярываюсь от противоречий

Мне нужно найти Сан. Но сначала нужно заслужить доверие Тадж и стать частью революции. Разве я могу иначе? Собек — монстр, а я теперь одна из немногих граждан, знающих о его гениальном плане. Из-за того, что я Аномалия, я устойчива к его контролю над разумом. Поскольку связь с моим первоначальным предписанным партнером была разрушена его смертью, я не чувствую себя сломленной без него. Я свободная личность. Я сама могу о себе позаботиться. Моя сестра ждала меня все эти одиннадцать лет, поэтому я уверена, что она сможет еще немного подождать. Плюс, единственный способ попасть в Подземный Город — это быть перепрограммированной. Цитирую Тадж: я должна заново пробудиться. Только это не так легко, как просто сдать тест или послушать лекцию. Мне не нужно будет поднимать над собой руку и клясться в верности восстанию. Как и все люди из Лабиринта до меня, я буду переучена. Пробуждена. Перепрограммирована.

И для этого применяются иглы.

— Не переживай, это не больно, — успокаивает меня Лаклан. Мне понадобилось немного времени понять, что он входит в узкий круг доверенных лиц Тадж. Ее заместитель. Нежный голос Лаклана противоречит его настойчивости, с которой он ведет меня за собой от палатки Тадж через обширную палаточную деревню к большому шатру в толстую черно-красную полосу вдалеке. Я иду медленно, боясь того, что меня ждет. Не обращая внимания на мой ужас, Зилли скачет за нами, напевая. Чувствую себя клоуном в цирке, маршируя в этом странном строю. Лаклан, потом я, затем Зилли. Проходя мимо палаток, специально смотрю вдаль, чувствуя взгляды революционеров. Они шепчутся между собой, и от этого я краснею. Теперь у меня не только огненные волосы, но и лицо. Кажется, я похожа на помидор. Мне не нравится быть в центре внимания. А хуже этого только то, что я чувствую себя лишней.

Куда бы я ни пошла, везде я чужак. Мне кажется, что я была такой всю свою жизнь, просто не признавала этого до сегодняшнего дня. Что-то всегда было не так. Да, Анника и Рейн были моими лучшими подругами, но я все равно чувствовала себя другой. Возможно из-за моей сестры. Может быть, я чувствовала, что во мне что-то не так, и из-за этого не могла понять, кто я и кем должна быть. Я помню, когда тот мужчина в тюрбане,

Харидживан, забрал мою сестру, он сказал мне смотреть внутри себя, чтобы найти правду. Однако я еще ни разу не делала этого. Может я слишком боялась найти то, что находится внутри меня.

Я так отчаянно пыталась быть как все, что игнорировала то, что помогло бы мне выделяться.

Проходя ряды палаток, чувствую ужасную зависть. Это еще одно место, где люди чувствуют себя на своем месте. Все, кроме меня. Как и в Лагере Монарха — я изгой. Интересно, я теперь всегда буду Аномалией, аутсайдером в сообществах, где каждый находит свое призвание. Даже Каю здесь комфортно. Мне не нужно было приходить. Я хочу исчезнуть, но негде спрятаться. Маленькая ручка берет меня за руку. Зилли поднимает голову, смотрит на меня и улыбается. Маленькая девочка странным образом постоянно успокаивает меня своим присутствием. Она принимает меня такой, какая я есть, без осуждений. Я чувствую нежное одобряющее пожатие и отвечаю ей тем же.

Но только мы подходим к передней ширме большой полосатой палатки, Зилли быстро меня обнимает и скачет прочь. Я медлю перед входом довольно комично выглядящей палатки, которая находится вдалеке от остальных, коричневых и зеленых. Должно быть, эта была частью древнего цирка, в котором животные выступали перед людьми. Лаклан открывает дверь и зовет меня внутрь. Делаю глубокий вздох и вхожу.

Внутри все пространство палатки от пола до потолка заполнено компьютерами. Вся стена представляет собой смесь мерцающих голограмм, показывающих видео со всех уголков земли. Вот около пирамид стоит мужчина. А здесь женщина плывет по Большому барьерному рифу. Я вижу огромное количество людей и мест. Девушка, следящая за всем этим, поворачивается и быстро подходит ко мне.

— Добро пожаловать, Кива. Как дела? Мы были заняты, пока ждали тебя. Я Холли, рада познакомиться с тобой. — Ее приветствие звучит нараспев, а сопрано так высоко, что я едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться.

— И не забудь про меня, я Иви. Я близняшка Холли, рада встречи. Приступим сразу к соли? — пропевает другая девушка. У нее очень высокий голос. Я смотрю на их странный дуэт и замечаю, что они одинаковые. У них карие глаза, седая короткостриженная прическа боб и орлиные носы. Обе женщины одинаково одеты: большие, похожие на повязки окуляры и длинные коричневые пальто, на которых белой краской напечатано «Лабораторные крысы».

— Что это значит? — Показываю на их спины. Я тяну время. Пытаюсь завязать разговор, потому что застыла от страха перед тем, что должно сейчас произойти.

— Немного научного юмора, — посмеивается Лаклан. — Это сестры Илекс. Они организуют твое маленькое «пробуждающее» приключение.

— Приключение. Класс, — отвечаю без особого энтузиазма и осматриваюсь вокруг.

Кроме компьютеров единственная мебель в палатке — операционный стол — холодная, твердая, блестящая, металлическая плита в центре комнаты. И Лаклан ведет меня прямо к нему. Одна из сестер, Холли или Иви, я уже запуталась, кто из них кто, подготавливает довольно длинный шприц, заполненный янтарной жидкостью, в то время, когда ее близняшка постукивает по неудобному столу, предлагая мне запрыгнуть на него.

— Это очень большая игла, — я начинаю паниковать. Не люблю иглы.

— Все хорошо. Давай не будем тянуть, — мягко пропевает она, помогая мне забраться, а затем пристегивает мои руки и ноги тугими кожаными ремнями. — Это всего лишь

успокоительное, чтобы уснуть. Синяков не останется, даже чуть-чуть.

Это настоящая женщина? Если бы ситуация не была такой ужасной, то была бы просто комичной. Я со всех сил стараюсь не смотреть на иглу, смотря в потолок палатки, который представляет собой лабиринт из медных труб, удерживающий брезент сверху. Мне нужно успокоиться, поэтому представляю, что плыву мимо труб. Но мои мысли прерывает мелодичный женский голос:

— Без сомнения, это тебя освободит. — Она кладет мне под шею подушку и откидывает голову назад. — Верь мне, все будет хорошо, ты просто захочешь поспать.

— Мне бы только знать, что это такое, — отвечаю с горечью, пока вторая сестра закатывает мой рукав и туго затягивает жгут около локтя, затем находит вену и вводит в нее иглу.

— Всего лишь маленький укол, ты не почувствуешь, — поет она. Ее голос становится все ниже.

Я даже не успеваю испугаться. Все происходит слишком быстро.

А сестры Илекс продолжают петь. Все быстрее и страннее. Их голоса становятся заметно ниже. Почти демоническими.

— Засыпай, — поет Холли. — Не вставай.

— Ты уснешь, — подпевает Иви. — Не пропадешь.

Пытаюсь подняться, но ремни держат крепко, что не могу даже пошевелиться. Я передумала. Я хочу уйти. А сестры поют все быстрее и быстрее.

— Вернись назад.

— Увидь весь ад.

— Ты все поймешь.

— Себя обретешь.

— И станет раскрыто все то, что было сокрыто.

— Я хоч... хо... — Я смотрю на Лаклана, пытаюсь связать буквы в слова, но мой язык такой тяжелый, что ничего не выходит. Эти поэтессы сумасшедшие. Почему я согласилась на это все?

— Расслабься, Кива. — Лаклан выглядит обеспокоенными, даже очки не скрывают этого. Он уже был там, куда иду я. Он знает весь ужас, который меня ждет. — Это поможет тебе вспомнить. Чтобы идти вперед, нужно отойти назад.

Не думаю, что непонятная сыворотка и ужасная колыбельная помогут мне что-нибудь вспомнить, но этот безумный день заставил меня поверить, что все возможно.

— Я... я... — Перестая сопротивляться, закрываю глаза и засыпаю, видя множество снов.

Я верчусь круг за кругом, подвешенная к сводчатому потолку вниз головой, и наблюдаю, как мир крутится вокруг меня. Закрываю глаза, потому что кружится голова, и зову на помощь, но никто меня не слышит. Неподалеку стоят взрослые, высокие люди в идеально выглаженной черной форме, но они смеются и не обращают внимания на мой плач. Пытаюсь пошевелить руками, чтобы остановиться, но они прижаты к телу и обмотаны шелковыми нитями, как будто я в коконе. В ужасе открываю глаза, и мой взгляд останавливается на нем. Его зовут Дориан. Он сказал мне это во время обеда. Он отдал мне свое печенье. Дориан умный, он уже умеет читать на планшете своего старшего брата. Он высокий, прямо как я, но очень, очень худой. Когда я смотрю в его голубые глаза, то чувствую себя сильнее. Лишь один его вид заставляет меня взять себя в руки. Он будет рядом

со мной. Он меня защитит. И хотя я не могу остановиться, знаю, что я в безопасности.

Но Дориан начинает плакать. Боль становится для него невыносима. Я вижу, как руки душат его, большие руки. Смотрю на того, кто мучает его. Это Клаудия Дюрант. Она улыбается, когда поглощает его страх. Вижу, как она вдыхает его жизненную силу, которая покидает его. Я чувствую, как начинают душить меня, это ужасная пытка, но я знаю, что если сфокусируюсь на Дориане, то все будет хорошо. Но маленькое тело Дориана безжизненно. Что-то пошло не так. Руки, сжимающие меня, отпускают и спешат к Дориану. Они бьют его в грудь, пытаюсь оживить, но он уже мертв. Стараюсь не плакать, оставаться спокойной, чтобы меня не заметили и не убили.

Меня спускают вниз, и большая рука накрывает мою, ведя меня назад в хижину. Они думают, я хожу во сне. Но я в сознании. На самом деле я чувствую себя сильнее, сильнее, чем при жизни Дориана.

Большие руки укладывают меня на нижнюю кровать в хижине номер четыре. Открываю глаза и вижу спящую Рейн на соседней кровати. Мне не нужно видеть Аннику, я слышу, как она сопит на втором ярусе над Рейн. Нам по пять лет, и нас постоянно подвергают пыткам. Я вижу, как большие руки поднимают Рейн. Теперь ее очередь быть подвешенной с ее предписанным партнером Эдвардом, который тоже из нашей общины. Их свяжут вместе и подвешат вниз головой, выкачивая их энергию, как бензин, чтобы насытить людей Собека.

Хочу предупредить Рейн, но каким-то образом понимаю, что сплю. После Рейн пытать будут Аннику и каждого мальчика и девочку из Смены Летнего Солнцестояния в Лагере Монарха. Днем мы играем, бегаем и плаваем. Ночью нас пытаются в каменном здании. Мы часть операции ЛМ-5. Все переживут это испытание, все, кроме семи человек. Как и я, несколько человек также потеряли своих предписанных партнеров. Кай Лорен и Дженезис Крафт так же были помечены, как Аномалии.

Через десять лет наши имена и имена еще четырех подростков, будут объявлены Клаудией Дюрант — монстром, ответственным за убийство наших партнёров десяти годами ранее.

Внезапно открываю глаза, шокированная этой информацией. Я вижу Лаклана и сестер Илекс, которые смотрят на меня. Хочу рассказать, но у меня не получается.

— Шшшш, Кива, расслабься, — произносит Лаклан. — Иви, ей нужна еще доза.

Иви. Это имя одной из близняшек Илекс. Иви и Холли.

Я отключаюсь.

Теперь я в океане. В моем океане. Я плыву. Сегодня я пойду к папе на Опреснительный Завод. Сейчас он занят, поэтому я решила поплавать. Прямо под тщательно охраняемым заводом на глубине нескольких миль расположился лабиринт труб. Я знаю, что эти трубы из записной книжки моего отца, но теперь я смотрю на них под другим углом. Я рассматриваю их, как птица, с высоты. Теперь я знаю, где находится сердце всего механизма. Это углеродная камера с красной крышкой на рисунках отца.

С самого детства я плавала между труб, пытаюсь оставаться под водой как можно дольше. Обычно я здесь одна, но сегодня со мной несколько мужчин, они что-то чинят в трубах. Я подумала, что это коллеги моего папы. Подплыв поближе, я вижу, что они одеты не в предписанный нам синий цвет. Вместо этого на них цвета Заступников. Что они здесь делают? Подплыв еще ближе, замечаю черные перепончатые ласты и дыхательные трубки.

Рабочие очень заняты: они плавают то туда, то сюда и заливают какую-то жидкость в углеродную камеру — ту, с красной крышкой. Зачем они это делают? Подплываю ближе и

теперь могу разглядеть, почему они так быстро плавают. Их окружает черная аура — сияющая энергия, которая позволяет им двигаться так быстро под водой. Она окутывает их и толкает вперед. Я смотрю в их маски, но за ними вижу не лица, а металлические головы с фиолетовыми глазами. Они не люди. Один из них замечает меня, и я бросаюсь прочь. Он пытается догнать.

В этом лабиринте есть одна секция, где трубы находятся плотнее и между ними сложнее пробраться. Если я смогу добраться туда, то смогу оторваться. Успеваю доплыть, моя голова и худощавое тельце едва пролезают между труб. Лиэн прямо за мной. Он плывет ко мне. Его голова проскальзывает между труб, а тело нет. Он застрял. Он кричит, но я не помогаю. Где-то с минуту он пытается выбраться, но кислород в его легких заканчивается. Он перестает шевелиться. Он мертв.

Я моргаю, я должна проснуться. Это путешествие в альтернативную реальность по дорогам моей памяти, одновременно информативное и ужасающее. Я подавила в себе воспоминания об этом мужчине, который утонул. С тех пор я больше никогда не подплывала к трубам. Но это произошло. И это травмировало меня. Я должна рассказать Тадж, что видела; но тут я чувствую еще один укол, который уносит меня в то время, которое я всегда хотела забыть, и о котором всегда хотела помнить.

Крик пронзает утренний морской воздух. Мама должна родить мою сестру лишь через несколько часов, но я чувствую, что ребенок вот-вот появится на свет.

Голоса внутри моей головы советуют мне поторопиться, потому что я успею только мельком увидеть мою сестру прежде, чем ее заберут. Пройдет больше десяти лет до того момента, когда я вновь её увижу. Стоны становятся громче, когда я приближаюсь к дому. Первое, что я вижу, когда открываю деревянную дверь — моя мама, лежащая в луже крови в постели. Ее глаза закрывает незнакомый мужчина в белой одежде и большом тюрбане.

Моя мама мертва. Крошечная светловолосая девочка тихо лежит рядом с ней, не понимая, что происходит вокруг. Мой отец, моя непробиваемая скала, сидит на полу около трупа моей матери. Он плачет.

— Мама. — Мой голос надломлен. Моя жизнь кончена.

— Ты должна слушать свое сердце, Кива, — предупреждает тихо незнакомец в тюрбане и притягивает меня ближе, чтобы я лучше могла расслышать его голос с акцентом. Инстинктивно понимаю, что он хороший человек. Мудрый человек.

— Зачем?

— Пойми, Кива, придет время, когда тебе предстоит спасти мир. И это будет нелегко, потому что порой тебе придется жертвовать чем-то важным во благо большего.

— Вы имеете в виду, спрятать мою сестру?

— Да, если мы сможем спасти ее от установки Третьего, она сможет помочь нам в будущем.

— Но я смогу с ней видеться?

— Долгое время нет. Однако она будет в безопасности. Я обещаю, что буду оберегать ее. Когда ты будешь готова, будешь просвещена, ты узнаешь, куда идти.

— Как я узнаю?

— То, ради чего мы путешествуем по миру, обычно находится у нас под носом. И когда ты будешь готова, маяк озарит тебе путь к твоей Сан.

Я еще не полностью проснулась. Но я, кажется, знаю, где моя сестра.

***

ЖИЗНЬ, КАКОЙ ЗНАЛ ЕЕ КАЛИКС, больше не существует.

Теперь, когда он был посвящен в секрет его наследия, теперь, когда он узнал, что его отец был ответственный за тайное использование людей на протяжении десяти тысяч лет, ему нужно было решить, что делать дальше.

Отец отказывался обсуждать его сестру Тадж. Возможно, если он найдет свою тетю, она сможет рассказать ему обо всем с другой стороны. Но Собек не собирался знакомить их и предупредил, что она очень опасна. Опасна? Каликс был заинтригован, чего может бояться мировой лидер.

Собек понимал, что его сын сомневается. Что он недостаточно предан. И, как непревзойденный кукловод, он знал, как переманить его сына на правильную сторону. На его сторону.

На сторону власти.

ГЛАВА 19

Я пробудилась

Первое, что я хочу сделать после получения своих скрытых воспоминаний, — это выбраться отсюда.

Мне нужно к лифту. Мне нужно на поверхность. Думаю, что знаю, откуда мне стоит начать искать свою сестру, и я больше не могу терять время в Подземелье. Я должна найти Сан. Но Тадж четко дала понять, что как только меня перепрограммируют, я должна буду остаться в Лабиринте и пройти обучение прежде, чем подняться наверх. Мне нельзя уходить. Сначала мне нужно привить революционное мышление, а все, что говорит Тадж, — это закон.

Это наводит меня на мысль, не убежала ли я от одного диктатора, чтобы попасть под власть другого.

И все же я хочу попытаться. Проснувшись после перепрограммирования, я притворилась, что сплю. Сестры Илекс болтали без умолку о всяких мелочах своими рифмами на распев, пока, наконец, не решили пойти поужинать. Оставшись одна, я медленно выбралась из палатки и направилась к лифту. Главная улица Лабиринта пуста — все революционеры в обеденной палатке. Кратчайшим путем я добираюсь до лифта, настроенная на то, чтобы уйти. Жаль, что я не могу попрощаться с Каем, но мне нужно найти сестру. У лифта понимаю, что не знаю кода, чтобы открыть двери.

Чтобы войти. Чтобы подняться. Чтобы выйти.

На голографической клавиатуре цифры и буквы. И у меня нет ни малейшего представления, что вводить. Расстроенная, я нажимаю пару кнопок. Но ничего не происходит.

— Тебе нужен код, — обращается ко мне чей-то голос.

Я оборачиваюсь. За моей спиной стоит Зилли.

— Как ты... что ты тут делаешь? — бормочу я.

— Я шла за тобой, — отвечает она, как ни в чем не бывало. — От палатки.

— Зачем?

— Потому что ты должна спасти человечество.

— Послушай, Зилли. Я правда хочу, чтобы ты перестала говорить мне об этом. Мне кое-куда нужно.

— Куда?

— Кое-куда.

— Тебе нельзя уходить. — Зилли начинает дуться.

— Я должна.

— Это не по плану.

— План поменялся, — я начинаю злиться. — Какой код?

— Я тебе не скажу. — Зилли скрещивает руки на груди.

— Зилли, пожалуйста. Я должна найти свою сестру. Она твоего возраста и ей нужно обрести семью.

— Это моя семья, — упрямо говорит Зилли. — И ты должна помочь нам.

— Я не могу. Мне нужно идти.

— Но я не хочу, чтобы ты уходила.

Прежде я никогда не спорила с ребенком. В их утверждениях нет логики. Я наклоняюсь к ее лицу:

— Зилли, послушай. Мне нужно идти, это очень важно. Обещаю, что вернусь и приведу тебе подругу. Примерно твоего возраста.

— Откуда мне знать, что ты вернешься? — Зилли надувает губы.

В ее словах есть смысл. Я и сама не знаю, хочу ли я возвращаться сюда. Но без ее помощи я не могу использовать лифт, а она слишком мала, чтобы убедить ее в чем-то. Вспоминаю постоянные стычки Рейн с ее младшим братом. Единственным способом, которым ей удавалось получить то, что она хотела, — подкупить его. Но мне нечего отдать, кроме...

— Зилли, а что если я дам тебе что-то особенное. Что-то, что значит для меня так много, что я точно вернусь за этим. — Я смотрю на свое запястье. Бандана, которую мне повязал отец, все еще на месте. Она придает мне сил и память о нем. Развязываю ее и обматываю вокруг крошечной руки Зилли.

— Это подарок моего папы. Самая ценная вещь, которая у меня есть. Присмотришь за ней, пока я не вернусь?

Зилли кивает. Она в восторге от своего нового подарка, но все еще не хочет отпускать меня.

— Ты знаешь код, чтобы войти в лифт? — Она кивает.

— Не могла бы ты, пожалуйста, сказать его мне? — Я очень стараюсь оставаться спокойной.

— Ладно, — наконец говорит она. — Код ЗАСТУПНИКИ333. — Она поворачивается чтобы уйти.

— Спасибо, — говорю ей и начинаю набирать комбинацию. Нажав последнюю тройку, я жду открытия дверей. Но вместо этого изнутри раздается громкий вопль. Тревога. Меня обманула восьмилетка. Я поднимаю руки, как только вижу первых людей с оружием.

Они доставляют меня напрямиком в палатку Тадж.

— Должна сказать тебе, Кива, что еще не встречала никого, кто хотел бы сбежать из Лабиринта. Ты первая.

— Я хочу наверх, — отвечаю я. Тадж предложила мне сесть, но остаюсь стоять.

— Я ценю твой настрой, — усмехается Тадж. — Иногда то, что мы ищем, на самом деле не является тем, что мы ищем.

— Что это значит? Почему ты говоришь загадками?

— Потому что люди стали слишком ленивы, чтобы мыслить. Вы хотите сразу получить ответ, вместо того, чтобы найти его, — она вздыхает. — Поэтому моему брату было так

легко завладеть властью. Он специалист в мгновенном удовлетворении.

— Я просто хочу уйти. — Чувствую себя непослушным ребенком.

Тадж подходит к самому большому книжному шкафу и достает древнюю книгу в кожаном переплете.

Мне не удастся сдержаться, и я беру у нее книгу. Я хотела прикоснуться к настоящей книге всю свою жизнь. Вдыхаю мускусный аромат и трогаю каждый миллиметр кожаной обложки. Переворачиваю страницы, прикасаясь к гладкой бумаге, желая увидеть аккуратно напечатанные слова на страницах. Это «Искусство войны» Сунь-цзы.

— Нет.

— Я не понимаю, что ты только что сказала.

— Это древний язык азиатов, — отвечает Тадж. — Тут говорится, что если ты знаешь своих врагов и себя, то ты можешь выиграть сотню боев без единой потери. Если ты знаешь себя, но не своего противника, ты можешь выиграть, а можешь проиграть. Если же ты не знаешь ни себя, ни врага, то ты постоянно будешь подвергать себя опасности.

— То есть ты имеешь в виду, что я не знаю себя.

— Пока нет. Но скоро узнаешь.

— Но как? — настаиваю. Я очень расстроена. Мне кажется, что я провела всю свою жизнь в поисках себя настоящей, но ни на сантиметр не приблизилась к разгадке.

— Доверяй себе. Своим инстинктам, — произносит Тадж, она снимает свой браслет в виде осьминога и надевает его на мое теперь свободное запястье. Внезапно восемь маленьких ножек осьминога появляются из его тела. Создается впечатление, что щупальца живые, потому что они охватывают мою руку и защелкиваются на замок. Я будто бы надела средневековые доспехи.

— Вау. Как они это сделали? — говорю, рассматривая восемь ног, обнявших мое предплечье. — Когда браслет был надет на вас, ноги огибали металлический браслет, но мне они покрыли и руку.

Тадж берет палку и выводит слово на песке.

— Ц-Е-Л-Ф, — читаю медленно. — Что это значит?

— Целф — это древний артефакт из Вавилона. Он является талисманом с уникальными возможностями, которыми может воспользоваться только тот, кто его носит.

— Он волшебный? — спрашиваю, пытаюсь открыть браслет, но он не поддается.

— «Любая достаточно развитая технология неотличима от магии», сказал когда-то Артур Ч. Кларк и был полностью прав. Прожив тысячу лет, я могу подтвердить его слова.

— Но ты сказала, что это древний артефакт. Как это может быть развитой технологией?

— И правда, — смеется Тадж, но больше ничего не говорит. Снова загадка.

Я прикасаюсь к прохладному металлу, очарованная его красотой.

— Почему ты дала его мне?

— Почему ты отдала бандану своего папы Зилли?

— Чтобы она мне поверила.

— Именно, — снова смеется Тадж. — Твои инстинкты сильны, и тебе нужно их отточить. Ты считаешь себя гуппи, но на самом деле ты осьминог — один из умнейших воинов планеты и защитников морей. Имея столько ног, у них есть, как минимум, восемь способов защитить себя от хищников. Осьминоги могут сделать что угодно, чтобы победить врага, — от активного разбрызгивания чернилами до оборонительной маскировки, чтобы спрятаться. Как и ты, они ловкие пловцы. Оставь артефакт себе, Кива. Он поможет, когда

станет совсем мрачно.

— Как он мне поможет? — Я зачарована этим украшением.

— В нем есть сила, которая проявится, когда ты обретишь себя настоящую.

— Тогда я никогда не увижу ее, — бормочу я.

— Тебе нужно начать верить в себя, Кива. У тебя есть два варианта: или ты становишься великолепным лидером, либо исчезаешь. Если ты выберешь проявить свой талант, то этот браслет поможет тебе. Он помогает своему носителю добраться до неиспользуемых участков ДНК, дав сверхпамять, непревзойденную скорость и силу. Все не перечислить.

— Как я узнаю, что он начал работать?

— Узнаешь. Целф покажет тебе. — Она подходит к выходу из палатки и открывает его, показывая, что наш разговор окончен. — Проведи пару недель здесь, Кива. Смотри. Слушай. Узнавай.

— Разве у меня есть выбор?

— Нет, — смеется Тадж, провожая меня.

Нужно отдать ей должное. Как минимум, она ничего не приукрасила.

***

КАЛИКС ХАНДРИЛ В СВОЕЙ КОМНАТЕ. Был вечер субботы, а он по-прежнему б заперт в доме отца.

Его печаль прервал гул у двери. Он как раз вошел в гостиную, когда отец открывал дверь его четверым лучшим друзьям.

— Тут так классно, — произнес лучший друг Каликса, Рао, осматриваясь по сторонам.

— Подождите, что вы здесь делаете? — спросил Каликс, увидев за Рао еще трех своих друзей: Байрона, Аугуста и Эммета.

— Что они здесь делают? — не унимался Каликс, пока Собек любезно впустил мальчиков внутрь.

— Я знаю, сын, что был слишком строг с тобой. Поэтому решил организовать небольшую ночевку. Что-то спонтанное и веселое для тебя.

— Небольшую ночевку? — Каликс почувствовал себя попугаем, повторяющим слова Собека. Что-то было не так. Что-то было совсем не так. У его отца отсутствовал ген спонтанности. Все, что он делал, было рассчитано до мелочей.

— Не будь таким удивленным. — Собек, что было абсолютно неестественно для него, приобнял сына и повел к дивану, на котором уже расположились гости. — Тебе нужно немного расслабиться. Давай!

Каликс был в полном шоке. Отец не разрешал ему тусить с друзьями с тех пор, как он вернулся из лагеря. На самом деле Каликс не мог вспомнить, когда в последний раз его друзьям разрешалось прийти в гости в пентхаус Собека, в его логово. Друзья Каликса всегда навещали его в доме мамы, таком теплом и гостеприимном. Многие спрашивали про дом его отца, но никто не осмеливался прийти. А теперь Собек пригласил всех на ночевку.

— Серьезно?

— Абсолютно. В вашем доступе несколько новых видео, которые могут вам понравиться, в том числе трилогия «Лезвие Серпа».

— Улет! — Рао и Байрон дали пять другу другу.

— Всегда пожалуйста, парни, — улыбнулся Собек. Он разработал надежный план, чтобы его сын встал на его сторону.

Даже если придется убить пару его друзей для убеждения.

Собек сделал все, чтобы друзья Каликса почувствовали себя, как дома. Он принес большие черные кожаные кресла, в которых утонули парни, готовые к двойному киносеансу. Вездесущая Рика раздала мальчикам большие тарелки с попкорном и напитки, когда гости устроились на своих местах. Они первые из своих друзей смогут увидеть картины, так как они не были еще выпущены в прокате. Но у Мирового Лидера, Собека, есть доступ ко всем фильмам, выпущенным в западной Америке.

Каликс опустил руку в миску с попкорном, готовясь отлично провести вечер. Последние несколько дней прошли как в тумане, и его друзья вернули ему это чувство нормальности. Рао, Байрон, Аугуст и Эммет развалились перед проекцией. Ребята были лучшими друзьями Каликса. Они вместе росли в Саббатикал-Сити, вместе играли в игры и были в одном классе в средней школе. Байрон и Каликс вместе играли в театре. Эммет и Каликс участвовали в одном классе по дебатам. Аугуст и Каликс были в одной команде по бегу. А Рао был лучшим другом Каликса, его доверенным лицом. Каликс знал их еще со времен Лагеря Монарха, когда им было по пять.

Мальчики были в предвкушении фильма ужасов. Каждый был на пороге зрелости и скоро должен был покинуть свою общину. Это одна из последних возможностей провести время вместе, как в старые времена, прежде чем их захватит взрослая жизнь. Скромный Рао, вундеркинд в науке, был запечатлен с девушкой из Учебной Общины и должен будет переехать в западную Америку, чтобы стать лаборантом в физической лаборатории. Сильный Аугуст и коммуникабельный Байрон были запечатлены с девушками из Океанской Общины и должны будут перебраться на восток. Аугуст станет помощником на Опреснительном Заводе, а Байрон начнет помогать в рыболовном промысле. И только Эммет и Каликс останутся в Саббатикал-Сити. Эммет был запечатлен с местной девушкой и продолжит работать в семейном бизнесе по распространению Третьих, а Каликс пойдет по стопам своего отца. Каликс вздрогнул, только он знал, что стопы его отца были сделаны из инопланетного металла.

— Как вам видео? — Гулкий голос Собека эхом разнесся по комнате. Никто не слышал, как он вошел, так как все были поглощены первым убийством, в котором человек в маске и с лезвием серпа в руке разрезал живот подростка.

— Отлично, сэр. — Байрон остутился, пытаясь встать. — Это просто улет.

Остальные парни закивали в унисон. И хотя Каликс не простил отца за уроки в Лагере Монарха, но был благодарен ему за организацию этого вечера. Он вмешался:

— Все очень классно, отец. Спасибо.

— Конечно, Сын. Я может и мировой лидер, но все еще считаю себя крутым. — Собек улыбнулся мальчикам. — А теперь расслабьтесь и наслаждайтесь. Готовьтесь быть напуганы так, как и не могли бы себе представить.

— Отлично! — прокричали парни в один голос и вернулись к просмотру ужастика.

— Каликс, можно тебя на минуточку?

— Но, отец, — запротестовал Каликс. — Уже началось.

Собек не ответил, он повернулся и направился в свой офис. Каликс тяжело вздохнул и поднялся со своего места рядом с Рао. Ему ничего не оставалось кроме того, чтобы послушаться.

— Что ты хотел, отец? — Каликс встал в дверном проеме, вытянув шею, чтобы видеть фильм. На экране человек в маске точил свое лезвие. Объемное звучание делало каждый звук ножа по кожей на звук ногтей по школьной доске. От этого у него шли мурашки по

всему телу. Каликс уставился на отца, повторяя вопрос:

— Что ты хотел, отец?

— Продолжить твоё обучение, сын, — ответил Собек. — Через пятьдесят секунд мне нужно, чтобы ты закрыл глаза.

— Ха? Мы можем сделать это позже? Я не хочу пропустить фильм.

— Не будь смешным. Это глупое притворство. Актеры делают вид, что они студенты в походе, которых систематично и жестоко убивают. Это все неправда. Блондин настоящий убийца.

— Ты только что все мне испортил. — Каликс был в бешенстве.

— Дело не в выдуманной истории, Каликс. А в твоей способности поглощать ауру. Мне нужно, чтобы ты начал практиковаться.

— На своих друзьях? Ни за что. Я не позволю, чтобы они стали, как Сараю, — дерзко отрезал Каликс.

— А они не станут, если ты сможешь контролировать себя и возьмешь лишь столько, сколько тебе нужно. Просто укради чуть-чуть. Они ничего не заметят.

— Нет. — Каликс стоял на своем. Его отец был ненормальным.

— Это не просьба. — Собек грозно глянул на сына.

— Я не буду практиковаться на своих друзьях, — настаивал Каликс.

— Не на всех. На одном. Выбери одного.

Каликс был в шоке. Он думал, что добрый жест отца пригласить его друзей был из хороших побуждений. Он должен был понять, его отец никогда не бывал добр. Он был хладнокровным монстром, от которого никогда не избавиться. Каликс хотел убежать, скрыться, быть как можно дальше от отца, но знал, что легче подчиниться, чем отказать. В последний раз, когда он отказал отцу, то очутился висющим под потолком с бабочками, кружащими перед его глазами. Но он не мог причинить вред ни одному из своих друзей. И не хотел. Поэтому парень просто делает вид. Сложно ли будет притвориться? Каликс улыбнулся отцу и послушно кивнул.

— Отлично, сын. Теперь закрой глаза и вдохни. Почувствуй энергию вокруг тебя.

Каликс улыбнулся. Он сфокусируется на отце, а не друзьях. Если Собек хотел, чтобы он поглотил чью-либо энергию, то он тоже был в игре.

— Что теперь? Я закрыл глаза.

Собек глянул на экран в соседней комнате. Студенты дошли до леса, они уже были в секунде от смерти. Он чувствовал ужас друзей Каликса. Рао был немного равнодушен, однако остальные трое были поглощены. Эммет был больше всех погружен в происходящее. Он перестал есть попкорн и широко открыл глаза и рот от страха. Собек ухмыльнулся. Это будет легкий выбор. Каликс может выбрать фрукт на нижней ветке, начиная с самого легкого из четверых, продвигаясь по каждому. Страх Эммета был настолько сильный, что его можно было потрогать. Даже маленький Лиэн смог бы это сделать. Собек видел ауру парня, он почти чувствовал ее вкус даже из другой комнаты. Он лишь надеялся, что сын чувствует то же.

— Что ты чувствуешь? — прошептал Собек.

— Ничего. Точнее... подожди. — Каликс застыл и вдохнул. Он пытался сосредоточиться на отце, однако чувствовал что-то в другой комнате. Сначала это было приглушено, но потом усилилось. Когда на экране была убита еще одна жертва — по звуку острого ножа было понятно, что её жестоко рубили на части, он почувствовал страх в другой

комнате. Он обдал его волной, наделяя невиданной силой. Каликс пытался игнорировать, но не мог справиться со своими ощущениями. Он честно ответил отцу:

— Я чувствую... чувствую электричество, как будто мои пальцы зудят.

— Хорошо, сын. Хорошо, — подбодрил Собек. — Не открывай глаза, продолжай фокусироваться.

И снова Каликс пытался сконцентрироваться на отце и вдохнуть его ауру, ведь она была ближе всего. Но он ничего не чувствовал. Собек не проявлял никаких эмоций, а если что-то и было, то такое тонкое, что Каликс не смог почувствовать. Вместо этого он ощущал манящий ужас из другой комнаты. Каликс чувствовал энергии своих друзей и почти что понимал их. Энергетика Рао была удивленной. Он смеялся над сюжетом, задаваясь вопросом, как анатомически можно разрезать живот и вытащить кишки. Байрон и Аугуст были напуганы, даже в ужасе, но Эммет, Эммет окаменел от страха. Его тело дрожало. Не открывая глаз, Каликс чувствовал ужас друга.

— Что ты чувствуешь, сын?

— Энергию, — прошептал Каликс. Его руки дрожали. Он мог чувствовать ауру даже из другой комнаты. Это было очень волнительно.

— Отлично. Теперь ты должен овладеть этой энергией.

— Как? — Все тело Каликса ожило, как будто внутри него что-то просыпалось. Он пытался противостоять этому, но оно было слишком сильное.

— Иди и сядь рядом с друзьями.

— Пожалуйста, отец. Я не могу, — слабо ответил Каликс и, хотя он и протестовал, уже шел в другую комнату. Дрожа, он сел рядом с Эмметом.

И вдохнул.

ГЛАВА 20

Я начинаю привыкать

Жизнь под землей не так уж плоха, как я думала, и здесь я узнаю новое. Как о революции, так и о самой себе. Здесь целая субкультура, хотя и чувствую себя чужой, но я очарована страстью и преданностью революционеров своему делу. Они сторонники перемен и готовы на все, чтобы сделать этот мир лучше и спасти человечество.

Кроме Кая, моим другом в Лабиринте является Дженезис. Я рада, что мы снова вместе зная, что он не мой предписанный партнер. Мы просто можем быть друзьями. Дженезис намного спокойнее остальных людей здесь, которые жаждут революции; его интересует только огород. Он благодарен, что стал частью Лабиринта, но для него цель здесь — возделывание почвы и возвращение пищи. У Дженезиса золотые руки и, так как он вырос в Общине Экосистемы, его знания и навыки помогли ему стать неотъемлемой частью Бригады Жизнеобеспечения — одной из трех бригад, существующих в Лабиринте. Бригада Жизнеобеспечения состоит из таких людей, как Дженезис или Лаклан — людей, которые знают, как выжить за счет земли. Они обеспечивают нас едой и управляют главным городом.

Бригада Бандитов — элитная бригада, к которой относится Кай — состоит из революционеров, они выходят на поверхность, чтобы достать все необходимое для поддержания жизни в Лабиринте. Они работают в парах: один отвлекает, другой забирает необходимые вещи. Управление городом требует больших затрат, и Тадж не переживает, когда они крадут у богатых, чтобы поддержать ее дело. Однако в Бригаде Бандитов всего шесть участников: Кай и его напарница Джина, Зилли и ее напарник Трой — тот неуклюжий парень, с которым я ее видела на поверхности, и младший брат Лаклана Фергус

со своим напарником Сургуру — парнем с красивыми волосами. В подземелье Тадж невозможно проникнуть, потому что никому, кроме шести членов Бригады Бандитов и самой Тадж не разрешается выходить на поверхность. Вероятность быть раскрытыми слишком опасна для всех, к тому же, если у Собека есть шпионы или установки в подземелье, они не смогут выйти с ним на связь, так как Лабиринт полностью отрезан от электронной связи с внешним миром.

Местонахождение Лабиринта находятся под защитой.

Последняя — Бригада Мастеров, состоящая из ученых, строителей и философов. Они используют свои руки и ум, чтобы создать план по борьбе с Собеком и разработать оружие, необходимое революционерам в схватке, которая рано или поздно произойдет. Это настоящие подземные воины, знающие тонкости в искусстве ведения войны, как умственной, так и физической.

Я провожу время в Бригаде Жизнеобеспечения и в Бригаде Мастеров, привыкая к своей новой жизни. Тадж не доверяет мне и не позволяет выходить на поверхность, но в этом она права. Я все еще хочу найти свою сестру и постоянно думаю о том, как мне сбежать. Но иногда лучше подчиниться, чем противостоять. Поэтому я обучаюсь и жду подходящего времени. В Бригаде Жизнеобеспечения учат выживать без технологий. Здесь внизу нет полуфабрикатов. Все свежее. Я работаю бок о бок с Дженезисом в саду, узнавая об уходе за овощами и ирригации. Когда становлюсь на колени в грязь, чтобы подрезать растения, то чувствую себя одним целым с землей, как когда-то чувствовала себя в океанской воде. Меня не волнуют ни мальчишки, ни школа, ни соблюдение правил. Я нахожусь в моменте, и это прекрасно. Оглядываюсь по сторонам: никто не знает, что я чувствую, потому что это внутри меня. У меня нет желания рассказать об этом Аннике или Рейн. Я просто наслаждаюсь моментом. Именно в этом состоянии блаженства я чувствую, как одна нога осьминога ослабевает на моем запястье и возвращается на место в браслете. Я осматриваю браслет. Как это произошло?

— Кива. — Лаклан подходит и протягивает мне руку, помогая встать.

— К вашим услугам. — Я стряхиваю грязь с рук.

— Готова к уроку? — спрашивает он, улыбаясь.

— Это странно, но мне кажется, что один из уроков был только что, — отвечаю, касаясь браслета-осьминога.

— Отлично. Уроки начинаются, когда ты этого меньше всего ждешь. Часто ответы уже внутри нас. — Он смотрит на Дженезиса. — Не против, если я ее украду ненадолго?

— Если только вернешь ее назад. — Дженезис краснеет. Он что, со мной флиртует? Он всегда был так мил со мной. С ним я чувствую себя спокойно. В отличие от Кая... и даже меня, у Дженезиса нет эго. Он ставит благополучие всей общины выше собственного.

— Я ненадолго, — улыбаюсь ему и опускаю глаза, смутившись нашему внезапному сближению.

Что? Я тоже с ним флиртую?

Я иду с Лакланом вдоль длинных рядов перца к другому концу огорода. Несмотря на то, что мы под землей, растения пышно цветут, и я не могу привыкнуть к запахам и цветам.

— Я так понимаю, что твой отец шишка на Опреснительном Заводе, — начинает Лаклан.

— Да. Был, — неожиданно для самой себя вставляю я. Жив ли он? Жаль, что я не знаю, куда Заступники его забрали. Что они с ним сделали.

— Как часто ты бывала на заводе? — Лаклан перебивает мои мысли.

— Сотни раз. Я часто ходила к папе после школы перед плаванием.

— Тогда ты знаешь, как очищать воду. — Лаклан замолкает в ожидании.

— Ммм, нет.

— Почему нет?

— Это никогда меня не интересовало. Для меня это было просто номерами и машинами. Почему ты меня об этом спрашиваешь? — Неужели прошло всего пара минут с тех пор, как я была в полной гармонии в саду. Теперь чувствую себя, как наказанный ребенок.

— Информация — это сила, Кива. Поэтому Собек так успешен. Он постоянно добывает новую информацию. Его расе доступны последние технологии, в то время как люди не имеют к ним доступа. Люди просто следуют правилам, но они не создают их.

— Что ты имеешь в виду под «они»? Ты же один из нас.

— Разве? — Лаклан останавливается, достает одни из своих часов и сверяется с ними. Затем поворачивается ко мне и за секунду преобразуется в Лиэна. Он все еще одет в пальто и серые брюки, но его кожа превратилась в блестящее серебро. Из-под шапки-котелка на меня смотрит лицо Лиэна. Пропал Лаклан, которого я знала. Его бледная кожа, светлые волосы и добрая улыбка сменились на металлическую маску с двумя впадинами — глазами лавандового цвета. Кажется, что все его лицо шевелится, но при этом он не ужасен. Я пристально на него смотрю. Начинаю видеть красоту в этих созданиях. В их подвижной форме есть привлекательность. Они двигаются легко, будто скользят.

— Ты один из них? — Я растерялась, но пытаюсь скрыть удивление.

— Многие из нас. — Он с легкостью принимает облик человека и поправляет шляпу. — Лучший способ остановить Собека — действовать изнутри, многие из нас так и работают. Мы повсюду. В Америке, Азии, Австралии. Мы как над землей, так и под ней.

Я оборачиваюсь на людей в огороде.

— Кто еще Лиэн?

— Разве это важно, Кива? — честно спрашивает Лаклан.

Я оглядываю сад и смотрю на рабочих, занятых своими делами. На другой стороне улицы вижу ремесленников, изготавливающих оружие. На окраине города избранные революционеры поднимаются на лифте, ежедневно подвергая себя опасности, чтобы внести вклад в восстание. И я, наконец, понимаю, что на самом деле не важно, кто из другой Галактики. Я приняла тот факт, что Лиэны живут среди нас, а теперь мне нужно понять, что не все они воплощение зла. Есть и хорошие. Вроде Лаклана.

— Так о чем этот урок? — пытаюсь сменить тему.

— Я научу тебя очищать воду.

— Точно, — смеюсь я. — Я имею в виду, что мы не сможем. Нам нужны машины, — говорю, оглядываясь вокруг. Завод моего отца огромен, он бы занял половину Лабиринта.

— Нужны ли? — ухмыляется Лаклан и ведет меня в садовый сарай. Внутри на столе стоят кувшин с водой, синяя кружка, стеклянная чаша и лежит рулон полиэтилена.

— Почти все, что нам нужно, уже здесь, — уверенно произносит Лаклан.

— Ок, — нерешительно отвечаю. Где машины? Фильтры? Насосы и резервуары для хранения?

— Сделай глоток воды, Кива. — Лаклан наливает немного воды из кувшина в кружку.

Я выпиваю воду и сразу же ее выплевываю.

— Она соленая.

— Да. Я просто хотел тебе показать, какая на вкус океанская вода.

— Хах, я пробовала ее сотни раз. Пока плавала, я проглотила много волн.

— Хорошо. В таком случае ты знаешь, что она непригодна для питья. Теперь возьми маленькую кружку и поставь ее в большую стеклянную чашу.

Я выливаю оставшуюся воду из кружки, которую все еще держу в руках, и ставлю ее в стеклянную чашу.

— Что теперь?

— Наполни большую чашу соленой водой, пока до края кружки не останется около одного дюйма.

Я так и делаю, строго следуя указаниям Лаклана.

— Сделано. Что теперь?

— Любопытный студент. Мне это нравится. Так, теперь оберни полиэтилен вокруг чаши с кружкой и водой, но не туго.

Как только я это делаю, Лаклан берет чашу и выходит наружу. Я слеую за ним, наблюдая, как он ставит ее прямо под перевернутыми солнечными панелями, нагревающими крышку чаши.

— Теперь нам нужна последняя вещь.

— Какая?

— Мрамор. У тебя случайно нет мрамора?

— Нет. — Он спятил? Зачем мне таскать с собой мрамор? Лаклан протягивает руку за мое ухо.

— А это что? — дразнит он и достает красный мрамор.

— Не слишком ли ты взрослый для магических трюков? — я шутливо отчитываю его. Чувствую себя очень спокойно рядом с этим человеком. С этим Лиэном.

— Нельзя быть слишком взрослым для магических трюков. — Он кладет мрамор на полиэтилен прямо над кружкой. Тяжесть мрамора создает самодельную дренажную систему.

— И что теперь?

— Теперь мы ждем. — Он закрепляет два гамака у ближайших столбов и жестом зовет меня к себе. — Положив мрамор на полиэтилен, мы позволили достаточному количеству конденсата, который скоро стечет в кружку, собраться на нем. Мы с Лакланом прокачались на гамаках следующие несколько часов и наблюдали за водой. Когда наступило время обеда, он попросил Дженезиса сходить в обеденную палатку и принести нашу еду в огород. Дженезис принес термосы с супом. Один для меня и Лаклана, один для себя, и один для Зилли, которая притаилась неподалеку. Дженезис садится ко мне на гамак, и мы трапезничаем в приятной тишине. Пока мы ждем, чтобы вода опреснилась, Лаклан рассказывает нам истории о старых временах.

Истории, которые мой папа рассказывал мне перед сном.

Истории, которые я читала в исторических книгах.

Истории, которые прожил Лаклан.

***

— Кива, проснись. — Лаклан аккуратно меня трясет.

— Где все? — После сна ничего не понимаю. Я проспала в гамаке всю ночь.

— Они уже принялись за свои дела. Посмотри на свою воду. — Он снимает полиэтилен и передает мне голубую кружку, она теперь наполнена водой.

— Я могу ее выпить?

— Другого я и не ожидал.

Медленно я подношу кружку ко рту и делаю глоток. Вода очень вкусная, чистая и свежая.

— Восхитительно.

— Ты ее сделала, Кива. И без огромных машин. Немного полиэтилена и гранита.

— А что с этим? — Я указываю на оставшуюся воду в чаше.

— Она соленая. Процесс опреснения работает за счет того, что соль не может испаряться вместе с водой, которая скапливается на полиэтилене. Поэтому соль остается в большой чаше.

— Это потрясающе. — Я чувствую себя сильнее, узнав новое. У меня ощущение, что я получила доступ к знаниям, которыми нельзя ни с кем делиться.

Переполненная счастьем я слышу щелчок на запястье: еще одна нога осьминога вернулась на прежнее место на браслете.

***

КАЛИКС НЕ МОГ ОСТАНОВИТЬСЯ.

Пока фильм подходил к концу, и друзья были ужасно напуганы, Каликс чувствовал себя необыкновенно живым.

Вдыхая ауру Эммета, Каликс ощущал, как энергия покидала тело друга.

Это было слишком заманчиво, и он не мог остановиться — восхитительная смесь всего, чем он когда-либо наслаждался: трепет победы в голографической игре, триумфальный взлом главного компьютера, тепло материнских объятий. Все, что Каликс любил смешивалось, пока он пил ауру. И с каждым вдохом он чувствовал себя сильнее. Спустя время жажда Каликса сменилась паникой: он осознал, что не может остановиться. Он был рабом своих чувств, они контролировали его, но он не контролировал их.

— Отец, — прохрипел парень, умоляющее глядя на Собека.

Но он не пришел. Вместо этого Собек наблюдал за сыном из другой комнаты. Он был доволен тем, как быстро Каликс овладел новой силой. Теперь ему необходимо обеспечить его преданность. Ему. Рассе Лиэнов. Он почувствовал сомнения Каликса, когда сказал ему в первый раз поглотить энергию. Теперь Собек разыграет свою козырную карту уже в этом раунде.

Мировой лидер вошел в гостиную и сел между Эмметом и Каликсом, как некий барьер. Как только связь между мальчиками оборвалась, Эммет закатил глаза и упал без чувств.

— Что я наделал? — прошептал Каликс в надежде, что его друзья ничего не заметили. Ему не стоило беспокоиться. Они полностью были поглощены концовкой фильма.

— Ничего страшного. Немного времени и отдыха, и ему станет легче. — Собек натянул спальный мешок на Эммета и положил его голову на подушку. — Смотри, он как будто просто спит с открытыми глазами, — усмехнулся Собек.

— Он знает, что произошло?

— Конечно, нет, — отрезал мировой лидер. — Люди часто не беспокоятся ни о чем, кроме самих себя.

— Я... его... убил? — Каликс пытался контролировать свое дыхание. Он был в истерике, но при этом чувствовал себя сильным, голодным и хотел добавки. И это его ужасало.

— Еще нет. — Собек перевел взгляд на экран, где светловолосый убийца получил

возмездие. Как только начались титры, он обратился к мальчикам: — Готовы ко второму раунду?

— Еще как, — ответил Рао.

— Да, давайте, — в один голос сказали Байрон и Аугуст.

Собек ввел код на своих идентификационных часах, и сразу же началось следующее видео. Оно называлось «Мстящий нож мясника». Оставшиеся парни были увлечены голограммой и даже не заметили, что Эммет «задремал и уснул».

Собек ухмыльнулся. Раса людей такая слабая. Поэтому ничего странного, что их было так легко завоевать.

ГЛАВА 21

Я учусь

Я быстро привыкаю к новому распорядку дня. Провожу свое время то в Бригаде Жизнеобеспечения, то в Бригаде Мастеров. Видимо, я еще не готова присоединиться к Бригаде Бандитов. Возможно, Тадж все еще не доверяет мне. А может считает, что мне не хватает смелости. Но я уже научилась выживать под землей. Я быстро обучаюсь, но мои слабости никуда не делись. Включающих ревность. Я скучаю по Каю. Жаль, что не могу проводить с ним больше времени, так как он по утрам встает самым первым и поднимается на поверхность прежде, чем все остальные проснутся.

Партнер Кая, Джина, миленькая девушка из Учебной Общины. Она умная и смелая сначала я не доверяла ей, но потом познакомилась с ее девушкой Резз и поняла, что мне не о чем беспокоиться. В мою первую ночь в Лабиринте они пригласили меня в свою девчачью палатку.

Жизнь в палатке не похожа ни на что в моей жизни. Мы живем по системе Купа, где почти все общее. У каждой из нас есть по кровати, точнее оливковые гамаки, весящие в десять рядов, по три друг над другом. Джина и Резз спят на самых верхних гамаках рядом друг с другом. Гамак под Резз пуст, а под ним место Пател, скромной девушки, работающей в Бригаде Жизнеобеспечения. В первую ночь в я даже не была уверена, что смогу уснуть, пока сопение Пател не напомнило мне об Аннике, и я отрубилась.

По утрам с восхищением наблюдаю, как собираются девушки. Вся одежда и принадлежности общины хранятся на огромной полке, и мы можем брать оттуда все, что захотим. В конце дня бросаем одежду в корзины, которые забирают члены Бригады Жизнеобеспечения. С рождения мне приходилось носить одежду только синего цвета, но теперь у меня огромный выбор. Я никогда не думала, что возможность выбора может быть такой прекрасной. Чувствую себя очень свободной, когда могу надеть то, что хочу, а не то, что мне говорят. Сегодня я думаю примерить зеленые брюки для верховой езды, крахмаленную белую блузу, высокие коричневые сапоги и кожаный жилет. Мне нравится новая одежда, а также мои новые друзья, которые решают и думают сами за себя.

Революционеры ужасно любопытны и ведут себя, как мои друзья детства до того, как им прочистили мозги. Джина и Резз всего на пару лет старше меня, мы втроем сразу же стали близки, также в нашей компании Зилли, она вроде маленького балласта. Эти девушки внешне очень отличаются от Анники и Рейн. У Джины темная кожа и выбритая голова. Она миниатюрная и невероятно подвижная — важные качества, помогающие ей воровать на поверхности. Резз рыжая, как и я, но, в отличие от меня, она мускулистая. Она из Трудовой Общины, и всю жизнь работала руками, поэтому у нее очень развитая мускулатура. Сейчас она кует мечи в Бригаде Мастеров. Однажды она решила показать мне, как создать меч из

заготовки. В Бригаде несколько рабочих палаток и мы с Резз ходим из одной палатки в другую.

— Так, Кива. Возьми кусок металла, — говорит она, как только заходим в первую палатку.

Из несколько кусков металла, я выбираю лист потолще и передаю ей. Резз надевает защитные очки, перчатки и использует лазер, чтобы вырезать часть в восемнадцать дюймов (прим. ред.: 0, 46 м).

— Круто. — Я смотрю, как луч лазера легко режет металл.

— Это технология Лиэнов. Тадж обучает нас.

— А что насчет технологий, которые снаружи создает Собек.

— Мы получаем к ним доступ, как только он что-то создает. Помни, мы повсюду.

— Хорошо, но говоря мы... ты тоже Лиэн?

Резз смеется.

— Нет, я обычный скучный человек. Но выросла среди Лиэнов. Они повсюду.

— Как ты определяешь, кто есть кто? — Мне все еще сложно свыкнуться с мыслью, что Лиэны живут среди нас.

— Ты не определишь. — Она передает мне молоток. — Мы должны выбить определённую форму.

Пока я стучу по металлу, Резз рассказывает про Лиэнов.

— Кива, Лиэниуксы живут здесь уже более десяти тысяч лет. Ты же не думаешь, что на Земле только первопроходцы? Конечно, Собек, Тадж, Лаклан и несколько других древних все еще здесь, но десять тысяч лет — долгий период. Они размножились и создавали потомство чистокровных Лиэнов, хотя полукровки также рождались. Большинство из них с рецессивным геном Лиэнов, поэтому считаются почти чистокровными людьми, однако, несколько унаследовали доминантный ген Лиэнов. Такие Гибриды живут среди нас с древних времен.

— В чем разница между чистокровными Лиэнами и гибридами?

— Гибриды гораздо сильнее. — Резз берет молоток и осматривает его. — Гибриды обладают силой как Лиэнов, так и людей. Им присуще человеческое сострадание, а также способности, которые Собек собирается использовать.

— Подожди, так значит, в Океанской Общине помимо Лиэнов живут еще и гибриды?

— Несколько, но они скрыты от остального населения Собеком или нами. Те, что проскальзывают незамеченными мимо нас, обнаруживаются в Лагере Монарха в пятилетнем возрасте. Именно тогда классифицируется их ДНК. Во время пыток удастся выявить каждого гибрида, который в дальнейшем соединяют в пару с Лиэном или таким же гибридом. Это поддерживает продолжение рода. И хотя он получается немного разбавлен, это делает Лиэнов только сильнее. Затем Собек манипулирует этими людьми в пользу своей власти. Держи друзей близко, а врагов ещё ближе. Главами старых государств были либо чистокровные Лиэны, либо гибриды — президенты, королевы, премьер-министры. Каждый высокопоставленный член правления Собека Лиэн. — Она осматривает металл. — Все, можешь прекращать.

Меня удивляет, насколько бесцеремонно Резз обсуждает Лиэнов. Этот вид настолько проник на нашу планету, что никто не знает, кто есть кто: человек, Лиэн или гибрид. Никто не знает, кроме Собека.

Я иду за Резз к ряду костров. Она кладет металл в огонь.

— Насколько он горячий? — Я слежу, как голубые языки пламени с радостью облизывают металл.

— Тысяча восемьсот градусов. Такая высокая температура необходима, чтобы он затвердел. — Она ловко поворачивает лезвие туда-сюда над пламенем. Резз бросает взгляд на лифт, который только вошел в шахту и спускается в Лабиринт. — Джина должна скоро освободиться. У нее сегодня утренняя смена.

— Когда ты в первый раз встретила Джину? — спрашиваю я.

— Лагерь Монарха. Мы вместе были в смене Зимнего Солнцестояния три года назад.

— Брат моей подруги Рейн тоже был в той смене.

— Да, Кеннон. Я его не очень хорошо знала, но его предписанная партнерша, Джо, росла вместе с Джинной в Учебной Общине. Она всегда была добра к нам, хотя мы были Аномалиями.

— Ты и Джина, обе?

— Да. Наши с ней предписанные партнеры умерли где-то между первым и вторым посещением Лагеря Монарха. Поэтому мы стали непарными индивидуумами, а точнее Аномалиями. Поверь мне, мы также вынуждены были проходить все эти глупые умственные и физические тесты. Клаудия Дюрант, Макс, Инелия. Как только я встретила Джину, то сразу поняла, что она предназначена стать моим партнером, но система Собека не позволяет запечатлеть людей одного пола.

— Почему?

— Собеку нужны разводчики. Один мужчина и одна женщина. Его система соответствия зависит от этого. Не стоит и говорить, что мы с Джинной не подходим в его шаблонное общество.

— И что произошло? — Я немного шокирована, что Резз любит девушку. Я не знала, что такое может быть. Всю жизнь я видела, что женщина была в паре с мужчиной. Так было всегда. Но теперь я встретила девушку, которая захотела быть с девушкой. Я узнаю все больше нового. Как ограничения моего гардероба, Собек также наложил ограничения на пары, которые ищут то, что им подходит. Люди должны вступать в отношения с теми, с кем они хотят быть, а не чтобы услужить лидеру с манией величия. Меня заворожила история Резз и огненно-красный металл, который она достает из костра и быстро опускает в масло.

— Теперь я охлаждаю меч. — Резз протягивает мне меч и щетку. — Ты полируешь, я рассказываю.

Я полирую металл, и он превращается из тусклого в яркое серебро.

— Как и все здесь, мы обе нашли наш путь в Лабиринт. В те времена Собек еще не был таким параноиком, как сейчас. Он не охотился за Аномалиями сразу же. Вместо этого ждал, чтобы мы купились на его систему. Стали суперагентами. Его заступниками. И многие становились. Но не я. У тех, кто не подчинялся, было два пути: быть утилизированным или бежать. Я убежала. Была еще одна девушка, моя ровесница из Рабочей Общины. Мы были похожи. Она предупредила меня, что я не найду себе партнера в ограниченной системе Собека.

Тогда я стала искать информацию о революции. Наблюдала, слушала, обращала внимание. Один из моих учителей был довольно противоречивым, и я решила, что он является частью революции. Я постоянно намекала на это, но он не клевал на наживку. В тот день, когда я вернулась из лагеря под новым ярлыком Аномалии, он признался мне, что был революционером и рассказал, как найти Лабиринт. И как помочь Лабиринту найти нас.

Я бросила своих друзей и семью и пришла в безопасное место сюда, с остановкой в восточной Америке, чтобы забрать Джину, которая была невероятно рада присоединиться ко мне. Члены Подземелья забрали нас, накачали и мы очнулись в Лабиринте. С тех пор мы вместе. — Резз забирает у меня меч и осматривает его со всех сторон. — Он выглядит отлично, Кива. А теперь к более интересному.

Мы возвращаемся назад в рабочую палатку, где Резз заканчивает работу над мечом. Она собирает рукоятку, сверху просверливает металл и соединяет все вместе с помощью паяльной лампы. Это долгий процесс, но интересно наблюдать, как безобидный кусок металла превращается в смертоносное оружие. Она довольно опытный кузнец, и я с интересом наблюдаю за ее работой.

— Ты жалеешь о чем-нибудь? — спрашиваю, когда она заканчивает работу.

— Нет. — Она смотрит на меня подозрительно. — А что, у тебя есть?

— Нет, точнее, я не уверена. Я хочу остановить Собека, но не понимаю до конца, почему я здесь. Все в Лабиринте знают свои роли. Я же здесь уже три недели и все еще не нашла своего предназначения. Я не чувствую себя особенной, на самом деле, я чувствую даже наоборот. Такое ощущение, что я вторглась на чужую территорию.

Резз улыбается и обнимает меня.

— Терпение, Кива. Твое предназначение откроется тебе, просто ты его еще не нашла.

— Почему ты так уверена?

— Я — Аномалия. Я могу думать сама. И одно из лучших качеств индивидуализма — самосовершенствование. Мы никому не должны позволять унижать нас или заставлять сомневаться в себе. Мы сильные, храбрые, красивые, энергичные женщины, которые остановят этого сумасшедшего.

— Ты сказала об этом с такой страстью, что я тебе почти поверила.

— Начни верить в это, Кива. Самоуважение — единственный путь к революции.

Она протягивает мне меч, который мы только что сделали.

— Это оружие даже на одну сотую не такое мощное, как твой ум.

— Стой. Ты отдаешь его мне?

— Да. Ты должна научиться защищать себя. Помни, что я тебе сказала о вере в себя. Уверенность приведет тебя намного дальше, чем что-либо еще. — Резз подводит меня к Оружейному Мастеру, бледнолицему мужчине с маленькими очками, одетому в строгий фрак с подтяжками и красным галстуком.

— Мик, не могли бы вы научить мою подругу обращаться с ее новым оружием?

Я овладела мечом за три дня. Это не так легко и весело. Мик — строгий учитель, чей внешний вид противоречит его умениям. Когда я впервые его встретила, он показался мне безобидным. На самом деле, он просто одутловатый мужчина, который раньше был профессором истории в Учебной Общине. Он, как минимум, на четыре дюйма ниже меня. Но скоро я узнаю, что внешность может быть обманчивой.

— Какой твой козырь, когда противостояешь сопернику? — спросил Мик, когда мы обнажили мечи и встали лицом к лицу.

— Убежать, — со смешком отвечаю, и за долю секунды он выбивает у меня оружие из рук и прижимает к стене палатки. Острое лезвие меча упирается в мою шею у сонной артерии. Через несколько опасных секунд он убирает орудие.

— Ты мог убить меня! — Я зажимаю пальцами пораненную шею.

— Знаю. Подними свой меч. — Мик ждет, пока я возьму в руки упавший меч и начинает

заново: — Какую самую важную вещь ты можешь сделать, когда противостояшь сопернику?

Я вспоминаю, что мне сказала Тадж:

— Знать врага и знать себя.

— Отлично. Причина, по которой я так быстро обезоружил тебя в том, что ты не знала своего соперника. Ты оценила меня по невысокому росту и очкам. Ты недооценила меня и была неосторожной, чем я и воспользовался для своей победы.

Мик учит меня быстро вытаскивать меч, и мы повторяем это движение до тех пор, пока я не делаю это так же быстро, как и он.

— Как только ты обнажила меч, лучшее, что ты можешь сделать — это расслабиться. — Он наставляет: — Ты уже в опасной ситуации, вокруг напряжение, поэтому ты должна быть спокойной. Держать себя в руках. Оценить ситуацию. Не нервничать и дышать. — Мик показывает мне разные способы, которые помогают оставаться спокойным. Большинство из них включает в себя медитативное дыхание. — Есть много мантр, которые помогут тебе сфокусироваться. Но ты должна выбрать одну, которой будешь пользоваться в подобных ситуациях. Повторяй за мной: ААд гурай Наме.

— ААд гурай Наме. Что это значит?

— Этим словам более трех тысяч лет, они окружают твое магнитное поле защитным светом. Произнеси их три раза прежде, чем начать битву.

— Ок, — отвечаю неуверенно. Я не совсем понимаю его методику, но он, кажется, понимает, о чем говорит, поэтому я попробую.

Как только овладеваю техникой дыхания и мантрами, он показывает мне, как сохранять равновесие, чтобы я могла нанести удар или уклониться от него и остаться не задетой.

— Ступни должны быть на ширине плеч, и следи за тем, чтобы ноги не стояли вместе. — Он толкает меня, и я падаю.

— Вставай. Тебе нужно сосредоточиться, Кива. Опора необходима для баланса. Чем больше твои стопы касаются земли, тем больше ты заземлена. — Он снова толкает, но мне удается удержаться.

— Хорошо. Теперь тебе необходимо оценить ситуацию. Воин всегда должен быть в курсе своего окружения — о плюсах и минусах, — как и об окружении противника. У всех есть слабые места, Кива, — он ухмыляется и бьет меня по ногам широкой стороной меча. — Например, высокие люди могут дотянуться дальше, но часто оставляют свои ноги открытыми.

— Хорошо, я поняла. — Я защищаю свои ноги от его ударов, пока Мик не остается этим доволен.

На третий день у меня бой с Такуми, лучшим воином Мика. Вспоминаю все свои уроки, как только начинается схватка. Вся Бригада Мастеров собралась посмотреть на это зрелище. Большинство из них за Такуми. Он их герой. Резз и Зилли за меня. Я ценю их уверенность во мне, хоть она и обманчива.

Я смотрю на Такуми. Он гибкий и спортивный. Его длинные темные волосы завязаны в тугую хвост, и он двигается, как пантера. Перед тем, как обнажить меч, я оцениваю его и ситуацию — наблюдаю, как он улыбается аудитории, очевидно, красуется. Он очень уверен в себе и ведет себя, как клоун, выпендриваясь перед друзьями. Эти слабые стороны я могу использовать в свою пользу. Я спокойна и полна уверенности, когда достаю меч. Он превосходит меня в опыте, но у меня есть попечительство Мика.

Если я смогу дождаться его ошибки, я выиграю.

Наша схватка похожа на игру в шахматы. Мы нападаем, отбиваем удары и противостоям друг другу. Его самоуверенность сменилась решимостью после того, как он нанес серию ударов, которые мне удалось ловко отбить.

У Такуме лучше выносливость, чем у меня, и поэтому, чем дольше длится схватка, тем тяжелее мне удается оставаться сконцентрированной. Мы кружим вокруг друг друга, не спуская глаз, в ожидании, кто сделает следующий шаг, как вдруг слышу в своей голове голос Инелии.

Она повторяет ту мысль, которую впервые озвучила в лагере Монарха: «Если ты сотрешь себя, то тебя не останется, останется только безграничная возможность».

Неожиданно я ни нападающая, ни обороняющаяся. Я больше не боюсь ни нанести удар, ни получить удар. Такуми странно на меня смотрит, как будто во мне что-то поменялось. Я жду, когда он бросится в атаку. Пользуюсь его странным поведением, делаю шаг в сторону и одновременно обезоруживаю его.

Я едва замечаю, что все хлопают, когда Мик объявляет меня победителем.

Я слишком занята тем, что наблюдаю, как еще одна нога осьминога вернулась на место.

***

— КАК ТЫ СЕБЯ ЧУВСТВУЕШЬ? — спросил Собек сына, когда тот неохотно оставил друзей за просмотром фильма и присоединился к отцу в кабинете.

— Живым, — подметил Каликс. Он чувствовал себя виновато-пьяным от своей новой силы. — Что произойдет с ним? — Он указал на Эммета, сидящего в коматозном состоянии и уставившегося в телевизор. Тот выглядел подозрительно спокойным для подростка, который только что смотрел жестокий фильм.

— Это ожидаемая реакция, так как ты выпил слишком много энергии. Ты должен научиться контролировать свою силу. Эммет лишь крошечная часть того, что ты можешь попробовать. Здесь столько, ох, столько всего, но ты должен захотеть этого. — Каликс опробовал силу выкачивания энергии. Она дурманила.

Но его моральные устои начали давить, так как он стал осознавать последствия своих действий. И хоть вкус затягивал, он причинял боль другим. Он будет становиться сильнее, поглощая слабости других. Это неправильно. Это противоречило всем убеждениям, которые привила ему мама. Это неправильно. Но ему было необходимо подыграть отцу. Его нужно перехитрить.

— И как это работает? — спросил Каликс. — Мне нужно просто подойти к любому туристу в Саббатикал-Сити и высосать его энергию? Подойти к ним ближе, чтобы распробовать ауру и взять немного, чтобы они не упали в обморок?

— Да, именно так ты будешь оттачивать свое мастерство.

— Воруя у незнакомцев... это так жестоко.

— Тогда не делай.

— Не делать? — Каликс был в замешательстве.

— Нет. Зачем практиковаться на незнакомцах, когда у тебя есть друзья.

— Что? — Каликс не хотел понимать, что он только что услышал.

— Не прикидывайся дурачком, сын. Твоя тренировка сегодня еще не закончена.

Сердце Каликса сжалось, когда он понял, что собирается сказать его отец.

— Нет, ни в коем случае. Я не могу, отец.

— Ты можешь.

— Но ты сказал, что я могу выбрать, и я выбрал Эммета. Я закончил.

— Прерогатива мирового лидера — менять свое мнение.

Каликс и Собек смотрели друг на друга в упор несколько минут. На заднем плане они могли слышать крики Рао, Байрона и Аугуста. Эммет все еще был тих.

— Отец.

— Это не обсуждается. Этот фильм будет идти примерно еще час. Достаточно, чтобы ощутить попробовать еще три энергии.

Каликсу стало дурно.

— Я просто могу спуститься вниз к...

— Ты можешь просто остаться здесь. — Собек глянул на часы. — Пятьдесят девять минут.

Каликс начал кусать внутреннюю часть щеки, чтобы сдержать слезы. Это был единственный способ, чтобы успокоиться. Он повернулся и посмотрел на друзей, увлеченных фильмом. Каликс думал, что не сможет ненавидеть отца сильнее, чем он ненавидел его до этого.

— Ах да, сын. — Собек положил руку на плечо парня, заметив еле уловимое вздрагивание. — Будь осторожен. В этот раз я не намерен спасти жизни твоих маленьких друзей.

Подсаживаясь к Рао, чтобы вдохнуть энергию самого лучшего в мире друга, Каликс молил о том, чтобы смог контролировать свою жажду. Каликс был уверен только в одной вещи.

Однажды без колебаний он убьет своего отца.

ГЛАВА 22

Я измождена

Тадж по-прежнему держит меня в режиме строгих тренировок, поэтому я становлюсь сильнее и узнаю больше, но все время чувствую себя уставшей. Мое тело болит от нескончаемых упражнений, боев и бега. Каждый вечер я вырубаясь, как только моя голова касается подушки. Я мечтаю о своем мягком гамаке весь день и с нетерпением жду вечера, когда смогу проспать целых семь часов до начала новых тренировок.

Одной ночью, после особенно тяжелого дня, когда я смогла поспать всего пару часов, я почувствовала покачивание гамака и рывок, который меня разбудил. Это Кай и Дженезис. Что они делают в палатке девочек? У меня чувство похожее на дежа-вю, я вспоминаю, как Кай разбудил меня посреди ночи в Лагере Монарха. Ощущение, что это было сто лет назад. Моргаю несколько раз, чтобы привыкнуть к темноте. Почему они здесь? Они даже не ладят между собой или ладят?

— Что вы здесь... — лишь успеваю сказать я, Дженезис сразу закрывает мне рот рукой. Кай подносит палец к губам, показывая мне жестом быть тише. Они кивают в сторону выхода, ожидая, что я пойду с ними.

Я одета в свои пижамные шорты и футболку, обуваю ботинки и тихо крадусь из палатки девочек. Никто не заметил, как я выхожу. Все крепко спят... как должна и я.

Кай и Дженезис молча ждут меня на улице у палатки. Когда я выхожу, они включают налобные фонари и передают один мне, — это плотная кожаная повязка с маленькой лампочкой на ней. Надеваю его на голову и включаю, он освещает мне дорогу. Я следую за ними почти полмили в ту часть Подземного Города, где я еще никогда не была. За садом Лаклана огромные валуны грязи, оставшиеся от сухой земли, которую вырубали, когда строили Подземный Город. Красное свечение моего фонаря делает это место зловещим.

— Ого. — Я иду мимо холмов грязи, которые как минимум двадцать футов в высоту. Это выглядит сюрреалистично. — Что это?

— Чистая настоящая почва, — отвечает Дженезис, размазывая землю между большим и указательным пальцами. — Эта почва с довоенных времен. Она не содержит в себе ничего генетически модифицированного или настоя фтора Собека.

— Стой, я думала, раствор добавляют только в воду.

— Так и есть. Но подумай, Кива. Откуда берется дождь?

— И? Какое это имеет отношение? Я не понимаю. — И тут я чувствую себя глупой. Почему Дженезис проверяет меня? Почему Кай молчит?

Дженезис продолжает:

— Вода из рек, озер и морей испаряется. Она поднимается в небо и принимает форму облаков. В конце концов, облака переполняются водой, и ее часть выпадает в виде дождя на... — Он обрывает предложение, ожидая, что я его закончу.

— Землю, — отвечаю я.

— Именно. Дождь, берущий свое начало в океане, выпадает на землю и впитывается в почву. И хотя большая часть дождевой воды чистая, другая часть загрязнена из-за того, что Собек обрабатывал воду. Поэтому мы накапливаем землю здесь до лучших времен.

— До каких лучших времен?

— Когда сможем подняться наверх и заново начать строить наше общество, — гордо объясняет Дженезис.

Я продолжаю идти между разговорчивым Дженезисом и молчаливым Каем. Это какой-то странный обмен ролями. Я и понятия не имела, что Дженезис был так хорошо посвящен в дела. Он явно увлечен своей работой в земле и предан революции не меньше, чем Кай.

— Так куда мы идем? — обращаюсь к Каю.

— Еще одно испытание. Любезно предоставленное Тадж. — Он проводит меня между последними навалами грязи к ровному месту. И хотя темно, вижу огромную канаву, заполненную водой.

— Какое испытание? — У меня появляется тянущее чувство страха. И меня смущает странное поведение друзей.

— Тадж хочет, чтобы ты отточила навыки плавания. — Как ни в чем не бывало объявляет Кай.

— Это колодец. — Дженезис кивает в сторону канавы. — Стены сделаны из камня, и взобраться по ним нереально.

— Зачем ты мне это сказал? — Я начинаю волноваться.

— Чтобы подготовить тебя. — В его голосе проскакивает извинение.

— Итак, она хочет, чтобы я поплавала в канаве?

— В колодце, — поправляет Кай.

— Да что угодно. Она совсем с ума сошла? Сейчас середина ночи. — У меня заплетается язык.

— Иногда лучшее время для тренировки, когда ты меньше всего ждешь. Это заставляет тебя переходить в режим выживания, — поясняет Кай.

— Спасибо. Но у меня достаточно было режима выживания в последнее время. Я просто хочу вернуться ко сну. — Поворачиваюсь в сторону палаток, но Дженезис становится у меня на пути. Он большой, и я не смогу его оттолкнуть.

— Уйди с моей дороги, — настаиваю я. Но он стоит на своем.

— Кай, — умоляю. — Это глупо. Я устала. Во мне не будет пользы, если я утону.

— Именно, — ухмыляется Кай. — Поэтому не тони.

И с этими словами они с Дженезисом толкают меня в яму.

***

В колодце я провела два дня, и, очевидно, никто не собирается придти и спасти меня.

Когда мои друзья предали меня и толкнули, было ощущение, что я падала вечность, хотя, на самом деле, я пролетела несколько сотен футов и столкнулась с холодной водой, которая окутывала меня, пока я погружалась. Я сразу же стянула ботинки, совершенно не беспокоясь, что завтра они не окажутся на полке в палатке. В конце концов, мне удалось всплыть на поверхность, и я начала откашливаться, так как у меня перехватило дыхание. К счастью, фонарь остался на своем месте, я смогла различить стены своей новой тюрьмы: скользкие и высокие, сделанные из камня и грязи. Я была в ярости. Как Кай и Дженезис посмели обмануть меня. Понятно, что за всем этим стоит Тадж, а они всего лишь выполняли ее приказ — солдаты, слепо повинующиеся своему лидеру. Мне было интересно, все ли посвященные оказывались в этом колодце или только мне досталась такая участь.

Я плавала по периметру ямы, дожидаясь утра, когда кто-нибудь придет и спасет меня. Но никто не пришел. Я кричала и звала, но никто не ответил. Вспоминая дорогу сюда, я предположила, что колодец был примерно в двух милях от центра города. Никто не мог меня услышать. Спустя пару часов я перестала кричать, чтобы сохранить силы. Как вообще я собираюсь выбраться? Хотя колодец был намного меньше, чем я думала — я могла проплыть из одного конца в другой менее чем за десять минут, — в нем не было места, чтобы отдохнуть.

Спустя еще пару часов я устала грести в воде. Мне не на что облокотиться. Я разваливаюсь ментально и физически. Не понимаю смысла в гениальном плане Тадж. Она пытается довести меня до предела? Или медленно убить? Кай и Дженезис не позволили бы этому случиться. Или позволили, если бы приказала Тадж? Возможно я не такая уж сильная и особенная, как все думали. После еще пары часов плавания я готова сдать. Хочу заснуть и больше никогда не проснуться. Я смирилась, что никогда не увижу папу. Никогда снова не увижу сестру. С наступлением второй ночи, растягиваюсь на спине и плыву, смотря в темноту.

Внезапно вода вокруг меня зарыбила. Неожиданно меня переворачивает и утягивает под воду. Я чувствую, как что-то скользкое прикасается к моей ноге. Я не одна. Стараюсь не паниковать и со всей силы гребу к краю колодца. Но брызги продолжают. Всего восемь всплесков. Либо что-то нападает на меня, либо пытается завладеть моим пространством. Что бы это ни было, оно быстрее меня. Я набираю скорость, но существо все равно прямо за мной. Наконец, я поворачиваюсь, направляя луч фонаря прямо на него.

Это осьминог, невероятно умное существо, про которое мне рассказывала Тадж.

С любым что-то случается, когда он находится в крайне бедственном положении. Когда все потеряно, и кажется, что уже нечего терять. Когда ты понимаешь, что тебя никто не спасет, и спасти себя можешь только ты сам.

Я начинаю смеяться и не могу остановиться. Может у меня нервный срыв, а может мне уже просто все равно. Страх испаряется полностью. Меня накрывает спокойствие, и я разглядываю чудовище, которое кажется испуганнее, чем я.

Страшное существо выныривает передо мной в ожидании. Я мягко и медленно начинаю говорить:

— Привет. Ты откуда?

Как будто понимая меня, осьминог ныряет под воду и снова всплывает.

— Снизу? — Я пытаюсь понять, что он мне хочет сказать. Я точно не могу выкарабкаться отсюда. Дженезис мне это объяснил. Подождите, он что, давал мне подсказку? А почему Кай не сказал ничего? Только Дженезис объяснил мне, что именно я должна делать. Иногда необходимо отступить назад, чтоб пойти вперед. Иногда тебе нужно спуститься вниз, чтобы подняться наверх. А я не могу подняться наверх. Даже если бы у меня была сила, у меня больше нет энергии. Я уже долго без сна и отдыха, и мне нужно, как можно скорее, выбраться из колодца, чтобы выжить. Я улыбаюсь, приняв ситуацию.

Я хочу выжить, я действительно этого хочу.

— Показывай дорогу, — командуя я своему скользкому другу и делаю глубокий вдох, погружаясь под воду.

На дне ямы есть отверстие, закрытое сеткой. Я с легкостью проплываю мимо решетки и попадаю в подводную комнату. Здесь я вижу медную лестницу, прибитую к стене, ведущую на поверхность. Выбираюсь из люка, который находится около одного из валунов грязи. Измученная, промокшая и грязная я тащусь через Подземный Город и, упав в гамак, чувствую, как щелкает четвертая нога на браслете.

Как раз в этот момент, горн будит нас к завтраку.

***

СЛЕДУЮЩИЕ ТРИ НЕДЕЛИ Собек учил сына нюансам выкачивания энергии. С заставлял Каликса подходить к незнакомцам в аптеках и магазинах. Он вынуждал его поглощать ауру официантки, пока та принимала их заказ. Мировой лидер даже обучил сына, как незаметно подкрадываться к детям, ждущим свое угощение в кондитерской. Каликс настолько овладел мастерством воровства энергии, что жертвы не понимали, что произошло. Да, у них появлялась слабость и головокружение, но не более. Каликс брал только то, что ему было нужно.

И это было невероятно вкусно.

Но не было ничего вкуснее страха, и Каликс проводил ночи в темных переулках, раскрывая свои вкусовые пристрастия, когда чувствовал страх в аурах людей. Ему особенно нравилось приходить к кинотеатру, когда там показывали ужастики. Страх был вкуснее, чем смущение, волнение или страдание. Лиэны могли выжить за счет любой эмоции, но страх был деликатесом.

Собек был в восторге от энтузиазма сына. Как только Каликс распробовал, что значит выкачивать энергию, то сразу стал способным учеником. Он был ненасытен, и Собек держал его именно там, где ему нужно было.

Несмотря на то, что Каликс хорошо учился и отлично проявил себя перед отцом, он постоянно чувствовал себя несчастным. Каликса бесило, что выкачивание энергии так сильно пришлось ему по вкусу. Его бесило, что он нуждался в опеке отца, чтобы никого не убить. Но больше всего его бесило то, что он будет нуждаться в отце, пока полностью не освоит мастерство. Пока ученик не превзойдет своего учителя.

Каликс следил за идентификационными часами отца. В них были все его секреты, все ключи к планам мирового лидера. Но они никогда не покидали его запястье. Чтобы заслужить доступ к ним, Каликсу придется доказать отцу свою преданность.

— Отец, я хочу больше, — с легкостью произнес Каликс. — Я готов вступить в свою роль наследника.

— Всему свое время, сын. — Собек взглянул на сообщение в своем планшете. Ходили слухи об отщепенце в Азии. Собек сморщился. Он ждал не таких новостей. Несколько месяцев назад им удалось подстроить, чтобы один из его агентов был с доставлен революционерами в Подземный город. Но с тех пор о нем ничего не было слышно. Как будто агент растворился. Но Собек готов ждать, терпение — его самая сильная сторона.

Собек повернулся к сыну:

— Прежде чем ты займешь свое место, нам необходимо подавить сопротивление.

— Тетя Тадж.

— Да, скоро моей любимой сестре придется заплатить за измену.

Каликс улыбнулся, надеясь, что отец примет его готовность к борьбе за проявление преданности.

— Только скажи, чего ты ждешь от меня, отец. Я готов.

ГЛАВА 23

Я готова

Несколько дней я не разговаривала с Каем и Дженезисом, но потом поняла, что не могу без них, и решила их простить. Но не Тадж. Может быть, она и лидер революции, но я не доверяю ни ей, ни ее извращённым методам обучения. К тому же, я добилась успеха в двух из трех Бригад. Начинаю понимать, кто я и на что способна. И я знаю, как спасти себя. Хочу сказать Тадж, что я готова подняться наверх с Бригадой Бандитов, но нигде не могу ее найти. Лаклан сказал, что она редко бывает в Подземном городе, так как она часто на летающей машине посещает различные части Лабиринта, чтобы пообщаться с капитанами на других территориях.

Но я не могу больше ждать.

Я хочу помочь, на самом деле хочу. Возможно, уход за помидорами — лучшее применения навыкам Дженезиса и Патель, чтобы помочь сопротивлению, так как они из Общины Экосистемы. Рез и Мик созданы для Бригады мастеров, но я знаю, что рождена для большего, и Бригада Бандитов — единственное, где я еще не пробовала работать.

В конце четвертой недели в качестве мятежника, я замечаю свет свечи в палатке Тадж, и у меня, наконец, достаточно храбрости, чтобы поговорить с ней. Но, прежде чем я успеваю придти к ней, по городу разносятся слухи, что Тадж объявила обязательное собрание. Все жители Подземного Города собираются в обеденной палатке, где неуловимая Тадж вершит суд. Она приняла вид получеловека, полулиэна. На ней цилиндр, платье из тафты лавандового цвета, которое подходит под цвет ее глаз и длинную серебряную перчатку на правой руке.

Я останавливаюсь напротив нее.

— Тадж, привет. Я могу с вами поговорить?

— Что тебе нужно? — рычит она. Она в плохом настроении. Просто в ужасном настроении.

— Я подумала, что может смогу поучиться в Бригаде Бандитов.

— Будь осторожна со своими желаниями, Кива. — вздыхает она. — Пожалуйста, присядь. Я немного занята.

Я сажусь. Возможно, я спрошу ее об этой еще раз позже, когда она будет в настроении. Иду в конец палатки и сажусь между Каем и Джиной.

— Что она сказала? Ты можешь пойти с нами? — шепчет он.

— Я не знаю, — признаюсь я. Она говорит загадками, я еле ее понимаю.

Тадж откашливается, и все сразу же замолкают, как только она начинает говорить:

— Просвещенные Граждане, первая фаза нашего восстания началась.

Толпа ликует.

— Разве это не слишком рано? — я шепотом спрашиваю Джину.

— Ты была здесь только месяц, Кива. А многие из нас гораздо дольше.

Я киваю. Порой забываю, что я лишь крошечная часть этой мозаики, если я вообще ее часть.

Вокруг меня, наконец, утихаю аплодисменты, и Тадж продолжает:

— Я назначила две группы разведки по шесть человек для первого нападения на Глобальное Управление. Задача первой команды: нейтрализовать токсины на Опреснительном Заводе. Как только они выполнят свою работу, вторая группа взорвет здание ЛМ-5 в Лагере Монарха. Когда данная миссия будет выполнена, мы пробудим человечество и положим конец тоталитарному правлению моего брата. Первая команда начнет свое задание завтра на рассвете. Дирижабль стоит неподалеку, готовый к отправке.

Все оборачиваются и смотрят на дирижабль. Затем начинается бормотание, так как все в ожидании. Кого выберут? Я смотрю на крупных парней, сидящих впереди, которые позируют в ожидании. Такуми с ними. Они все из Бригады Мастеров и являются самыми сильными и физически развитыми в Лабиринте. Так что, очевидно, что некоторые, если не все, будут выбраны.

— Первой командой будут руководить Лаклан и Кива.

В помещении тишина, и все глаза устремляются в конец палатки.

Все сопротивление устало на меня, на девочку, которая всю жизнь хотела быть незаметной, а теперь главная достопримечательность. Я краснею и опускаю глаза. Тадж пошутила? Я новенькая, последняя, кто присоединился к восстанию. Ясно же, что это ошибка.

По группе пробегает шепот. Большинство из них меня даже не знают, и они в ужасе, что худая рыжая девушка будет руководить первой фазой.

— Что именно делает ее пригодной? — Один из тех парней встает и кричит в толпу.

— Ты сомневаешься в моем выборе, Омри? — Лицо Тадж становится суровым. Любой намек на мягкость и красоту исчезает, когда проявляется ее истинная натура. Как и брат, она ненавидит, чтобы ее решения ставили под сомнения. Я вижу, как она высовывает длинный раздвоенный язык. Признак агрессивности хищника.

— Просто спросил. — Омри неуверенно садится, его бравяды как не бывало.

— Кива пригодна больше любого другого в этом городе. Включая и меня, — резко отвечает Тадж. — Вместе с ней и Лакланом пойдут Кай, Рез, Магнум и... — Ее взгляд останавливается на ее инквизиторе. — Омри. Второй группой будут руководить... —

Но я уже не слушаю. Как я могу руководить восстанием? Что она имела в виду, сказав, что я пригодна более чем любой другой? Я еле выбралась из ямы осьминога, а теперь руковожу восстанием. У меня начинает крутить живот. Где-то вдалеке я слышу, как Тадж заканчивает свою речь:

— Встреча окончена.

Все встают и разбредаются по Бригадам, чтобы начать свой рабочий день. Я задерживаюсь с Каем, чтобы спросить, почему она назначила меня главной. Мы направляемся к нашему лидеру, которая бегло нас осматривает. Что-то ее беспокоит, она отворачивается и быстро уходит в свою палатку. Мы с Каем стараемся не отставать.

— Эм, Тадж. — Кай не сдаётся.

— Что? — Она останавливается, сильно раздражённая. Что-то её отвлекает, и она хочет уйти.

— Я не уверен, что Омри подходит для дела.

— Почему нет? — огрызается она.

— Просто предчувствие, — бормочет Кай.

— Давай ты будешь держать свои предчувствия при себе, а я свои при себе, договорились?

Она не ждёт ответа и уносится прочь.

***

— Я ТОЛЬКО ЧТО ПОЛУЧИЛ РЕШАЮЩУЮ НАВОДКУ НА ВОССТАНИЕ, — С поделился со своим сыном спустя несколько дней.

Каликс обучался, знакомясь с необходимыми навыками, чтобы быть сильным лидером в будущем. И в качестве награды Собек приводил ежедневно в дом одного из своих сотрудников-людей. Он медленно мучал их и позволял сыну поглощать их страх.

С каждым днем Каликс становился сильнее, а Собек все больше гордился своим наследником.

— Можно я буду сражаться?

— Нет. Но ты можешь наблюдать. У меня там свой человек. Повстанцы встретятся в безопасном месте, за которым уже несколько недель наблюдают мои люди. Заступники будут ждать их там.

— Разве мы не можем просто убить их и таким образом остановить?

— Тогда мы потеряем наше преимущество, так как не знаем их конечной цели. Нет. Мы нанесем им урон, уменьшив их численность, а когда узнаем их конечный план — уничтожим их всех. А потом я смогу мило побеседовать со своей сестрой, с которой не встречался последние пару сотен лет. Ох, как прекрасно будет увидеться с ней снова, — Собек усмехнулся.

— Я буду на передовой? — с желанием спросил Каликс.

— Ты слишком ценен, чтобы быть обычной пешкой, сын. — Собек кладет руку на его плечо, выражая редкий знак привязанности. — Помнишь, как я научил тебя разбивать противника в шахматах?

— Будь, как минимум, на два шага вперед.

— Да. Но я отличный игрок в шахматы, поэтому нахожусь на пять шагов впереди соперника, а также использую тактику неожиданности. — Собек приказывает в свой планшет: — Рика, ты можешь впускать свою сестру. — Он поворачивается к сыну: — Сараю послужила нам доброй службой, но я не думаю, что она станет подходящей королевой для тебя. Мне кажется, что я нашел ту, кто лучше удовлетворит наши потребности.

Каликс вытаращил глаза, когда в комнату вошла красивая девушка с длинными волосами и густой челкой. Он не мог отвести взгляд от ее изумрудных глаз.

Она скромно улыбнулась.

— Привет, я Блу.

ГЛАВА 24

Я сильная

Мы с командой готовимся подняться на дирижабль. Этот воздушный корабль доставит нас под землей прямо к западному побережью Америки. Резз и Джина стоят чуть поодаль,

взявшись за руки и прислонясь головами, шепча что-то друг другу. Они впервые расстанутся дольше, чем на один день, и сегодня ночью я слышала, как обычно жесткая Джина плакала во сне. Она заставила меня поклясться, что я буду защищать Резз.

Я согласилась, задумавшись над тем, кто же будет защищать меня.

Из нас шестерых, отправляющихся на задание, я единственная не принадлежу ни к какой группе. Омри, Магнум и Резз из Бригады Мастеров. Они профессиональные оружейники и бойцы. Пронырливый и быстрый Кай из Бригады Бандитов, а прирожденный лидер — Лаклан из бригады Жизнеобеспечения, а также является правой рукой Тадж.

И среди них я.

— Я буду по тебе скучать. — Дженезис пришел попрощаться. Он протягивает мне розовую орхидею. Она ароматная и красивая.

— Спасибо, — внезапно я начинаю смущаться.

— Я всегда знал, что ты сильная и особенная, — неожиданно добавляет он. — Уже тогда в самый первый день в Лагере Монарха, когда вы с Каем орали друг на друга у флагштока. Еще ты очень смелая.

— Поверь, я не такая уж и смелая.

— Тогда ты не видишь того, что вижу я, — говорит он, а затем целует меня. Этот поцелуй становится для меня полной неожиданностью. До этого мы целовались всего один раз, и тот поцелуй больше был представлением для Клаудии Дюрант.

А этот все еще на губах, такой настоящий. И он, правда, настоящий.

— Возвращайся целой и невредимой, — бормочет Дженезис, а затем отворачивается и исчезает в толпе.

Я перевожу взгляд на корабль и вижу Кая, он наблюдал за нами с палубы. Я не могу понять выражение его лица. Злость? Удивление? Его так трудно понимать.

На мне моя обычная одежда: высокие сапоги, штаны для верховой езды, кожаный жилет и белая рубашка. Сбоку висит мой меч, а на руке браслет-осьминог, половина ног которого вернулась в исходное положение. Также у меня с собой фляга, купальный костюм для миссии и подарок Дженезиса. Я собираю свои вещи, готовясь к посадке. Омри даже не пошевелился. Он стоит в стороне, красуясь перед друзьями и показывая им целый мешок оружия, который Мик сделал специально для нашей операции, включая динамит и стальной ключ для открытия углеродистой камеры на Опреснительном Заводе.

— Удачи, Кива. — Обнимает меня Мик, шепча в ухо: — Не забудь. Аад гурай Наме.

Я смотрю по сторонам. Больше мне не с кем попрощаться. Тадж стоит вдалеке от собравшейся толпы. Мы обмениваемся взглядами, и я слышу ее голос в своей голове:

— Ты была рождена для великих вещей, Кива.

Я киваю, давая понять, что я слышу ее послание. Мне не нравится, что она в моей голове, но я понимаю, что способность читать мысли — это великий дар, поэтому я не борюсь с ним.

— Ты уже начала свой путь в поиске себя. Продолжай верить в себя, и твои способности станут безграничными. Помни, что главное — это начать.

— Что, если у меня не получится? — я молча задаю вопрос.

— У тебя уже получается, Кива. Ты научилась жить в моменте, а это не так легко. Ты всегда должна фокусироваться на настоящем, чтобы видеть возможности.

Я вступаю на судно, Кай, Магнум и Лаклан уже готовы к отправлению. Омри и Резз идут за мной. Дирижабль медленно начинает подниматься. Магнум управляет кораблем, а

мы машем всем на прощание. Все собрались, чтобы проводить нас.

— Я не вижу Зилли, — говорю Каю, махая Джине, Патель, Такуми и Дженезису.

— Она была так зла, что ты ее оставляешь, и не захотела простаться.

— Бедный ребенок. — Я вдруг понимаю, что буду скучать по своей маленькой тени.

Пока мы отдаляемся от Лабиринта, я исследую судно. Зона хранения сделана из дерева в довольно минималистическом стиле. Продовольствие и груда одеял разложены в одном конце корабля, а стол Тадж и необходимые вещи — с другой. Главная палуба представляет из себя открытую платформу с двумя длинными скамейками. Под землей нам ехать еще шесть часов. Как только мы доберемся до побережья, туннель закончится у потухшего вулкана, там мы поднимемся на дирижабле и по лестнице выберемся на поверхность через жерло вулкана. Таким образом, мы окажемся около пустынной дороги в двухстах милях от пункта назначения. В двухстах милях от моего прежнего дома.

Внезапно слышу музыку. Я оборачиваюсь и вижу Кая, играющего с чем-то вроде патефона.

— Что оно здесь делает? — удивляюсь я. — Я видела записи музыкантов, но никогда не встречала инструмент живую.

— Может быть Тадж слушает музыку в своих разведывательных миссиях, чтобы расслабиться. — Он достает плоский черный круг и кладет его на аппарат, а затем нежно ставит иглу на поверхность. Как только начинает звучать музыка, Кай кивает.

— Могу я вас пригласить на танец?

— Ты серьезно?

— Нууу, Рез читает в углу под своей лампой, Лаклан спит, а Омри и Магнум впереди управляют судном. Я больше никого не вижу поблизости. Здесь только я и ты, малыш.

— Малыш? Мы одного возраста.

— Возраст относителен. Ну, давай же, Кива. Потанцуй со мной.

— Уверен, что больше не хочешь толкнуть меня за борт? — Я шутливо киваю в сторону боковины корабля. — Может быть, остались еще уроки, которые мне необходимо выучить?

— Это удар ниже пояса.

— Прости, я не смогла удержаться. — Улыбаясь, я беру Кая за руку и начинаю с ним танцевать.

— Что это за песня?

— Одна из моих любимых. Много лет назад, когда мой дед был мальчишкой, он часто слушал эту группу, The Beatles.

— Вроде The Bug? Мерзость.

— Кива, когда-то музыка не регулировалась Правительством. Она не считалась подрывной деятельностью... ну может быть, иногда... но никто не мешал людям слушать ее. Существовало так много разных групп, которые выражали себя своей музыкой. Именно там они обрели свой голоса.

— Блу тоже в группе, — небрежно упоминаю я.

— Я знаю.

— Знаешь? — Я начинаю ревновать, я не могу понять свои чувства, когда нахожусь рядом с этим парнем. Да, мы стали лучшими друзьями, но это все. Просто друзья.

Кай прижимает меня крепче.

— Эта песня называется «Sexy Sadie». Это классика.

Я не отстаю от его темпа, пока он кружит и крутит меня. Анника, Рейн и я любили

танцевать в предвкушении того дня, когда будем танцевать со своими предписанными партнерами. Теперь они будут танцевать с Эдвардом и Данте в угнетенном обществе, не зная того, что они являются заключенными. Открывая все больше правды про мир Собека, мне все больше хочется освободить их.

Когда заканчивается песня, мы с Каем плюхаемся на пол, красные и уставшие от танца. Мы лежим на спинах и смотрим на искусственное небо. Наконец, я спрашиваю о том, о чем никто не решалась спросить:

— Как думаешь, насколько это будет сложно?

— Я не знаю, — вздыхает Кай. — Пока нам везло. Мы легко освобождали всех Аномалий. Теперь мы переходим на новый уровень. Мне кажется, что все зависит от того, где столкнемся с неожиданным. Я недавно думал, что у Тадж много двойных агентов, внедренных в общество Собека. Но разве у него не могут быть свои люди в Подземелье?

— Кто?

— Не знаю. Может Омри. Я просто размышляю. Что, если кто-нибудь знает, что мы идем?

— Омри выглядит... — Я не могу подобрать слово. — Простым. Он не похож на человека под прикрытием. Я думаю, что то, что мы видим — это все, что у него есть. Мышцы и маленький мозг.

— Может быть. Но он меня настораживает.

— Что насчет Магнума? — спрашиваю я. — Ты знаешь что-нибудь про него? Я удивилась, когда Тадж выбрала его, а не Джину или Такуми.

— Он тоже из Бригады Мастеров. Он тихий. Тихий, но результативный, хотя и такой огромный. Он еще подросток, но выглядит как мужчина и знает, как использовать свою силу и размер в свою пользу. Всегда опасался мальчиков с телами взрослых.

— Мне лучше довериться мальчику с мальчишеским телосложением? — Толкаю в шутку Кая.

Он толкает меня в ответ, и мы начинаем шуточный бой, смеясь и сражаясь, пока не устаем.

— Оставьте это для миссии, — кричит Лаклан с другого конца корабля.

— Прости. — Мы хихикаем и ложимся обратно. Лежим молча несколько минут, и я ловлю себя на очередном дежа-вю, вспоминая, как мы также лежали у солончаков в нашу последнюю ночь в Лагере Монарха. Это была последняя ночь перед тем, как все стало слишком запутанным.

— Чтобы ты делала, если бы не пробудилась? — прошептал Кай в темноту.

— Что ты имеешь в виду? — Я переворачиваюсь и смотрю на него. Наши лица так близко, что почти касаются. — В смысле, если бы мой дом не взорвался, и я не нашла Лабиринт? — Я вздрагиваю. Мне интересно, что было бы, если бы я жила запланированной жизнью и вышла замуж за Дженезиса. Но в то же время, это не моя жизнь.

— Не знаю. Я не думаю, что была бы счастлива, — подмечаю я, наслаждаясь тем, что лежу так близко к Каю. — Я бы старалась быть счастливой и следовать плану. Но думаю, что мне всегда бы казалось, что чего-то не хватает.

— Ты жалеешь о чем-нибудь?

— Нет. Пока нет. Я хочу найти папу. Я хочу найти сестру.

— Мы найдем, — серьезно отвечает Кай.

— Пряма таки «мы»? — шучу я.

— Мы — команда, Кива. — Его глаза такие добрые. Он искренне поддерживает меня.

— Ты знаешь, где находится твоя сестра?

— Раньше не знала. Теперь знаю. Как минимум, я думаю, что знаю.

— И где?

— В одном из конспиративных домов. Не знаю, в каком именно, но где-то по дороге на Опреснительный Завод.

— Нам нельзя, Кива. У нас миссия.

Я немного повышаю голос:

— Мы не собираемся сходить с нашего пути, и как ты сказал, освобождение будет легким: «Легко зайдем — легко выйдем».

— За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь, Кива. — Он пожимает плечами. — Давай сначала посмотрим, что будет, когда пришвартуемся.

— Но это не нет? — с надеждой спрашиваю я.

— Это не нет, но это и не да. Можешь подать одеяло?

Я протягиваю руку к груде одеял и начинаю тянуть одно на себя, но оно не поддается. Я пробую еще, но оно такое тяжелое. Тогда я начинаю разбирать кучу, стягивая одно за другим одеяла, пока не вижу, как на меня смотрят глаза девочки.

— Привет, Кива.

— Зилли, у тебя крупные неприятности!

Зилли надула губы:

— Если Кива собирается спасти человечество, я не хочу это пропустить!

— Ты же знаешь, что не должна быть здесь, — Лаклан вступает в спор с упрямой девчонкой.

— Я могу помочь, — настаивает на своем Зилли.

— И как? — возражаю ей я. Она просто ребенок. У меня и так голова забита этой миссией. Мне не хочется еще и нянчиться с детьми.

— Я маленькая, я быстрая и умная. Враг просто меня не заметит. — Зилли не сдаётся.

— Ладно, сейчас нет смысла в споре. Она уже здесь. Возвращаться назад мы все равно не будем, — говорит Лаклан.

— Класс, значит, я остаюсь. — Зилли обнимает его.

— Не совсем. — Лаклан выпутывается из объятий девочки. — Мы оставим тебя в конспиративном доме по пути.

Я улыбаюсь Каю и губами произношу: «Конспиративный дом». Кажется, мне удастся угнаться за двумя зайцами одновременно.

***

КАЛИКС ДОЛЖЕН БЫЛ ПРОСТО НАБЛЮДАТЬ. Но он был не из тех, кто просидит и ждет.

Элитная группа из четырех Заступников разрешила Каликсу и Блу следовать за ними, но они четко озвучили правило: не вмешиваться.

Они посадили вертолет за деревьями и прошли десять миль пешком, пока не вышли к вулкану, где располагался конспиративный дом. Они распределились вокруг вулкана и стали ждать.

Каликсу не хотелось знакомиться с Блу. Да, она красива и умна, но Сараю была такой же, и посмотри, что с ней стало. Поэтому он был вежлив с ней и держался на расстоянии. Каликс не мог понять, зачем Собек взял ее, так как она была далека от военной темы, и хотя

она и была Заступником, одевалась как модная школьница.

Каликс и Блу разместили подальше от основной группы. Они лежали на животах, выглядывая из-за валунов, когда появились первые революционеры. Они оба ахнули, удивились, когда из жерла вулкана выбралась первая пара: Каликс, потому что узнал рыжеволосую девушку с грустными глазами, которую видел на голографической стене отца, Блу, потому что узнала своего предписанного партнера.

— Кай.

ГЛАВА 25

Я дома

Честно говоря, не прям мой дом, но мой любимый океан.

Не считая появления нашего маленького безбилетника, полет прошел без происшествий. Когда ты летишь пять сотен миль в темноте, там особо и не на что смотреть. У каждого на голову был надет налобный фонарь, и мы играли в карты, но все мысли у каждого были только о миссии. У всех, кроме Зилли, которая ластилась ко мне, как щенок.

Мы прибыли к вулкану и медленно начали подъем. Магнум пристыковывает дирижабль к импровизированной платформе. Мы осторожно выбираемся друг за другом и начинаем подъем по лестнице, прикрепленной к стене вулкана. Кай идет самым первым, я сразу за ним. Как только достигаем вершины, я ахаю от удивления. Перед нами открывается вид на бескрайний океан и небольшой маяк.

Меня переполняют чувства: ностальгия, потеря, надежда. Мне хочется убежать ото всех и нырнуть в воду, однако я помню, что у меня есть миссия. Даже две: найти сестру и остановить Собека.

— Что ж, юная леди, кажется, здесь заканчивается ваше путешествие, — Лаклан говорит Зилли.

— И куда я пойду? — дуется Зилли. Она в совершенстве овладела этим искусством.

— За этим маяком следит один мой друг. Там ты будешь в безопасности, пока я не вернусь.

— Это и есть конспиративный дом? — интересуюсь я.

— Лучшее место, чтобы спрятать что-нибудь — это разместить это на виду у всех.

— Но я хочу помочь, — умоляет Зилли.

— Ты и будешь помогать. Поможешь Харидживану, составить ему компанию на пару дней. Старик становится одиноко.

— Харидживан? — Я наостряю уши. — Он — смотритель маяка?

— Да. Вот уже несколько сотен лет.

— Так он?..

— Один из нас? Да, Кива, он из доброй компании.

— Я пойду с вами.

— Я всего на минутку.

— Пожалуйста, разреши ей пойти с нами, — уговаривает Зилли, строя глазки Лаклану.

— Хорошо. Остальные остаются на страже. Я свожу дам к маяку. Мы с Кивой вернемся через пятнадцать минут.

— А если не вернетесь? — спрашивает Кай.

— Тогда что-то произошло, — отвечает Лаклан. — И вам придется завершить миссию без нас.

— Я тоже пойду, — настаивает Кай.

— Это не вечеринка, — сердится Лаклан.

— Пусть идет, — вступается Магнум. — Хорошо, если с вами будет кто-то из Бригады Бандитов.

— Да. Резз, Магнум и я пока поделим оружие, — говорит Омри. Они уже открыли вещмешок и начинают доставать мечи и кинжалы.

— Ладно, пойдёмте. — Лаклан поворачивается в сторону маяка.

— Кива, подожди. — Она подбегает и обнимает меня. — Удачи.

Я смеюсь.

— Тебе она нужна больше. Я увижу маяк, пока ты будешь торчать здесь с этими тупорылыми бошками.

Зилли берет меня за руку и тащит прочь.

— Скоро вернусь, — говорю я Резз и следую за второй половиной моей команды.

— Так красиво, — восхищается Зилли каменным высоким сооружением. Она отпускает мою руку и бежит в сторону большой двери.

Лаклан стучит несколько раз, но никто не открывает. Мы идем к задней двери, рядом с которой открыто окно.

— Ждите здесь, — приказывает он и открывает окно шире. Но он слишком большой, чтобы пролезть.

— Я пойду, — вмещивается Зилли и пролазит в маленький проем раньше, чем мы успеваем запротестовать.

Мы возвращаемся к двери.

Спустя пару минут дверь все еще закрыта.

— Почему она так долго? — нервничает Лаклан. Он начинает барабанить в дверь. — Зилли,пусти нас.

Сразу же открывается дверь.

— Добро пожаловать в мой замок, — Зилли делает реверанс.

В маяке никого. Его покинули в сильной спешке. На столе две тарелки с недоеденным завтраком, а кофе все еще теплый.

— Что-то не так, — произносит Лаклан и обнажает меч.

Мы с Каем достаем наши мечи и расходимся осмотреть помещение.

— Жди здесь, под столом, — приказываю я девочке, и она кивает.

Взбираюсь по лестнице наверх, пока Лаклан и Кай осматривают остальное помещение. Поднявшись по крутой лестнице, замечаю три маленькие двери, почти незаметные в камне. Открываю первую. Это старомодная библиотека с пола до потолка заваленная книгами. Я поднимаюсь на пару ступенек выше и толкаю вторую дверь. Это обычная спальня. Здесь стоит двуспальная кровать и стол, заваленный картами и схемами. Поднимаюсь к самой верхней двери и открываю ее. Здесь тоже спальня, но детская. На стенах висят разноцветные рисунки. Повсюду рисунки бабочек. Яркие бабочки различных размеров и форм украшают всю комнату. Я наклоняю голову и рассматриваю картинки на потолке. Здесь изображена вода — яркие, детские изображения вида океана из окна маяка. Они невероятные. Такие простые. Такие честные.

Я аккуратно вхожу в комнату, чтобы ничего не задеть. Подхожу к столу, на котором лежит незаконченный рисунок. На нем изображена рыжеволосая худая девушка, одетая в брюки для верховой езды, кожаный жилет и высокие ботинки. Это я. И я стою неподалеку от маяка, у вулкана с обнаженным мечом. Я не понимаю. Присматриваюсь. Картина не

подписана. Смотрю по сторонам на изображения бабочек. Они все подписаны одним именем.

Сан.

Где она? Я мчусь вверх в башню маяка. Она также заброшена. Где моя сестра? Свет в маяке автоматизирован, и я вижу повсюду столько следов в пыли, что ясно, совсем недавно здесь были люди. На полу следы двух взрослых и одни детские. Где она прячется? Я вглядываюсь в океан и в местность вокруг. Вдалеке вижу Омри и Магнума, они сидят на земле и точат оружие. Резз стоит на краю обрыва. Я уже начинаю отворачиваться, когда замечаю группу Заступников, крадущихся к ним сзади.

— Резз, Резз! — я кричу. Мое предупреждение теряется в ветре. Я слишком высоко и слишком далеко. Безрезультатно кричу, наблюдая, как Заступник бьет ее электрошокером, и она падает на землю. Один из них кидает ее обмякшее тело себе на плечо. Все точно так же, как было с моим отцом.

Я несусь вниз к все еще сидящей под столом Зилли.

— Где Лаклан и Кай? — спрашиваю я.

— Все еще осматриваются.

— Лаклан, Кай! — кричу, что есть силы.

Раздаются тяжелые шаги, и Лаклан с Каем врываются в комнату с обнаженными мечами.

— Кива, ты в порядке? — интересуется Кай.

— Наша команда в беде, — снова кричу я и выбегаю наружу.

На холме никого.

— Где они? — спрашивает Зилли.

— Я не знаю, — отвечаю. — Они были здесь десять минут назад. Я видела, как Заступники подкрались к ним.

— Они мертвы? — настаивает она.

— Не знаю, — обрываю я.

Кай и Лаклан осматривают территорию в поисках наших товарищей, пока мы с Зилли ждем их на краю вулкана.

— Кива, что это? — она показывает вниз.

И действительно, всего в паре футов от нас из зарослей торчит пара черных ботинок.

— Жди здесь, — командую, понизив голос, и начинаю спускаться вниз по отверстиям между камнями. Внизу я нахожу лежащее на земле тело Магнума. Его губы разбиты, а из носа течет кровь.

Я резко его трясусь.

— Магнум, ты жив?

Обезумевший, он кивает, а затем наконец произносит:

— Заступники, они устроили нам сюрприз.

— Я знаю. Я видела. Что произошло?

— Они думали, что нас больше, но мы сказали, что здесь только мы. Они не поверили.

— А где Резз и Омри?

— Они их забрали. Вырубили шокером и забрали.

— Почему они не забрали тебя?

— Я слишком большой. Может быть, подумали, что не поднимут меня. Они избili меня и кинули с обрыва. Не стали смотреть, куда я упаду. Хорошо, что я приземлился на

кусты. Иначе, был бы уже мертв.

— Ты можешь встать?

Он кивает, и я помогаю ему подняться на ноги. На его теле нет синяков, только ссадины на лице. Он осторожно карабкается, я следую за ним. Лаклан и Кай уже ждут нас.

— Что произошло? — спрашивает Лаклан.

— Омри один из них, — наконец отвечает Магнум, выпив воды из фляги Зилли. — Он предатель.

— Я так и знал, — кричит Кай.

— Он предупредил их, поэтому они ждали нас. Когда я понял, в чем дело, я вырубил Омри, чтобы он не рассказал им о вас. В это время Резз уже была в отключке, может это и к лучшему, вдруг она тоже была предателем.

— Она не предатель, — настаиваю я.

— Хорошо. Но они забрали ее тоже. Я один был в сознании, и они пытали меня. Я сказал Заступникам, что только мы участвуем в этой операции. Потом они ударили меня и сбросили с обрыва. А Омри и Резз забрали.

— Куда они пошли? — спрашиваю я.

— Я не знаю. Когда очнулся, ты помогала мне.

Лаклан оценивает ущерб.

— Они забрали оружие и съестные припасы. Нам придется теперь это добывать. Если Омри рассказал им о конспиративном доме, то, возможно, они уже знают и о наших связях на побережье. Теперь мы сами по себе. Поэтому нам нужно держаться вместе, как семья.

— И я? — интересуется Зилли.

— Боюсь, что да, — бормочет Лаклан и направляется на север.

***

КАЛИКС НЕ МОГ ОТОРВАТЬ ГЛАЗ ОТ ТЕЛ.

Они с Блу наблюдали за всем с безопасного расстояния и видели, как рыжеволосая девушка, пожилой мужчина, маленькая девочка позвали с собой Кая к маяку, и после этого их команда приступила к стремительным действиям. Заступники сразу же окружили повстанцев и жестоко столкнули парня и девушку с обрыва.

Каликс уставился на искалеченные трупы внизу. В своей жизни он ни разу не видел, как кто-то умирает, а теперь он стал непосредственным свидетелем смерти трех человек: двух мятежников и женщины, которую он сам убил, лишь проведя пальцами по экрану планшета. Внезапно его стало тошнить. Последние несколько недель тренировок с отцом казались бессмысленными, если все, что им требовалось — это просто убить врага. Ему нравилось поглощать энергию, но смерть не была тем решением, к которому он стремился.

Ему хотелось закричать оставшимся мятежникам, что среди них есть предатель. Каликс тихо наблюдал за тем, как парень по имени Магнум спустился вниз с обрыва после того, как один из Заступников ударил его по лицу несколько раз, пока не пошла кровь. Они сделали так, чтобы Магнум выглядел как жертва. Он был кротом Собека. Тем, кто внедрился в сопротивление, и теперь приведет Заступников к Тадж. Каликс был растерян. Он больше не знал, кто был хорошим, а кто плохим. В идеологии его отца не было смысла.

— Пойдем. — Блу взяла его за руку. — Магнум сказал, что они держат курс на Опреснительный завод. Заступники поедут по главной дороге, чтобы добраться туда первыми и наблюдать за следующим шагом повстанцев, в котором Магнум не был уверен.

Каликс позволил Блу увести его к месту назначения.

Но он сомневался в том, что ему потом делать, когда он туда доберется.

***

ГЛАВА 26

Я зла

Моя сестра была там. В том маяке. Я опоздала всего на пару минут. Возможно, Харидживан пронюхал, что Заступники знали, что он там, и ушел с моей сестрой, чтобы не быть пойманными. Теперь я решительна, как никогда, найти ее.

Наша потрепанная группа без остановки идет весь день, придерживаясь побережья. Мы не осмеливаемся остановиться в конспиративных домах или связаться с союзниками Тадж, чтобы не подвергнуть их опасности и поставить под угрозу нашу Революцию.

Мы одни, голодные и разбитые. Лаклан использует свои навыки, чтобы найти съедобные корни и растения, а я помогаю ему очистить для нас воду. Ночью разводим огонь, чтобы согреться. Мы с Зилли рядышком сворачиваемся клубочком. Я думаю о моей подруге. Бедная Резз. Что я скажу Джине? Я пообещала ей, что буду беречь Резз, но не сделала этого. Смотрю на браслет. Как мои инстинкты помогают мне сейчас? Я и представить не могла, что Омри предатель. Не ожидала такого поворота. Теперь треть нашей команды потеряна, и это моя вина. Отодвигаюсь от спящей Зилли и присоединяюсь к Лаклану у костра.

— Какие у нас есть варианты? — тихо спрашиваю его. Все спят. Неужели прошло всего пару месяцев с тех пор, как я не могла дождаться поездки в лагерь? Обычный подросток. Теперь я команду повстанческой миссией, и уже успела потерять двух членов моей команды, и позволить третьему быть раненым.

— Что ж, с тем, что у нас сейчас есть, мы лишены двух главных вещей, — вздыхает Лаклан.

— Каких?

— Силы и непредсказуемость. Омри и Резз были двумя из трех специалистов по оружию. Они были нашей защитой. Теперь у нас нет наших главных бойцов.

— Но у нас есть Кай и Магнум, — говорю с надеждой.

— Да, но защита — не главный их конек. Они эффективны в нападении и почти бессильны в обороне.

— А что по поводу непредсказуемости?

— Возможно, Омри рассказал им о нашей конечной точке, и пусть сейчас они не преследуют нас, но точно будут поджидать нас там.

— Омри не знал, каков был окончательный план.

— Нет, не знал, — кивает Лаклан. — Знаешь только ты и Тадж. Она так решила.

— Поэтому у нас все еще есть шанс завершить нашу миссию. Нам бы только добраться до опреснительного завода, а там я уже смогу уничтожить углеродную камеру.

— Без навыков Бригады Мастеров нам будет намного сложнее, чем мы изначально предполагали.

— Короче, нам крышка.

— Не обязательно. У меня есть пара козырей в рукаве, а также ты и Зилли.

— Что хорошего в Зилли? — киваю в сторону спящей девочки.

Лаклан молчит пару секунду, решает рассказать или нет. Наконец он спрашивает: — Кива, как ты думаешь, почему Тадж выбрала именно Зилли, чтобы следить за тобой?

— Не имею понятия.

— Есть одна причина, почему Собек так отчаянно стремится установить Третий

каждому новорожденному, и по которой Подземелье старается не допустить этого. Но мы не можем спасти всех младенцев, поэтому нацелены только на избранных.

— Избранные. — У меня начинает колоть внизу живота.

— Гибриды. Дети, рожденные от людей и Лиэнов, с доминирующими генами Лиэнов. Он наделены небывалой мощью. Их всего пара человек, и они очень редки. Собек использует их для своих целей, определяя их в пятилетнем возрасте и приписывая к Заступникам. Их психологическая стойкость выше, инстинкты быстрее, они могут читать мысли и гораздо легче предвидеть будущее.

— Подожди, — останавливаю его я. — Так ты утверждаешь, что Зилли — гибрид.

— Да, она из многих, в ком течет человеческая кровь и кровь Лиэнов. И она из тех нескольких, в которых доминируют гены Лиэнов.

— Так все дети, кого забрали при рождении, были гибридами с доминантным геном Лиэнов? — Я боюсь, куда может завести этот разговор. — Что значит, что моя сестра Сан тоже гибрид, что значит... что значит... — Мне даже не нужно произносить это вслух.

Остальные ноги на браслете встанут на место.

Я, наконец, знаю, кто я на самом деле.

***

— Я НЕ ИМЕЮ ПОНЯТИЯ, КТО Я, — говорит Каликс Блу, пока Заступники празднуют удачное завершение первого шага их миссии.

— Ты наследник, — отвечает она. Блу глубоко вдохнула. Она ходила по тонкому лезвию, проводя время с сыном Мирового Лидера. Ей пришлось подальше отодвинуть личные мотивы, чтоб никто, особенно Каликс, не узнал об ее окончательном плане.

— Поэтому начни вести себя соответственно и прекрати хандрить.

Проредив группу Революционеров, команда остановилась в доме одного из Заступников, живущего в Океанской Общине. Заступник по имени Дэн был лысым, и его особенно интересовала рыжеволосая девушка из всей этой разношерстной шайки. Каликс и Блу молчали, пока Дэн рассказывал группе о двух предполагаемых главных целях противника.

Нападение на Опреснительный Завод или на Главное Управление Заступников.

Он решил, что элитная команда разделится на две группы по два человека, чтобы быть готовыми к любой из ситуаций, а также дал задание Каликсу и Блу — караулить старый дом Кивы. Дэн также предположил, что Революционеры включили в свой план новичков не просто так и дали им задание, которое они точно не смогли бы провалить. Самым логичным поступком Кивы будет вернуться домой, несмотря на то, что его уже нет. Он думал, что в Океанской Общине у Кивы может быть тайное место или друг, с которым она могла бы связаться.

Поэтому, пока остальные Заступники планировали наступление, Каликс и Блу разговаривали.

И ждали.

ГЛАВА 27

Я полна решимости

Может мы и потеряли нашу силу и элемент неожиданности, но мы точно не проиграем. Собек забыл об одной вещи: он на моей территории, где я имею преимущество.

Добираемся до Океанской Общины поздно ночью и сразу прокрадываемся к моей пещере. Это место, о котором не знает никто. Это место, где мы будем в безопасности. Мы

собираемся напасть на рассвете, прежде чем Собек успеет собрать свои войска. Насколько нам известно, наш Мирровой Лидер думает, что мы хотим атаковать Опреснительный Завод. Именно туда он и направит Заступников. Своих Лиэнов и гибридов.

Я думаю по-другому.

С самого начала план состоял в том, чтобы добраться до центра его системы — углеродной камеры с красной крышкой — через которую фтор вбрасывается в воду. Весь лабиринт трубопровода ведет к центру сети, которому необходимо шунтирование. Мой папа всегда хотел быть хирургом, оперировать людей. Но, когда он был запечатлен с моей мамой в Лагере Монарха, его направили в Океанскую Общину, а не в Учебную Общину или к Заступникам. Однако он продолжал учиться. Он мог часами рассказывать о разных способах спасения человеческого тела. Мне всегда было скучно на таких уроках, но теперь я понимаю их цель. Он обучал меня. Папа постоянно рассказывал об операциях на открытом сердце, в частности о шунтировании. Хирург берет вену или артерию из груди, ноги или другой части тела и соединяет ее с закупоренной артерией. Новая артерия обходит блокировку, и, таким образом, сердечная мышца получает насыщенную кислородом кровь. Что-то подобное я собираюсь сделать с водопроводом Собека.

Я сделаю ему шунтирование.

Единственная, кто знает об этом — Тадж. Мы вместе это спланировали. Хотя все остальные считают, что мы собираемся взорвать водопровод, но это было бы глупым решением, так как воду все равно нужно опреснять. Но теперь уже без добавления токсинов Собека.

Добравшись до пещеры, мы разделяемся: Лаклан проверяет охранную систему на Опреснительном Заводе, Магнум направляется на поиски динамита и гаечного ключа, а Кай «одолжить» какой-нибудь транспорт, после миссии нам необходимо будет быстро добраться назад до дирижабля, и нет никого лучше в угоне моторглайдов, чем Кай. Мы же с Зилли просто поднимаемся в пещеру.

Я вытаскиваю из-за камня рюкзак отца и начинаю изучать его схемы. После моего депрограммирования, его план стал мне ясен. Это не просто каракули: это чертеж сложного лабиринта, ведущего к углеродной камере. Теперь я понимаю карту и выбираю наилучший для себя путь, как доплыть до места и выполнить задание. Я также понимаю, что «тест» Тадж, когда она бросила меня в колодец на два дня, имел практическую выгоду. Ей нужно было убедиться, что я сохраню рассудок, оказавшись в воде в экстремальных условиях. Ей нужно было проверить, что я смогу концентрироваться на настоящем и возможностях, которые у меня есть в такой ситуации.

— Что произойдет, когда ты доберешься туда? — спрашивает Зилли.

— Мне нужно будет пересоединить трубы, чтобы они шли вокруг углеродной камеры.

— И как ты это сделаешь?

— Посмотри на чертежи моего папы. Видишь эту трубу, она идет внутрь и из камеры? Мне нужно будет соединить трубу, ведущую в камеру вот с этой трубой. Таким образом, она не будет проходить через камеру, в которую через нее вбрасывается фтор.

— А разве они не смогут вернуть все назад? — Почему восьмилетка меня допрашивает? Мы зашли уже так далеко, и это — наш план.

— Нет, — говорю я, но уже не таким уверенным голосом. — Им потребуется пара месяцев, чтобы понять, что произошло.

— Разве?

— У тебя есть предложение получше? — С этой девчонкой мне не хватает никакого терпения.

Зилли просто улыбается, не обращая внимания на мое язвительное настроение. Она передает мне пакет витаминов, оставленный моим отцом.

— Мне кажется, сейчас не самое лучшее время беспокоиться о питании, — говорю я.

— Мой папа был ученым, — отвечает Зилли. — Витамины не были его основным видом деятельности. А вот создание антидота к раствору фтора был. И какой самый лучший способ вынести сильнодействующие химикаты с завода, чтобы никто не заметил? Сделать это у всех на виду. — Она улыбается. — Витамины.

— Твой папа? — Я потеряла дар речи.

— Мой папа, — повторяет она.

— Но ты не можешь быть...

— Я могу, — объявляет она. — Зилли — означает тень. Я была под землей очень долго, была вроде тени. Но теперь я здесь, и, наконец, могу быть собой.

— Сан? — У меня перехватывает дыхание.

— Я всегда была рядом с тобой, Кива. Наблюдала за моей сестрой с грустными глазами. Харидживан вырастил меня в маяке, я всегда была рядом. Я видела папу много раз. Нельзя было, чтобы ты меня заметила. Это бы поставило все под угрозу.

— Я видела твою комнату. В маяке. — Я в таком шоке, что едва выдавливаю из себя слова.

— Знаю. Поэтому я побежала вперед. Предупредить Харидживана и Инелию. Они ушли через потайную дверь. Они в безопасности.

— Инелию?

— Да. Она предписанный партнер Харидживана. Она была одним из главных шпионов Тадж с самого начала Лагеря Монарха. Одной из причин, почему Собек создал ЛМ-5, было выявление гибридов с доминантной ДНК. На протяжении многих лет было столько пар между Лиэнами и людьми, что гены Лиэнов сильно смешались, кроме нескольких, у которых они доминируют. Даже родители не знают, какой ген будет доминировать у их детей. Инелия находила этих людей для восстания. Когда вас запечатлели, и твой предписанный партнер не пережил мучений, которые вытерпела ты, она донесла об этом. Она рассказала папе, и они придумали, что меня заберут после рождения. Для того чтобы уберечь меня, но больше, чтобы защитить тебя.

— Каким образом?

— Я наблюдала за тобой всю свою жизнь. Это то, чему меня учили. Я следовала за тобой с тех пор, как отец взорвал дом.

— Что? — Я не уверена, что готова ко всей этой правде. — Он поджег дом?

— Да, он должен был направить тебя в Лабиринт. Люди Собека тоже наблюдали за тобой. Гибриды пользуются огромным спросом из-за наших возможностей. Большинство заманивают на темную сторону. Нам же удалось присоединиться к добру.

— Ты такая маленькая. — Я все еще бормочу, так как не могу поверить тому, что происходит. Я должна выполнить громадное дело меньше, чем через час, но все, о чем я могу думать — это моя маленькая сестра. Если она, конечно, моя сестра.

— Как я уже говорила, я маленькая для моего возраста, — смеется Сан. — Но я могу вырасти, если хочешь.

С этими словами она меняет форму, становясь почти такой же высокой, как я. Ее глаза

становятся светло-лавандовыми. Она сверкающая и металлическая. Но она... красивая.

— Ого. Как ты...

— Это в наших генах, — с легкостью отвечает она, принимая обычный вид. — Папа может менять форму, поэтому мы тоже. Тебе просто нужен учитель. Меня научил Харидживан. А я научу тебя.

Я хочу плакать. Я хочу кричать. Я хочу задать миллион вопросов. Вместо этого обнимаю сестру так крепко, как только могу.

— Я так по тебе скучала, Сан. Не знаю, как я могла скучать по тому, чего у меня никогда не было, но я скучала.

— Я знаю. Я тоже скучала. Но у нас есть задание. У тебя есть задание. — Она поднимает пакет витаминов и его протягивает мне. — И это не витамины, а антидот против загрязнения воды. Если ты положишь их в углеродную камеру, они нейтрализуют любые токсины, которые Собек решит вбросить в воду.

Это гениально. Ненасильственный акт восстания, до которого Заступники никогда не додумаются.

***

— ПОЧЕМУ ЗАСТУПНИКИ ВСЕГДА ПРИБЕГАЮТ К НАСИЛИЮ? — задумал Каликс.

Они с Блу устроились в тени клифов около бывшего дома Кивы. Остальные Заступники встречались с Магнумом, шпионом, пока Каликса и Блу оставили на безопасном расстоянии. Завтра повстанцев убьют, а он будет в сотнях милях от них. Станный расклад. Но он не возражал. У него было развито сильное чувство отвращения к убийствам.

— Насилие нужно для того, чтобы сохранять мир, — легко ответила Блу. — Я знаю Киву и Кая. Они... — Она замешкалась, подбирая слова, которые будут наиболее эффективными и правдоподобными. — Опасны. Они были такими с первой минуты, как вошли в лагерь. Любопытными. Самобытными. Упрямыми. Все гибриды с доминантным геном такие.

— Гибриды?

— Потомки Лиэнов и людей. Дети со смешанным ДНК и доминантным геном Лиэнов. Мы с тобой чистокровные Лиэны. — ответила Блу. — Когда я попала в лагерь, то знала, что стану Заступником. Только у меня была двойная работа. Меня должны были запечатлить с гибридом, чтобы я смогла контролировать его. — Она пожала плечами. — Но я не думала, что он так быстро сбежит, присоединившись к революции. Мне едва хватило времени установить настоящую связь с ним.

— Так ты была подсадной? — Каликс был в шоке.

— Да. Под прикрытием. Многие из нас. Другой моей задачей было добиться расположения Кивы, что, я думаю, мне удалось. Это может помочь нам в будущем. Я ей не нравлюсь, но она мне доверяет. Пойми, Каликс, чистокровных Лиэнов очень мало. Мы из высших слоев. Наша задача — запечатлиться с доминантными гибридами, чтобы контролировать для наших планов. Это гениально. Поэтому Лиэнов помещают в Лагерь Монарха, чтобы они могли вычислить, кто сможет помочь Лиэнам, а кого стоит устранить. Меня связали с Каем.

— Но теперь ты запечатлена со мной, — категорично сказал Каликс.

— Любая девушка мечтает стать королевой. — Блу улыбнулась. — В этом нет ничего страшного, что у нас нет романтических чувств, Каликс. Мы хорошо посмотримся вместе. У

нас будут красивые дети. И мы вместе будем управлять планетой, когда твоему отцу это надоест.— Она сжала его руку. — Попытайся уснуть. Расслабься.

Но Каликс был в полном напряжении.

ГЛАВА 28

Я уверена

За час до рассвета мы с Сан идем к остальной команде навстречу к Опреснительному Заводу на побережье. Я одета в купальный костюм, а моя сестра надежно спрятала пакетик с витаминами в бандану, повязанную на ее запястье. Бандана моего отца, которую он отдал мне.

Которую я затем отдала своей сестре.

Первыми пришли Лаклан с Каем. Пока я не хочу рассказывать им новости про Сан. Когда миссия будет выполнена, будет много времени для этого.

— Здесь уже более сотни Заступников, — доложил Лаклан. — Они знают, что мы придем.

— Тогда наша главная задача — попасть внутрь, а затем выбраться прежде, чем они нас заметят, — отвечаю я.

— Хороший план, — соглашается Лаклан.

— Я достал нам два байка, — говорит Кай.

— Было достаточно легко отключить устройства слежения.

— Я подумал, что мы с Магнумом можем управлять, а вы с Кивой поместитесь на заднее сиденье.

— А как насчет меня? — поинтересовалась моя сестра.

— Поэтому я достал байк с коляской. — Кай сдерживает улыбку. — Ты поедешь на стиле. Я спрятал их за деревьями позади нас. Навигация заранее вбита, так что если возникнут какие-нибудь неприятности, нужно просто будет запрыгнуть на байк и уехать. И все же я считаю, что после операции нам сразу нужно будет отправиться в Лабиринт. Некоторые Заступники могут поджидать около Маяка.

— Договорились, — поддерживает идею Лаклан.

Магнум машет нам издалека. Он хромает. С его приближением видно, что его губа снова разбита, а нос будто бы сломан.

— Что случилось? — спрашиваю его.

— Заступники. Они повсюду. — Он тяжело дышит. — Я проник в магазин, чтобы взять стальной ключ и динамит. Когда выходил, они меня поджидали.

— И как тебе удалось скрыться? — интересуется Кай.

— Я использовал немного динамита, — он ухмыляется. — И это сработало. Я уничтожил троих.

— Многим не удастся пережить и первой встречи с Заступниками, а тебе удалось это дважды, — замечает Сан.

— Что я могу сказать? Я счастливчик.

— Хватит болтать, — прерывает Кай. — У нас мало времени.

— Хорошо, — ворчит Магнум и смотрит на меня. — Каков план?

И тут я слышу голос Лаклана в своей голове: «Не говори ему, Кива. Что-то не так».

Я подавляю панику внутри меня и смотрю пристально на Магнума. Почему я не заметила раньше? Мои чувства по поводу Омри были верны — он не предатель. Магнум предатель. Я замечаю большой гаечный ключ в руках Магнума. Это не оружие, скорее

инструмент, чтобы открыть камеру. Но я в купальнике, совершенно небооружённая. Я должна думать по ситуации. Должна действовать быстро. На ум приходит урок Сунь-Цзы: «Высшее искусство войны — подчинить врага без боя».

— Так что, Кива? — Магнум заметно нетерпелив. Я замечаю, что взглядом он что-то высматривает в небе. Это означает, что в любую минуту появится вертолёт. Мне нужно спасти как можно больше людей.

— Да, Кива. Мы все ждем твоего решения, — подхватывает Лаклан.

Я делаю глубокий вдох и повторяю мантру Майка:

— Аад гурай Наме. Аад гурай Наме. Аад гурай Наме.

— Что это значит? — спрашивает Магнум.

— Мы придерживаемся первоначального плана, — отвечаю я.

— Каков первоначальный план? — интересуется Магнум. — Ты так и не рассказала нам.

— Кай. — Я смотрю в глаза своему другу, надеюсь, что он поймет мое послание. — Помнишь, что мы делали в последний день Лагеря Монаха? Чему ты меня научил?

— Да, — отвечает он, совершенно сбитый с толку.

— Я хочу, чтобы ты также научил этому Зилли.

— Сейчас? — Он в недоумении.

— Прямо сейчас. Доверься мне. — Я поворачиваюсь к сестре: — Можно назад мою бандану? Когда мы с Магнумом взорвем завод, мне нужно будет что-то, чтобы прикрыть рот от дыма.

Она кивает и развязывает бандану, чтобы повязать ее вокруг моего запястья с надежно спрятанным в ней антидотом. Я быстро обнимаю ее на прощание.

— Теперь иди.

— Кива. — Кай медлит.

— Иди, Кай, — резко говорю я. — Этой миссией руковожу я.

Я тяну время, пока Зилли и Кай не скрываются в зарослях деревьев.

— Что это было? — ворчит Магнум.

— Она ребенок и не должна быть частью этого всего.

— А как насчет Кая? — интересуется Лаклан.

— Я ему не доверяю. Он не достал нам транспорт для побега. Я думаю, что он параллельно работал на Заступников.

— Я тоже ему не доверяю, — поддакивает Магнум.

— Отлично. Значит, мы все согласны, — говорю я, и все кивают. — Мы разберемся с ним после миссии. Магнум, разденься до нижнего белья.

— Что?

— Ты участвуешь в плане или нет? — говорю я с авторитетом в голосе. — Мы с тобой это сделаем. Это работа для двоих.

— Нет, нет, ни за что. — Лаклан не доволен. — Я тоже пойду.

В моей голове он добавляет: «Он хочет убить тебя, Кива. Позволь мне помочь».

— Нам не нужна твоя помощь, Лаклан, — громко отвечаю я. В голове же тихо добавляю: «Пожалуйста, поверь мне. Я знаю, что делаю».

Я думаю, что если смогу заманить Магнума в воду, он станет приманкой, за которой последуют Заступники. И тогда я смогу спасти свою команду, своих друзей, свою семью, и, возможно, завершить миссию. И не важно, если я умру, ибо я спасу многих.

Только я знаю, что Лаклан не позволит мне уйти одной. Его задача — защищать меня. Однако моя задача — защитить человечество.

— Прости за это, Лаклан, — говорю я.

— За что?

— Это. — Я выхватываю гаечный ключ у Магнума и бью им по ноге Лаклана, прежде чем он успевает среагировать. Раздается хруст кости. Я только что сломала ему коленную чашечку. Он падает на землю, вопя от боли.

— Пошли, Магнум, — говорю я, бросая ему назад гаечный ключ. Я не оборачиваюсь. Я не могу видеть мучения Лаклана, но это единственный способ остановить его.

— Зачем ты это сделала? — спрашивает Магнум, ныряя за мной в воду.

— Он нас тормозил, — жестоко отвечаю я. — Это задание для двоих. Он слишком стар и слаб. Нам нужны бойцы. Вроде нас.

Отплывая все дальше и дальше, мы все еще слышим стоны Лаклана.

Я первая доплываю до трубопровода. Ожидая Магнума, я осматриваю пустой берег. Единственной надеждой моего жестокого поступка было то, что Кай и Сан заберут Лаклана быстрее Заступников.

— Далеко мы заплыли, — сплевывает Магнум, садясь на трубу.

— Попробуй делать это каждый день своей жизни.

— Что теперь? — У Магнума сильно сбилось дыхание.

— Под нами находится водопровод Опреснительного Завода, где очищается вода.

— Я думал, что она очищается внутри завода.

— Да. А затем проходит через трубы, находящиеся под нами, где в нее добавляются некоторые вещества.

— Подожди. Я думал, что мы плывем к заводу.

— Так и есть. Это же часть завода.

— Но я думал...

— Что? Что мы собираемся взорвать сам завод? Что хорошего будет от этого? Собек просто построит еще один завод. — Я сползаю с трубы, немного отдаляясь от Магнума в воде. — Кроме того, Заступникам было бы слишком просто подкараулить нас там. Так как на заводе достаточно закоулков и потайных мест, чтобы спрятаться, а затем вырубить нас электрошокером и пытаться. Заступники печально известны тем, что мучают своих жертв, а не отпускают их, — я выкрикиваю свои слова Магнуму в лицо.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Разве? — Мы пялимся друг на друга. — Это был не Омри. А ты. Все время. Ты убил Резз. А она была моим другом.

Магнум, наконец, понимает, что его поймали.

— Я убью и тебя, грязный гибрид. — Он бросает гаечный ключ в меня. Магнум целится хорошо, однако, моя реакция молниеносна, я успеваю развернуться прежде, чем ключ пролетает в миллиметре от меня. И затем я ныряю.

Магнум следует по пятам.

Я плыву в лабиринте труб с Магнумом на моем хвосте. Он явно притворялся медленным пловцом. Сейчас мне едва удастся оторваться от него. Я набираю скорость и направляюсь туда, куда не собиралась больше никогда не возвращаться. По пути выныриваю, делаю большой вдох и погружаюсь под воду снова.

Я добираюсь до места и оборачиваюсь — Магнум совсем рядом. Позволяю ему схватить

меня. Он держит мою руку, сжимая ее. Его голова проходит сквозь узкое пространство между труб, и он яростно на меня смотрит. Он протискивается между трубами, но застревает. Он не может выбраться. Стучит по трубам в надежде, что это поможет ему. С каждым движением он теряет все больше сил и кислорода. Осознав, что произошло, он бьется всем телом в надежде освободиться. В конце концов, ярость в его глазах превращается в страх. Через минуту его тело перестает сопротивляться.

Второй раз в моей жизни на этом же самом месте я наблюдаю, как кто-то умирает.

***

— ЧТО ЭТО? — Каликс вскакивает спросонья, услышав громкий вопль на пляже.

Блу с Каликсом мчатся вниз на пляж, где медленно идут два повстанца: Кай помогает пожилому человеку, который хромает.

— Мы должны остановить их, — сказала Блу.

— И что потом? — честно спросил Каликс.

— Не знаю, — кричит на ходу Блу. — Но мы не можем просто так стоять.

Они добегают до мятежников.

— Стоять, — скомандовала Блу.

— Привет, Блу, — ухмыльнулся Кай. — Рад тебя видеть здесь.

— Кай.

— Я вижу, ты живешь дальше. — Кай настороженно посмотрел на Каликса. Его рука на ноже, он был готов метнуть его в любую минуту.

— Где Кива? — Она осмотрелась по сторонам.

— Она немного занята сейчас. Почему бы тебе не пойти с нами и не познакомиться с ее новыми друзьями?

— Я хотела предложить то же самое. Думаю, Собек будет рад встрече с тобой.

— А Тадж с тобой.

Они уставились друг на друга, повисла пауза. У каждого рука была на оружие. За секунду тут могло бы быть кровавое побоище, но никто не хотел делать первый шаг.

— Я могу предложить сделку? — наконец сказал Лаклан. Все повернулись на пожилого мужчину, корчившегося от боли.

— Это ускорит процесс.

ГЛАВА 29

Я стала собой

Спустя пятнадцать минут после смерти Гражданина, его Третий пропадает с радаров. Я уверена, что люди Собека следят за Магнумом, поэтому у меня есть пятнадцать минут, чтобы ввести антидот в углеродную камеру и скрыться. Единственная проблема — у меня нет времени искать на дне гаечный ключ, который кинул Магнум. Если я вернусь за ключом, то мне не хватит времени закончить миссию, а если я не заберу его, то просто не смогу открыть камеру. Я недолго сомневаюсь, решая какую стратегию выбрать.

И уверенно плыву прямо к камере.

Если я на самом деле Гибрид со сверхвозможностями, то мне просто-напросто не понадобится ключ. Я замечаю камеру с красной крышкой и подплываю к ней. У нее восьмиугольная ручка, которую с легкостью открыл бы гаечный ключ. Я пытаюсь открыть засов пальцами, ожидая, что моя новая сила проявится и поможет мне. Но мои пальцы постоянно соскальзывают, не сдвигая устройство ни на миллиметр.

Я всплываю, чтобы набрать воздуха и подумать. Время истекает, и впервые я понимаю,

что могу провалить миссию. Я подведу сопротивление. Я подведу сестру.

Я лезу в бандану за таблетками. Если только смогу положить их прямо в воду и очистить ее таким образом. Но океан огромен. Единственный способ остановить Собека — попасть в ту камеру. Однако у меня нет для этого приспособлений. У меня нет с собой гаечного ключа. Единственное, что у меня есть с восьмью гранями — это...

Я быстро возвращаюсь вниз и фокусируюсь на своем талисмানে. На моем Целфе. На себе.

Тем же образом, как восемь ног приняли положение, когда я поняла, кто я на самом деле, также они охватили засов и повернули его. Это сработало, и за секунду засов упал, а я смогла добавить антидот в камеру. Чтобы закрыть ручку я снова использую браслет.

И уплываю прочь.

ЭПИЛОГ

Я дома

Я нахожу моторглайд, который для меня оставил Кай, и еду напрямик в Саббатикал-Сити. Уже почти полночь, когда я добираюсь до фонтана и проскальзываю за голограмму в Лабиринт, а оттуда к лифту.

Дорога вниз занимает много времени, и я надеюсь, что внизу все с радостью встретят меня. Когда откроются двери, я ожидаю увидеть всех своих друзей. Вместо это я вижу лишь темноту. Подземный город спит, кроме одного человека, кто ждет около лифта — моей сестры. Моей Сан. Она лучше любого радушного приема. Я крепко обнимаю ее и не хочу отпускать.

— Наконец, все позади. Мы снова можем быть семьей, — говорю я.

— Это только начало, — вздыхает она, мудрая не по годам. Она берет меня за руку и ведет к нашей палатке.

— Как вы добрались назад? Как все? Тебе понравилось кататься на моторглайде? Как нога Лаклана? Где Кай? Тадж уже начала вторую фазу? — У меня столько вопросов, и только Сан может на них ответить.

— Завтра будет достаточно времени, а пока тебе нужно поспать, — настаивает она, когда мы входим в палатку. Она укутывает меня в гамаке — потерянный ребенок становится новоиспеченной матерью.

Сопенье Патель успокаивает меня, однако пустой гамак Резз добавляет мерзкую горечь в мое чувство победы. Завтра я буду успокаивать Джину. Завтра я воссоединюсь с Каем. Мы с Тадж разработаем вторую фазу. Сейчас же мне хочется выспаться. Я победила. Я спасла человечество.

Голос вторгается в мою голову. И он не принадлежит Инелии. Или Тадж. Или Лаклану. Это голос Собека.

— Поздравляю, Кива. Я всегда знал, что ты особенная. Только подумай, какой сильной ты станешь с партнером. Ой, дорогая, я не про себя, я слишком стар. Я слишком долго жил. Я готов передать мир достойному наследнику. Команде партнеров, которые приведут этот мир в следующее тысячелетие.

— Ах, да, ты возможно интересуешься, где Кай. Бедняжка. Загадка решена. Он теперь с нами. Я его поймал. Найди нас.

Я уверена, что мы сможем что-нибудь придумать.

Больше книг на сайте - Knigoed.net